

«Милая моя Ресничка!..»

Сергей Седов. Письма из ссылки

Научно-Информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Hoover Institution (Stanford University)

2006

ББК 84Р7
М-60

*Редактор-составитель Е.В.Русакова
Подготовка и публикация документов – С.А.Ларьков*

Под общей редакцией И.А.Флиге

М-60 **«Милая моя Ресничка!..»** Сергей Седов. Письма из ссылки. СПб., НИЦ «Мемориал». 2006. 254 с., ил.

Сергей Седов (1908–1937), младший сын Л.Троцкого, был талантливым инженером, писал учебники и статьи в технических журналах. Играл в теннис, футбол, был веселым парнем. В 1935 его арестовали и сослали в Красноярск. В 1937 Сергей Седов был расстрелян. В этой книге – письма Сергея Седова к жене из красноярской ссылки.

Вступительная статья базируется на исследовании архивно-следственных дел. В качестве приложений публикуются фрагменты архивно-следственных дел, письма Сергея Седова из Москвы к родителям и брату, высланным из СССР, и др. документы.

ISBN 598278-025-1

Издание осуществлено при поддержке Hoover Institution (Stanford University), а также при участии Юлии Аксельрод

Благодарим за помощь Hr. Rolf Simmen (Berlin);
Ms. Alice Southall (Birmingham); Fr. Annette Parys (Stuttgart);
Hr. Wolfgang Lubitz (Берлин);
Fr. Lili Thielmann (Bremen); Владимира Аксельрода (Нью-Йорк);
Всеволода Зельченко (Санкт-Петербург);
Глеба Полторака (Санкт-Петербург), Юлию Рейфшнейдер (Москва);
Сергея Рожкова (Москва), Бориса Хаимского (Санкт-Петербург)

ISBN 598278-025-1

© НИЦ «Мемориал», составление, 2006
© Hoover Institution Archives (Stanford University),
письма, 2006
© Ю.Аксельрод, письма, 2006
© Е.Кудрявцева, оформление, 2006

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

...Читать чужие любовные письма – это все равно что подглядывать в замочную скважину, но для историка, каковым я являюсь, – это можно: для нас это документ, источник, позволяющий судить о времени и о людях. И источник этот интересный – человеческие характеры видны в нем объемно и ярко. Может, ты помнишь, в Москве в 60-х гг. появилась мода на «спектакли в письмах» – «Милый лжец» во МХАТе о Шоу, инсценированная переписка Чехова и Лики Мизиновой в Театре Моссовета и т.д. Если бы этот жанр развивался, то в данной эпистолярной коллекции он получил бы блестящее продолжение.

Нашему герою к тому времени было лет 28 – в одном месте он вспоминает о студенческой пирушке в связи с окончанием института, которая состоялась за пять лет до этого. Но он за пять лет успел стать доцентом и преподавал в вузе. Специальность прикладная – инженер, но круг интересов очень широк. По специальности собирает и просит собирать все, что выходит. Много писал и публиковался. Только перед поездкой сдал в редакцию и опубликовал 3–4 статьи. По нынешним временам это довольно много. В то же время просит книги по истории Земли, по происхождению жизни (биологии клетки) и т.д.

Начитан на редкость – цитирует по памяти Петрония (древнеримский автор), Гоголя, Маяков-

Письмо Анатолия Азарха (Москва) к Юлии Аксельрод (Нью-Йорк) от 18 ноября 1980. Из архива Ю.Аксельрод. Анатолий Эммануилович Азарх – кандидат исторических наук, г.Карьят-Арба, Израиль.

ского, ссылается на древнегреческую и древнеримскую мифологию, на Достоевского, на Ю.Олешу, В.Гюго, Мопассана. <...> выучил латынь и многое из римских текстов прочитал в подлиннике. Особенно ему понравилась легенда о том, что римляне для наказания неверных жен и их любовников использовали репу, которая вставлялась в соответствующие места их брэнного тела. Эта тема его очень занимала и смешила, как он пишет, корнеплоды ему часто снились. Если учесть, сколь горячо он ждал приезда своей адресатки, – это вполне понятно.

Письма начинаются в августе, а заканчиваются в октябре одного года. Начал он их писать в поезде на следующий день после того, как выехал после одиночества. Причем сразу видно, что, несмотря на пережитое, личность сохранилась и не сломалась. Самое очевидное подтверждение этого – ироничное отношение к себе и действительности. Вот как он вспоминает о своей прежней жизни: «Я недавно прикидывал, что я оставил за собой, не считая тебя, конечно: несколько галстуков, напуганных товарищей и знакомых, несколько сотен книг, полуботинки, два костюма, два скандала в честном еврейском семействе, отрешья наивности, каким-то чудом державшиеся до сих пор, пальто, долги, научную карьеру, бессонницу...»¹ Причем стоит ему получить письмо с уведомлением о предстоящем приезде, а также приободриться в связи с возможным устройством на работу и получением комнаты, он (с удивлением, по-моему) пишет, что «иллюзии регенерируют, как оторванный хвост у ящерицы». Жизнерадостный был человек! О будущем своем он, как и многие другие, не догадывался.

¹ Цитируемое письмо в корпусе, поступившем в наше распоряжение, к сожалению, не было обнаружено.

Любил футбол, входил в команды и забивал голы. Футболисты многие относились к нему хорошо и помогали чем могли.

Но больше всего любил твою знакомую. Любил крепко и писал об этом хорошо – без слюней, но и без «опрощения». Он пишет в одном месте, что о чем бы ни говорилось в его письмах, все заканчивается одним – ожиданием ее приезда. После долгих рассуждений на какие-то отвлеченные темы он заканчивает письмо следующей фразой: «приезжай, мы займемся проблемой бессмертия».

Результатом изучения этой проблемы явилось появление на свет знакомой тебе девочки.

В одном из писем вспоминает места, в которых у них были свидания, – список большой. Упоминаются там и Черемушки. <...> Леля во многом повторила его судьбу. О ней он трогательно заботился – старался помочь.

<...> На меня произвело сильное впечатление. Яркий человек...

ОТ РЕДАКЦИИ

Младшего сына Л.Д.Троцкого Сергея Львовича Седова постигла участь всех близких к нему людей, оставшихся в Советском Союзе. С.Л.Седов был далек от политики, полностью посвятив себя инженерии. Однако в 1935 он был арестован в Москве и сослан на пять лет в Красноярск. Через год он был там же арестован, отправлен в Воркутинские лагеря, а в 1937 возвращен в Красноярск уже как главный обвиняемый по делу контрреволюционной диверсионной организации на заводе «Красмаш» и 29 октября 1937 расстрелян по приговору выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Незадолго до ареста, в 1935, Сергей Львович женился на Генриетте Михайловне Рубинштейн, молодом инженере-текстильщике. На пути в ссылку и в первые месяцы жизни в Красноярске он регулярно писал своей жене, которая вскоре приехала к нему. После ареста Сергея Львовича в мае 1936 она вернулась в Москву и вскоре родила дочку Юлию.

Письма Сергея Львовича Генриетта Михайловна передала на хранение Л.А.Охитовичу, который сберег их и по возвращении Г.М. «на материк» возвратил. В 1979 Юлия Рубинштейн, в замужестве Аксельрод, эмигрировала в США. Перед ее отъездом мать передала ей письма и много рассказала о своей жизни, чего никогда до того не делала. Взять с собой письма Юлия Аксельрод не решилась, оставила их своим друзьям в Москве. В течение нескольких лет ее друзья по одному, по два, разными путями и способами пересылали ей письма отца.

Все эти письма Ю.Аксельрод передала на хранение в Гуверовский институт (Hoover Institution Archives) при Стенфордском Университете в Калифорнии (Stanford University), где они и хранятся наряду с другими материалами, относящимися к семье Л.Д.Троцкого (например, переписка Троцкого со старшим сыном Львом Седовым времен ссылки Льва Давыдовича в Алма-Ату 1928–1929 годов).

По просьбе Ю.Аксельрод сотрудник Научно-информационного и просветительского Центра «Мемориал» (Москва) Сергей Ларьков ознакомился в архиве Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации с архивно-следственными делами С.Л.Седова 1935 и 1937 годов, Г.М.Рубинштейн (она была приговорена к 8 годам заключения и 10 лет провела в Колымских лагерях и еще почти столько же – в ссылке на Колыме), а также с делами ее родителей, за причастность к Троцкому в старости отправленных в ссылку в Сибирь.

В предлагаемом издании публикуются письма Сергея Львовича Седова, предваряемые очерком о его арестах, следствиях, приговорах и о преследованиях близких ему людей.

Чтобы легче было ориентироваться, предлагаем вашему вниманию список родственников Л.Троцкого, многие из которых встречаются на страницах данного издания. Каждое последующее поколение характеризуется сдвигом абзаца вправо; имена родственников выделены жирным шрифтом, свойственников – курсивом.

СЕМЬЯ ТРОЦКОГО КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ¹

Бронштейн Александр Давыдович (1870–1938), расстрелян.

Матильда Александровна (1895–1952), погибла в Мордовских лагерях.

Муж Маврикий Бернардович Менкес (1893–1938), расстрелян.

Борис Александрович Бронштейн (1897–1937), участник знаменитой экспедиции на «Сибирякове» 1932 года, расстрелян.

Жена Руфина Васильевна Кепанова (1899–1975), геолог, пережила 2 ареста и провела в лагерях в общей сложности 17 лет.

Валерий Борисович Бронштейн (р.1924), геолог, 7 с лишним лет провел в ссылке на Колыме.

Лев Александрович (1902–1947), отбыл 10-летнее лагерное заключение в Воркуте и умер в 1947 году на второй день после возвращения в Москву.

Жена Наталья, урожд. Шнейдерова, в 1937 была выслана, покончила с собой (бросилась под поезд).

Евгения Александровна (1908–1985), домохозяйка, в 1930-е была выслана в Казахстан.

Анна (Анета) Александровна (р.1912), пробыла в лагере с 1950 по 1955.

Муж Лев Наумович Мейльман (1900–1960), архитектор, был арестован в 1949 и пять лет провел в казахстанских лагерях.

¹ Валерий Борисович Бронштейн в своей книге «Преодоление» (М., 2004) привел краткие сведения о родственниках Л.Д.Троцкого. Публикуем их здесь с небольшими уточнениями.

Каждое последующее поколение в тексте отмечено сдвигом вправо; имена родственников выделены жирным шрифтом; сведения о родственниках – курсивом.

Бронштейн Елизавета Давыдовна (1875–1924), умерла своей смертью.

Лев Наумович Мейльман (1900–1960), архитектор, был арестован в 1949 и пять лет провел в казахстанских лагерях.

Бронштейн Ольга Давыдовна (1883–1941), жена Л.Б.Каменева, расстреляна в сентябре 1941 в Орловской тюрьме.

Муж Лев Борисович Розенфельд (Каменев) (1882–1936), расстрелян.

Александр Львович Каменев (Розенфельд) (1907–1936), расстрелян.

Юрий Львович Каменев (Розенфельд) (1916–1936), расстрелян.

Бронштейн (Троцкий) Лев Давыдович (1879–1940), в ссылке в Алма-Ате (1928), выслан из СССР в 1929, убит 21 июля 1940.

Первая жена Александра Львовна Соколовская (1872–1938), расстреляна.

Зинаида Львовна Моглина (1900–1933), покончила с собой (отравилась газом) в Берлине.

Первый муж Захар Борисович Моглин (1897–1937), расстрелян.

Александра Захаровна Моглина (1923–1989), в 1949 арестована и выслана в Казахстан.

Второй муж З.Л.Моглиной Платон Иванович Волков (1898–1936), расстрелян в Москве.

Волков Всеволод (Эстебан) Платонович (р.1926), в 1932 вывезен в Европу, после смерти матери жил в Париже с Львом Львовичем Седовым, после его смерти – в Мексике с Л.Д.Троцким.

Нина Львовна Невельсон (1902–1929), умерла от туберкулеза.

Муж Манн Самсонович Невельсон (?–1937), в 1928 сослан, в 1937 расстрелян.

Семья Троцкого

Лев Маннович (1921–?), в начале 1930-х отправлен с сестрой бабушки Марией Львовной Соколовской на Украину, дальнейшая судьба неизвестна.

Волина Манновна (1925–?), в начале 1930-х отправлена с сестрой бабушки Марией Львовной Соколовской на Украину, дальнейшая судьба неизвестна.

Вторая жена Л.Д.Троцкого Наталия Ивановна Седова (1882–1962), выслана из СССР вместе с Троцким.

Лев Львович Седов (1906–1938), выслан из СССР вместе с родителями, умер при невыясненных обстоятельствах.

Первая жена Анна Самойловна Рябухина (1899–1938), расстреляна.

Лев Львович (Люлик) (1927–?). Жил с Сергеем Седовым и его первой женой О.Гребнер. После 1935 судьба неизвестна.

Сергей Львович Седов (1908–1937), расстрелян.

Первая жена, Ольга Эдуардовна Гребнер (1906–1992), в 1935 арестована, сослана в Воронеж.

Вторая жена Генриетта Михайловна Рубинштейн (1911–1987), в 1937 арестована, пережила 10 лет лагерей и 9 лет ссылки.

Юлия Сергеевна Аксельрод (урожд. Рубинштейн, р.1936), с 10 мая по 2 июля 1951 – в детприемнике после ареста бабушки и бабушки, с которыми жила после ареста матери. Со 2 июля 1951 до лета 1955 в ссылке вместе с бабушкой Рубинштейн Рейзой Ельвовой (1886–1962) и дедушкой Рубинштейном Моисеем Ивельевичем (1880–1954).

Сергей Ларьков, Елена Русакова, Ирина Флиге

Сергей Седов – «сын врага народа Троцкого»

Сергей Седов, младший сын Льва Давыдовича Бронштейна и Натальи Ивановны Седовой, родился в Вене 21 марта 1908 и все до-революционные годы жил в эмиграции с родителями и старшим братом Львом. В отличие от Льва, Сергей политикой не увлекался, и, как вспоминал позже отец, он «отчасти из прямой оппозиции [к брату] повернулся спиной к политике лет с 12-ти: занимался гимнастикой, увлекался цирком, хотел даже стать цирковым артистом»¹. Детские предпочтения сменились тягой к технике, Сергей закончил Московский механический институт по специальности «автомобилизм», позднее заинтересовался теплотехникой. Он занимался научной работой, писал статьи и книги, преподавал в институтах. Был хорошим сыном и поддерживал родителей в тяжелые минуты: навещал их в ссылке в Алма-Ате, провожая в эмиграцию, доехал с ними до Одессы (сам предпочел остаться в СССР).

О судьбе Сергея Львовича Седова долгое время строились лишь смутные догадки. Составители и издатели «Дневников и писем» Л.Троцкого дают о нем такую справку: «С.Л.Седов (1908–1937), младший сын Троцкого. <...> в 1935 году Сергей Седов был арестован, а в 1937 г., очевидно, расстрелян. Реабилитирован в 1988»². Сведения о гибели Сергея Львовича приводит в своей книге внучатый племянник Троцкого, внук его старшего брата Александра Давыдовича, Валерий Борисович Бронштейн: «Расстрелян в Красноярске 29.10.37 г.»³ Гибели предшествовал трагический путь Сергея Седова по тюрьмам, этапам, ссылкам и лагерям, о чем до недавнего времени

¹ Цит. по: *Троцкий Л.* Дневники и письма. М., 1988. 2 апреля. С.109. Далее ссылка на это издание: Дневники.

² Цит. по: Дневники. С.219.

³ *Бронштейн В.Б.* Преодоление. М., 2004. С.190.

существовали лишь малочисленные разрозненные свидетельства. Этот путь удалось проследить с большей или меньшей степенью достоверности благодаря работе С.А.Ларькова, сотрудника Научно-информационного просветительского центра (НИПЦ) «Мемориал» (Москва), с архивно-следственными делами, которую он провел по просьбе дочери Седова Юлии Аксельрод⁴.

В ночь с 3 на 4 марта 1935 Сергей Седов был арестован; ордер на арест и обыск по адресу: Большая Серпуховская улица, дом 46, квартира 155, – был завизирован лично наркомом внутренних дел Ягодой⁵.

При обыске «взято для доставления в Главное Управление Государственной Безопасности следующее: 1) Большое количество рукописей, рукописных материалов и печатных материалов Льва Давыдовича Троцкого, являющихся по заявлению арестованного Седова архивом Троцкого, охватывающим период 1918–1927 год (даты приблизительные). 2) Личная переписка Седова с Троцким в том числе и телеграммы, во время пребывания Троцкого в Алма-Ате и за границей. 3) Большое количество разных фотоснимков Троцкого. 4) Записные книжки и адреса, записанные Седовым. 5) Гнусный контрреволюционный пасквиль, обнаруженный в красной папке, в которой хранились разные вышивальные рисунки. Папка лежала в чемодане. 6) Клинок, грамота ЦИК СССР о награждении Троцкого орденом Кр[асного] Знамени, штык и именной нож Троцкого»⁶. Сразу отметим, что в деле нет никаких документов, по которым можно было бы установить судьбу всего изъятого. Представляет интерес запись оперативника о заявленной Седовым жалобе на «неправильности, допущенные при обыске и заключающиеся, по мнению жалобщика, в том, что обнаруженный "пасквиль" ему был предъявлен в конце обыска». Не исключено, что жалоба Седова связана с тем, что во время обыска этот документ был ему подброшен.

⁴ Копии материалов и выписки из архивно-следственных дел С.Л.Седова (1935 г. и 1937 г.), Г.М.Рубинштейн (1937 г.). М.И.Рубинштейна (1951 г.) и Р.Е.Рубинштейн (1951 г.) хранятся в Архиве НИПЦ «Мемориал» (Москва): Ф.1. Оп.4: Седов; Ф.1. Оп.4: Г.М.Рубинштейн; Ф.1. Оп.4: М.И.Рубинштейн; Ф.1. Оп.4: Р.Е.Рубинштейн.

⁵ Ордер №2348 от 3.03.1935 г. на арест и обыск. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.3. Л.78.

⁶ Протокол обыска от 4.03.1935. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.3. Л.79. Здесь и далее при цитировании сохраняется стиль, орфография и пунктуация документов.

Из «Анкеты арестованного» (она заполнялась следователем или дежурным оперативником со слов арестованного)⁷ можно почерпнуть некоторые биографические сведения, правда, в редакции следственных органов. В графе «Место службы и должность или род занятий» указано: «Преподаватель. До 19 февраля работал в Московском Авиационном Ин-те и по совместительству Дирижабельный учебный комбинат». «Социальное происхождение: отец журналист-литератор Л.Д.Троцкий». «Социальное положение – служащий, до революции – учащийся, после революции – учащийся и служащий». В графе «Партийность» – «Беспартийный», «Национальность» – «Русско-еврейская», «в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти» – «не служил». «Состав семьи: Генриетта Михайловна Рубинштейн – жена, студентка Текстильного ин-та. Маросейка 13, кв. 12. Троцкий Л.Д. – отец, живет во Франции, Троцкая Н.И. – мать – живет во Франции, Седов Л.Л. – брат, живет во Франции. Гребнер О.Э. бывшая жена, библиотекарь Б. Серпуховская, д. 46 кв. 155».

В графе «Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)» записано: «Несколько обысков и вызывался на допрос в ОГПУ». Когда это было, в связи с чем – не указано.

Далее в деле – «Квитанции» комендатуры АХУ (административно-хозяйственного управления) НКВД – «о приеме от Седова 301 рубля 13 копеек», «о приеме от Седова паспорта и военного билета», в другой квитанции: «<...> подушка, одеяло, простыня, часы на руку никелированные, кашне...»

На первом допросе следствие интересовала связь Седова с отцом. Сергей Львович не скрывал, что ездил к отцу в Алма-Ату и проводил родителей и брата до Одессы при их отъезде за границу. Следователь спросил, передавал ли Троцкий через сына что-либо своим единомышленникам в Москву. Седов ответил, что несколько писем в Москву привозил, но их содержания не знает, а кому передавал – не помнит. Однако после предъявления показаний Б.Н.Розенфельда он подтвердил, что именно Розенфельду он письма и передавал⁸.

Борис Николаевич Розенфельд (1908–1937) – племянник Л.Б.Каменева (Розенфельда), женатого на сестре Л.Д.Троцкого

⁷ См. Приложение 1, с.44 наст. изд.

⁸ См. Приложение 2, с.47 наст. изд.

Ольге. Арестован в Москве 31 января 1935. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР 14 июля 1935 года приговорен к 5 годам ИТЛ по «Кремлевскому делу», вторично арестован в Белбалтлаге, этапирован в Москву, 12 июля 1937 года ВК ВС СССР приговорен к расстрелу, расстрелян 13 июля.

Только 20 марта, через 16 дней после ареста и помещения Седова в тюрьму (вероятно, в Бутырскую), сотрудник госбезопасности, «<...> рассмотрев следственный материал [то есть протокол единственного на тот момент допроса. – С.Л.] по делу №910 и приняв во внимание что гр. Седов Сергей Львович достаточно изобличается в том, что он является участником к-р террористической организации постановил: гр. Седова С.Л. привлечь в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей»⁹.

Постановление было предъявлено Седову 25 марта. А 2 апреля 1935 в дневнике жившего во Франции Троцкого появилась запись: «От младшего сына, Сережи, профессора в технологическом институте, прекратились письма, в последнем он писал, что вокруг него сгущаются какие-то тревожные слухи¹⁰. Очевидно, и его выслали из Москвы. <...> Младший сын <...> много работал, стал профессором, выпустил недавно, совместно с другими инженерами, книгу о двигателях¹¹. Если его действительно выслали, то исключительно по мотивам личной мести: политических оснований не могло быть! Для характеристики бытовых условий Москвы: Сережа рано женился; жили они с женой несколько лет в одной комнате, оставшейся им от последней нашей квартиры, после нашего выезда из Кремля. Года полтора тому назад Сережа с женой разошелся; но за отсутствием свободной комнаты они продолжали жить вместе до последних дней. Вероятно, теперь только ГПУ развело их в разные стороны... Может быть, и Лелю сослали? Это не исключено!»¹².

Тревога родителей нарастала. 3 апреля Лев Давыдович записал в дневнике: «Я явно недооценил непосредственный практический

⁹ Постановление об избрании меры пресечения. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.3. Л.84.

¹⁰ См. Приложение 11, с.107 наст. изд.

¹¹ Вероятно, имеется в виду книга: *Седов С.Л., Мезин И.С., Черномордик Б.М.* Легкие газогенераторы автотракторного типа. [Л.], 1934.

¹² Цит. по: Дневники, 2 апреля 1935. С.108–109. Леля – Ольга Эдуардовна Гребнер, первая жена Сергея Седова, – ее фамилии, имени и отчества, равно как и дальнейшей судьбы, издатели дневников Троцкого не знали.

смысл заявления о “подонках троцкистах”; острие “акции” снова направлено на этот раз против лично близких мне людей. Когда я вчера вечером передал письмо от старшего сына из Парижа Н[аталья], она сказала: “Они его [Сергея] ни в коем случае не вышлют, они будут пытаться его, чтоб добиться чего-нибудь, а затем уничтожат”. <...> С какой непосредственностью и проникновенностью Н[аталья] представила Сережу в тюрьме: ему должно быть вдвойне тяжело, ибо его интересы совсем вне политики, и у него, поистине, в чужом пиру похмелье. Н[аталья] вспомнила даже Барычкина: “отомстит он ему теперь!”¹³

«Барычкин – бывший мытищинский (под Москвой) рабочий, окончательно испортившийся и исподличавшийся в ГПУ. Кажется, в 1924 он попался в растрате, но Ягода “спас” его и тем превратил в раба. Этот Барычкин когда-то часто сопровождал меня на охоту и рыбную ловлю и поражал смесью революционности, шутовства и лакейства. Чем дальше, тем антипатичнее становился он, и я отделался от него. Он жаловался плаксиво <...>: “Не берет меня больше Л.Д. <...> на охоту...” После этого <...> он попался в растрате и, в качестве прощенного, демонстративно проявлял ненависть к оппозиции, чтоб оправдать доверие начальства.

Когда меня высылали из Москвы, он нагло вошел в квартиру, не снимая верхнего платья. – Вы почему в шапке? – сказал я ему. Он вышел молча с видом побитой собаки. На вокзале, когда “гепеуры” несли меня на руках, Лева кричал: “Смотрите, рабочие, как несут Тр.” Барычкин подскочил к нему и стал зажимать рот. Сережа ударил с силой Барычкина по лицу. Тот отскочил, ворча, но истории не поднял... Вот по этому поводу Н[аталья] и сказала: “припомнит он теперь Сереже...”¹⁴

Следующая запись дневника, 5 апреля 1935, почти вся посвящена Сергею Седову. «Сейчас мы ждем вестей о Сереже, – ждет особенно Н[аталья], ее внутренняя жизнь проходит в этом ожидании. Но получить достоверное известие не просто. Переписка с Сережей и в более благополучные времена была лотереей. Я не писал ему вовсе, чтоб не дать властям никакого повода придраться к нему. Только Н[аталья], и притом только о личных делах. Так же отвечал и Сережа. Были долгие периоды, когда письма переставали приходиться вовсе. Затем внезапно прорывалась открытка, и переписка восстанавливалась на некоторое время. После последних событий (убийство Кирова

¹³ Цит. по: Дневники, 3 апреля 1935. С.109–111.

¹⁴ Цит. по: Дневники, 3 апреля 1935. С.111.

и пр.) цензура иностр[анной] корреспонденции должна была стать еще свирепее. Если Сережа в тюрьме, то ему, конечно, не дадут писать за границу. Если он уже в ссылке, то положение несколько более благоприятно, однако все зависит от конкретных условий. <...> Об аресте Сережи мог бы написать кто-нибудь из близких. Но кто? Не осталось, видимо, никого. <...> Н[аталья] заговорила (после большого перерыва) снова о Сереже. "Чего они могут потребовать от него? Чтоб он покаялся? Но ему не в чем каяться. Чтоб он "отказался" от отца?.. В каком смысле? Но именно потому, что ему не в чем каяться, у него нет и перспективы. До каких пор его будут держать?" <...> Мы говорили о Сереже. На Принкипо¹⁵ обсуждался вопрос о его переезде за границу. Но куда и как? Лева связан с политикой кровью, и в этом оправдание его эмиграции. А Сережа связался с техникой, с институтом. На Принкипо он томился бы. К тому же трудно было загадывать о будущем: когда наступит поворот? в какую сторону? А если со мной что приключится за границей? Было страшно отрывать Сережу от его "корней". Зинушку¹⁶ вызвали за границу для лечения – и то трагически кончилось. Н[аташу] томит мысль о том, как тяжело чувствует себя Сережа в тюрьме (если он в тюрьме), – не кажется ли ему, что мы как бы забыли его, предоставили собственной участи. Если он в концентрационном лагере, на что надеяться ему?"¹⁷

10 апреля Троцкий записал: «О Сереже никаких вестей и, может быть, не скоро придут. Долгое ожидание притупило тревогу первых дней»¹⁸. И 27 апреля: «О судьбе Сережи все еще никаких вестей»¹⁹.

Очередной допрос на Лубянке состоялся только через полтора месяца после предъявления обвинения. Следователя интересовали связи Сергея Седова с Борисом Розенфельдом. Сергей знал его с детства (они одногодки). На вопрос, снабжал ли Седов Розенфельда нелегальной троцкистской литературой, Сергей Львович ответил, что так называемую «платформу»²⁰ он передал Розенфельду в 1927 или 1928 годах, о других «нелегальных документах»: «не помню», а после 1928 года – «не передавал». Следователь: «С кем из лиц, ведущих нелегальную троцкистскую работу, Вы поддерживали связи до Вашего

¹⁵ Принкипо – остров в Мраморном море, где располагалась вилла Троцкого во время его пребывания в Турции в 1929–1933.

¹⁶ Дочь Л.Д. от первого брака, покончила с собой в Берлине в 1933.

¹⁷ Цит. по: Дневники, 5 апреля 1935. С.114–115.

¹⁸ Цит. по: Дневники, 10 апреля 1935. С.119.

¹⁹ Цит. по: Дневники, 27 апреля 1935. С.123.

²⁰ Речь идет о «платформе – 83-х», базовом документе оппозиции 1927 года.

ареста?» – и записал в протокол: «По 1928 г. включительно я вел активную троцкистскую работу, выполняя различные поручения своего отца Л.Д.Троцкого, и на этой почве встречался с рядом лиц, проводивших нелегальную работу. После 1928 года я никакой нелегальной работы не вел и с лицами, ведущими такую, не встречался». Следователя почему-то перестают интересовать эти «лица», он применяет обычный прием давления: «Вы говорите неправду. С Б.Н.Розенфельд[ом] Вы обсуждали практические способы борьбы с руководством ВКП(б) после 1928 года. Следствие предлагает дать правдивый ответ». Седов: «Таких разговоров я не помню. Возможно, что в начале 1929 года я с Б.Н.Розенфельд[ом] вел троцкистские разговоры, но практических способов борьбы с руководством ВКП(б) мы не намечали». Следователь настаивает: «В разговорах с Б.Розенфельд[ом] высказывали ли Вы враждебное отношение к тов. Сталину?» – «Нет, не высказывал, так как никакого враждебного чувства персонально к Сталину я никогда не питал». – «Вы даете заведомо ложные показания. Арестованный по делу о подготовке убийства тов. Сталина Бор. Розенфельд показал, что намеревался при Вашей помощи осуществить это убийство. Следствие настаивает на правдивых показаниях». Седов: «С Борисом Розенфельд[ом] я об убийстве Сталина никогда не говорил»²¹. Несмотря на противоречия в показаниях, следствие не проводило очных ставок, с основанием предполагая, что Сергей Седов показаний не изменит.

В начале мая родители получили какие-то известия. Вот запись Троцкого от 8 мая: «Из Москвы через Париж сообщают: "Вам уже, конечно, писали по поводу их маленькой неприятности". Речь явно идет о Сереже (и его подруге). Но нам ничего не писали, вернее, письмо погибло в пути, как большинство писем, даже совершенно невинных. Что значит "маленькая" неприятность? По какому масштабу "маленькая"? От самого Сережи вестей нет. <...> совершенно ясно, что дело идет о политической ситуации, как она сложилась для Сережи после убийства Кирова и связанной с этим новой волны травли <...>. Нетрудно себе действительно представить, что приходится ему переживать – не только на собраниях и при чтении прессы, но и при личных встречах, беседах и бесчисленных провокациях со стороны мелких карьеристов и прохвостов»²². Следующая запись, от 23 мая, совсем короткая: «О Сереже по-прежнему никаких вестей»²³.

²¹ См. Приложение 2, с.47 наст. изд.

²² Цит. по: Дневники, 8 мая 1935. С.130–131.

²³ Цит. по: Дневники, 23 мая 1935. С.138.

К концу мая сомнения окончились, и 1 июня Троцкий записал в дневнике: «Три дня тому назад получили письмо от сына [Льва]: Сережа сидит в тюрьме, теперь это уже не догадка, почти достоверная, а прямое сообщение из Москвы... Он был арестован, очевидно, около того времени, когда прекратилась переписка, т.е. в конце декабря – начале января. С этого времени прошло уже почти полгода... Бедный мальчик... И бедная, бедная моя Наташа...»²⁴

Троцкий был бы не Троцким, если бы оставил известие об аресте сына без ответа. 1 июня датируется опубликованное в июльском «Бюллетене оппозиции» «Письмо Н.И.Троцкой о сыне» (первоначально оно называлось «Письмо товарищам о сыне»)²⁵. Публикатор Дневников и писем Троцкого Ю.Фельштинский в примечании к дневниковой записи от 1 июня настаивает, что, несмотря на название, авторство Троцкого тут несомненно²⁶.

8 июня: «Внешним образом у нас в доме все по-прежнему. Но на самом деле все изменилось. Я вспоминаю о Сереже каждый раз с острой болью. А Н[аташа] и не вспоминает, она всегда носит глубокую скорбь в себе. "Он на нас надеялся... – говорила она мне на днях (голос ее и сейчас остается у меня в душе), – он думал, что раз мы его там оставили, значит, так и нужно..." А вышло, что принесли его в жертву. Именно так оно и есть. <...> Одно могу сказать: никогда Наташа не "пеняла" на меня, никогда, в самые трудные часы; не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорилось против нас...»²⁷

Последний документ архивно-следственного дела №Р-33640 датирован 4 мая 1935, но никаких данных ни о приговоре, ни об освобождении в этом деле нет. Однако приговор С.Л.Седову существовал, он оказался в одном из томов «Кремлевского дела»²⁸, куда были подшиты решения Особого Совещания при НКВД СССР на всех, проходивших по этому делу. В специальном альбоме фотографий осужденных по «Кремлевскому делу» сохранилась и тюремная фотография.

²⁴ Цит. по: Дневники, 1 июня 1935. С.139.

²⁵ См. Приложение 12, с.108 наст. изд.

²⁶ См.: Дневники. Примечания. С.247.

²⁷ Цит. по: Дневники, 8 июня 1935. С.139–140.

²⁸ «Кремлевское дело» – «Дело о к-р. террористических группах в правительственной библиотеке, комендатуре Кремля и др. 1935 г. Следственные материалы». Всего по «Кремлевскому делу» проходило более 100 человек. Дело С.Л.Седова – ЦА ФСБ РФ. Д.236097. Т.23. Л.78–92.

Сын Троцкого был приговорен по постановлению Особого Сопещения при НКВД СССР от 14 июля 1935 г.: «Слушали: Дело о СЕДОВЕ Сергее Львовиче, 1908 г.р. (сын Троцкого) [это жирно подчеркнуто карандашом] б/п, инженер. Постановили: СЕДОВА Сергея Львовича за контрреволюционную деятельность – заключить в концлагерь (Соловки), сроком на ПЯТЬ лет, сч[итая] срок с 3/3–35 г. Дело сдать в архив»²⁹.

А спустя неделю, 20 июля, то же Особое Сопещение в присутствии прокурора СССР Вышинского слушало: «Пересмотр дела СЕДОВА Сергея Львовича, приговор[енного] постан[овлением] Особ[ого] Сопещ[ания] НКВД от 14/7–35 г. к заключен[ию] в концлагерь (Соловки) сроком на ПЯТЬ лет. <...> Постановили: Во изменение прежнего постановления – СЕДОВА Сергея Львовича сослать в г.Красноярск, на тот же срок»³⁰.

С 12 августа 1935 Сергей Львович в Красноярске – снимал комнату, искал работу, ждал свою Женюшу (Генриетту Михайловну Рубинштейн) и писал ей письма. Троцкий тем временем уже переехал в Норвегию, и фиксирует в своем дневнике новые догадки: «От Сережи и о Сереже нет ничего: весьма вероятно, что сидит в тюрьме...»³¹ Эта запись позволяет нам с известной долей осторожности предположить, что к моменту ее появления последние связи автора дневника с оставшимися в СССР родными окончательно оборвались. Не знал он и о расстреле сына в 1937, о чем свидетельствует фраза из его так называемого «Дополнительного заявления», написанного 24 августа 1938: «Ягода довел до преждевременной смерти одну из моих дочерей, до самоубийства – другую. Он арестовал двух моих зятей, которые потом бесследно исчезли. ГПУ арестовало моего младшего сына, Сергея, по невероятному обвинению в отравлении рабочих, после чего арестованный бесследно исчез»³².

²⁹ Выписка из протокола ОСО при НКВД СССР от 14 июля 1935 г. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.3. Л.81.

³⁰ Копия выписки из протокола ОСО при НКВД СССР от 20 июля 1935 г. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Т.3. Л.2.

³¹ Цит. по: Дневники, 8 сентября 1935. С.150.

³² Цит. по: Дневники. Примечания. С.249. «Дополнительное заявление» было адресовано следователю Джозефу Пэженелю, который вел следствие по делу о смерти старшего сына Троцкого Льва Седова (умер 16 февраля 1938 года в Париже в частной клинике во время аппендэктомии). Троцкий считал, что это очередная операция ОГПУ, направленная на уничтожение его окружения. Вероятно, Троцкий читал заметку «Сын Троцкого Сергей Седов

В коллекции Троцкого³³, хранящейся в библиотеке Гарвардского университета (Harvard University Library, Houghton Library, Cambridge, MA) писем Сергея позднее начала 1935 года мы не обнаружили.

В сентябре Сергей Седов наконец устроился на работу, в ноябре к нему приехала Генриетта. И здесь, в условиях полусвободы Красноярской ссылки, жизнь более-менее наладилась – интересная работа, любимая жена, ожидание ребенка. О работе Седова в Красноярске мы знаем из публикации К.Ф.Попова, помещенной на сайте Красноярского общества «Мемориал», следующее.

Седов был принят на Красноярский машиностроительный завод (Красмаш, иногда – Красвагонмаш) приказом от 21 сентября 1935: «Для руководства работами по газогенераторным установкам назначить в эксплуатационный отдел инженера Седова Сергея Львовича». За несколько дней до этого в Москве директор Красмаша Александр Петрович Субботин получил от А.П.Серебровского, заместителя Орджоникидзе и начальника Главзолота, задание государственной важности – впервые в стране освоить производство газогенераторных двигателей. Для этого замнаркома вручил Субботину книгу «Легкие газогенераторы автотракторного типа». По возвращении в Красноярск Субботин обнаружил одного из ее авторов – С.Л.Седова – в своей приемной ожидающим решения о приеме на работу.

Серебровский, приехавший в Красноярск, выбор директора завода поддержал, более того, он предложил секретарю крайкома партии Акулинушкину создать в Красноярске техническое бюро из ссыльных специалистов под контролем НКВД. Бюро занималось бы механизмами, которые предстояло осваивать Красмашу, – замнаркома явно имел представление об опыте особых конструкторских бюро («шарашек»). Создание бюро признали нецелесообразным, а Седова решили использовать, но не в штате, а по договору. Во исполнение этого решения «гражданин Седов С.Л. принимает на себя обязатель-

пытался отравить рабочих», опубли. в газете «Правда» 27.01.1937. См. Приложение 13, с.113 наст. изд.

³³ Trotsky, Leon, 1879–1940. Exile papers (bMS Russ 13.1); Trotsky, Leon, 1879–1940. Letters to Cass Canfield (bMS Russ 13.8); Trotsky, Leon, 1879–1940. Letters to Sara Weber (MS Russ 48); Trotsky, Leon, 1879–1940. Soviet papers and related collections (bMS Russ 13). Leon, 1879–1940. Exile papers (bMS Russ 13.1); Trotsky, Leon, 1879–1940. Letters to Cass Canfield (bMS Russ 13.8); Trotsky, Leon, 1879–1940. Letters to Sara Weber (MS Russ 48); Trotsky, Leon, 1879–1940. Soviet papers and related collections (bMS Russ 13).

ство провести на заводе работу по переводу выпускаемых теплоходов на газогенераторный газ. <...> Работа <...> рассчитана на 12 месяцев, и за ее выполнение Красмашвагонстрой выплачивает Седову С.Л. десять тысяч рублей». Кроме того, Седову была выдана прозодежда, обеспечены больничные и отпускные.

Первые два газогенератора, изготовленные под руководством Седова, были установлены на речные суда, и их испытания дали хорошие результаты, а для нужд золотодобывающих предприятий было заказано семь газогенераторов. Дальнейшую работу над газогенераторными двигателями прервал арест Седова.

Субботин пытался через Серебровского освободить необходимого заводу специалиста, но Серебровский отказал в помощи: «если взяли – хорошо сделали» (а через год «возьмут» и Серебровского). Надо отдать должное смелости и порядочности Субботина: он приказал выплатить жене Седова заработанные ее мужем деньги. Резолюция Субботина в бухгалтерию на стандартном заявлении Генриетты Михайловны Рубинштейн была вызывающе смелой по содержанию: «Прошу вас произвести расчет с тов. Седовым и деньги не задерживать». Генриетта Михайловна получила 993 рубля (в докладе на Субботина было сказано: «когда на заводе хронически задерживалась зарплата рабочим»)³⁴.

Павел Дмитриевич Акулинушкин (1899–1937), секретарь Красноярского крайкома ВКП(б). Арестован в Красноярске 9 июля 1937 года. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 29 октября 1937 приговорен к расстрелу. Расстрелян в Москве 30 октября 1937.

Александр Павлович Серебровский (1884–1938), заместитель народного комиссара тяжелой промышленности. Арестован 23 августа 1937. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 8 февраля приговорен к расстрелу. Расстрелян 10 февраля 1938.

³⁴ Информация о событиях на Красмаше пересказана нами по публикациям К.Ф.Попова и А.С.Ильина, размещенным на сайте Красноярского общества «Мемориал»: memorial.krsk.ru. См. также: *Попов К.Ф.* Виновным себя не признал // Красноярск, Амальгама, 2001; *Ильин А.С.* Директор Субботин: Бывший матрос // Городские новости (Красноярск). 1998. 6 февраля. С.12. Директор Субботин: Кадровая революция // Городские новости (Красноярск). 1998. 17 февраля. С.5.

Если до весны 1936 года биография Седова (рождение, детство в эмиграции, школа, институт, работа, любовь, женитьба, арест, ссылка) просматривается и выстраивается с большей или меньшей степенью подробности и находит подтверждение в анкетах, воспоминаниях, архивно-следственных документах, то с весны 1936 мы имеем возможность восстановить только общую канву событий. В мае-июне 1936 арестован в Красноярске, отправлен в лагерь на Воркуту, откуда в феврале 1937 этапирован в Красноярск на новое следствие, в октябре 1937 расстрелян.

Поиск сведений о судьбе Седова с весны 1936 оказался затруднен спецификой гулаговских документов. Умышленные или неумышленные фальсификации, неграмотность и небрежность громоздят одну дату на другую, перечеркивают третью, «убытия» не совпадают с «прибытиями» и т.д. Неизвестна и точная дата ареста С.Седова: К.Ф.Попов без ссылки на источник указывает 16 июня, Генриетта Рубинштейн на допросе в 1938 году – 17 июня³⁵, а в жалобе 1954 года – «май 1936»³⁶. К сожалению, найти материалы следственного дела пока не удалось.

Единственные официальные сведения по делу 1936 года содержатся в архивной справке УИН Минюста РФ по РК, составленной по данным учетной картотеки:

«...Седов Сергей Львович 1908 года рождения, уроженец г.Вена, 26 мая 1936 года был осужден Особым Совещанием НКВД за контрреволюционную троцкистскую деятельность на 5 лет лишения свободы с началом исчисления срока с 26 мая 1936 года.

03 июля 1936 года прибыл из Красноярской тюрьмы в Ухт-печлаг НКВД <...>»³⁷

Кроме С.Седова, весной 1936 года в Красноярске арестованы, осуждены и отправлены в лагеря еще два сотрудника Красмаша: Закс и Шауб. Они не проходили по одному делу (Закс осужден 15 сентября, даты осуждения Шауба мы не знаем). Тем не менее обратим внимание на некоторые особенности этого дела и приговора – все трое повторники, маркированы как «троцкисты», получили по меркам 1936 года мягкий приговор – 5 лет. И, при всем несогласовании дат ареста

³⁵ Протокол допроса Г.М.Рубинштейн от 22.07.1938. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.16. См. Приложение 6, с.55 наст. изд.

³⁶ Жалоба Г.М.Рубинштейн Верховному Прокурору СССР. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.51-53. См. Приложение 7, с.59 наст. изд.

³⁷ Архивная справка №610 от 27 сентября 2004. Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва).

и осуждения Седова, очевидно, что постановление Особого Совещания НКВД от 26 мая вынесено стремительно (скорее всего, до ареста) – через несколько дней после ареста он уже отправлен в лагерь³⁸. Генриетта Михайловна считала, что этим «постановлением особого совещания Седову была заменена ссылка 5 годами заключения в ИТЛ...»³⁹

Рафаил Самуилович Закс (1911–1937), экономист. Племянник Зиновьева. С 17.03.1935 работал на Красмаше инженером, затем заведующий плановым отделом ЖКУ Красмашстроя.

Андрей Васильевич Шауб (?–1937) немец, из дворян. Бывший владелец медеплавильного завода в Санкт-Петербурге. В 1931 арестован в Иркутске. Позднее был начальником отдела эксплуатации Красмаша.

Все трое работали на Красмаше. Вскоре после их отправки по лагерям, в августе, на Красмаше начала раскручиваться кампания разоблачений «вредителей»: 4 августа арестовали главного механика Н.Н.Грачева, 22 газета «Красноярский рабочий» поместила статью, где описывались действия на Красмаше неких «вредителей» и «эксперименты» Седова с газогенераторами⁴⁰, а 23 августа 1936 на городском партактиве Субботина обвинили в потакательстве троцкистам⁴¹.

Аресты инженерно-технических работников на Красмаше продолжались до весны 1937 года: руководитель программы судостроения А.В.Телегин, инженер Е.И.Дорохов, инженер П.Я.Буяновский, заместитель Седова Б.Е.Рогозов, инженер В.Ф.Александрова, начальник финансовой части Г.Б.Берлин, начальник технического отдела С.С.Раввин, конструктор Р.К.Рагимов, новый главный механик, сменивший на этой должности Грачева, И.И.Кугузов, затем инженеры

³⁸ Допрос Г.М.Рубинштейн от 22.07.1938. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.16; Жалоба Г.М.Рубинштейн Верховному Прокурору СССР. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.51–53. См. Приложения 6, 7, с.55, 59 наст. изд.

³⁹ Допрос Г.М.Рубинштейн от 08.04.1939. Цит. по: *Бирюков А.* Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004. №1. С.28.

⁴⁰ Без критики нет бдительности // Красноярский рабочий. 1936. 22 августа.

⁴¹ См.: *Попов К.Ф.* Указ. соч.

Н.А.Шатунов и Н.В.Бурмакин и другие. Всего по «делу Красмаша» было арестовано около 100 человек⁴².

Мы не можем точно сказать, как выстраивался сценарий этого дела: может быть, уже в августе 1936, может быть, позднее; понятно лишь, что к концу января 1937 дело Красмаша уже окончательно сложилось как «контрреволюционная террористическая и диверсионная организация» на заводе Красмаш, которую создали сын Троцкого Седов и племянник Зиновьева Закс. Так она и была представлена собкором из Красноярска в газете «Правда»⁴³.

К февралю 1937 сценарий готов, члены «организации» арестованы и от многих уже получены необходимые показания⁴⁴. Не хватает только главных действующих лиц: главы организации, «отравителя рабочих» Седова, диверсанта Закса и агента немецкой разведки Шауба. Их берут на этапы из разных лагерей, и в апреле все трое оказываются под следствием в Красноярской тюрьме.

В Красноярск Сергей Седов был этапирован из Ухтпечлага 23 февраля 1937 через Котласский пересыльный пункт и Бутырскую тюрьму⁴⁵. В справке к «Обвинительному заключению» указано, что он содержится под стражей в Красноярской тюрьме с 1 апреля, но «анкета арестованного» заполнена только 22 апреля, и тогда же состоялся первый допрос.

В «Анжете арестованного»: место жительства – «г.Красноярск, а последнее время находился в к[онцентрационных]/лагерях (Воркута)⁴⁶», место службы, тем не менее, – «инженер-консультант по газогенераторному строению Красмашвагонстроя». В графе «Социальное происхождение» запись – «сын Троцкого – врага народа». Графа «Состав семьи» указывает на то, что Сергей Львович каким-то образом узнал о рождении дочери – не исключено, что от следователя в момент заполнения анкеты – (имени ребенка Седов не знал):

⁴² Из письма А.С.Ильина в Научно-информационный центр (НИЦ) «Мемориал» (СПб.) от 20.11.2005.

⁴³ *Пухов К.* Сын Троцкого Сергей Седов пытался отравить рабочих // Правда. 1937. 27 января. См. Приложение 13, с.113 наст. изд.

⁴⁴ Протоколы всех этих допросов подшиты в следственное дело С.Л.Седова, хранящееся в ЦА ФСБ РФ. Р-33578.

⁴⁵ Архивная справка №610 от 27 сентября 2004. Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва).

⁴⁶ До 1938 Воркута входила в Ухтпечлаг.

«Жена Генриетта Михайловна Рубинштейн 26 лет проживает в г.Москве и дочь 1 года с ней же»⁴⁷.

Седова допрашивали пять раз (22 апреля, 14, 16 и 17 мая и 6 июня) и устроили ему пять очных ставок. На первом допросе следователя интересовали связи Седова с отцом и особо – получение от него денег: да, деньги получал регулярно, но только до 1931 года, потом всего два раза, по 200 рублей. На втором допросе следователь пытался уличить его в связях со ссыльными троцкистами в Красноярске, но Сергей Львович не дал требуемых признаний в злонамеренности таких связей. Столь же неудачен для следователя был и следующий допрос: политические взгляды Седова не контрреволюционны, а некоторые свои высказывания на политические темы Седов считает обычным обменом мнениями без намерения свержения советского строя. 17 мая следователь пытался обвинить Седова в срыве стахановского движения на заводе – опять безуспешно.

Седова обвиняли не только в ведении «разговоров антисоветского содержания», но и во «вредительско-диверсионной деятельности на Красмаше, в создании там террористической группы»⁴⁸. Показания, подготовленные против Седова, были выбиты следствием еще в ноябре-декабре из Дорохова, в январе из Рагимова, в феврале из Раввина, Шатунова и Берлина, а в марте – из Закса, Телегина и Розозова.

5 июня состоялась очная ставка Седова с Бурмакиным: Седов не подтвердил его показаний. На следующий день на допросе следователя уже больше интересовал директор завода Субботин: разговор шел о том, как он брал Седова на работу, об устройстве на завод жены Седова, которую Субботин готов был взять чертежницей. На этом, последнем допросе следователь наконец задал главный вопрос: «Признаете ли Вы себя виновным?» – и получил категорический отрицательный ответ. Зря отец Сергея Львовича сокрушался по поводу отсутствия у сына внутренней пружины⁴⁹, – Сергей оказался просто

⁴⁷ Анкета арестованного. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Т.2. Л.1–10б. См. Приложение 3, с.49 наст. изд.

⁴⁸ К делу был приобщен «Акт отряда пожарной охраны завода "Красмаш"» от 1 апреля 1936 года. В акте Седов не упоминался, но теперь его обвинили в поджоге, т.е. «диверсии».

⁴⁹ «Будь у Сережи активный политический интерес, дух фракции – все эти тяжелые переживания оправдывались бы. Но этой внутренней пружины у него нет совершенно. Тем тяжелее ему приходится...» Цит. по: Дневники. 8 мая 1935. С.130–131.

мужественным человеком, куда более мужественным, чем многие из тех, что этот «дух» и эту «пружину» вроде бы имели.

Не добившись от Седова признательных показаний, следствие заходит в тупик. Вероятно, именно в это время у следствия возникает новая идея – назначить на роль руководителя этой уже «готовой» организации Субботина. 10 января Субботина исключили из членов ВКП(б), и 16 июня он был арестован⁵⁰.

Перерыв следствия для Сергея Львовича тянулся до 23 июня. 23-го – сразу три очные ставки: с Берлиным, Рагимовым и Раввиным, но Седов категорически отрицал трактовку их показаний о готовящихся диверсиях и терроризме; так же проходила на другой день и очная ставка с Рагимовым.

В 1988 Верховный Суд СССР констатировал: «Седов категорически отрицал предъявленное ему обвинение, на очных ставках <...> показания [против себя] не подтвердил. Он показал, что подпольной троцкистской работы не проводил, связей с троцкистскими элементами не поддерживал, в террористические группы не входил. Вместе с тем он считал, что режим власти <...> нуждался в изменении, в связи с чем допускал критические суждения исключительно из потребности в обмене мнениями. Однако враждебных целей он при этом не преследовал»⁵¹.

Но это – в 1988.

А в 1937, 25 июля, следователь предъявил Седову «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения». Ему инкриминируются «преступления, предусмотренные ст. 58 пункт 1а УК РСФСР [“измена Родине”], 58 пункт 8 [“шпионаж”], 58 пункт 9 [“диверсия”] и 58 пункт 11 [“контрреволюционная организационная деятельность”]». В этот же день, «вдогонку», предъявляется дополнительное обвинение по пункту 7 той же 58-й – «вредительство».

30 июля следователь Плоткин составил обвинительное заключение, в котором предлагалось передать дело на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. 31 июля «Обвинительное заключение» было утверждено начальником УНКВД Красноярского края. В прилагаемой справке указывалось, что вещественных доказательств по делу нет, а материалы на других обвиняемых выделены из

⁵⁰ Следствие по делу Субботина тянулось более года, 13 июля 1938 на заседании ВК ВС СССР Субботин «виновным себя не признал и заявил, что на предварительном следствии он себя и других лиц оговорил». См. прим. 34.

⁵¹ Постановление №193-88 Пленума Верховного Суда СССР от 28 сентября 1988. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Т.2. Л.322–324.

дела Седова. И 12 августа Седову предъявлен протокол об окончании следствия.

Справка по делу С.Л.Седова включается в «список» Красноярского УНКВД, направленный в Москву, в Наркомат внутренних дел, где Седова, в свою очередь, включают в очередной «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза СССР»⁵² (Красноярский край). В этом документе значится 68 человек. 61 из них отнесен НКВД к «1-й категории» – расстрелу; в их числе Сергей Седов и проходившие с ним по одному делу Г.Б.Берлин, Н.В.Бурмакин, П.Я.Буяновский, Н.Н.Грачев, Е.И.Дорохов, Р.С.Закс, И.И.Кутузов, С.С.Раввин, Р.Рагимов, Б.Е.Рогозов, А.В.Телегин, Н.А.Шатунов, А.В.Шауб.

3 октября 1937 Красноярский список был завизирован Сталиным, Молотовым и Кагановичем⁵³.

28 октября в Красноярске выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда провела «подготовительное заседание» по всем делам, в том числе и по делу Седова. При этом из обвинений был исключен пункт «вредительство».

Днем 29 октября 1937 на заседание выездной сессии ВК ВС доставили Сергея Львовича Седова. Дело слушалось в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

Судебное заседание заняло 15 минут: было зачитано обвинительное заключение, получен твердый ответ Седова: «Виновным себя ни в чем не признаю», зачитан приговор к высшей мере наказания. В полночь приговор был приведен в исполнение⁵⁴.

В один день с Седовым были осуждены и в ту же ночь расстреляны: Буяновский, Бурмакин, Грачев, Закс, Раввин, Рогозов, Телегин и Шатунов. Точной даты осуждения и расстрела Берлина, Дорохова, Кутузова, Рагимова и Шауба установить не удалось. Не удалось установить и место захоронения казненных. По данным Красноярского «Мемориала», единственное известное место захоронения расстрелянных в 1937–1938 годах – деревня Коркино в окрестностях Красноярска. В начале 1960-х точное место было утрачено.

⁵² Эти списки уже в наши дни получили название «Сталинских расстрельных списков» и выпущены «Мемориалом» на CD-диске: Жертвы политического террора в СССР: Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2004.

⁵³ АП РФ. Оп.24. Д.411. Л.188. См.: <http://stalin.memo.ru/spiski/tomi03.htm>.

⁵⁴ См. Приложение 4, с.51 наст. изд.

До 1934 С.Л. Седов несколько лет жил с Ольгой Эдуардовной Гребнер (Лелей) в комнате на Большой Серпуховской улице в Москве. О.Э.Гребнер была Седову близким и надежным другом, поддерживала Сергея в годы учебы, а когда Сергея арестовали, носила в тюрьму передачи, хотя к этому времени Седов был женат на Генриетте Михайловне Рубинштейн. О своих отношениях с сыном Троцкого Ольга Эдуардовна рассказала историку Д.А.Волгогонову⁵⁵. В комнате Ольги Эдуардовны жил и племянник Сергея, сын старшего брата, Льва Седова, и его первой жены Анны Рябухиной Люлик (его звали, как отца и бабушку, – Лев), – вероятно, ребенок остался с ними, когда Анну отправили в ссылку. В письмах Сергея к матери и к брату он регулярно пишет о мальчике, понимая, что мальчик этот, в сущности, в Москве обречен, что Люлика необходимо переправить за границу к отцу или к старикам⁵⁶. Что стало с 8-летним Львом Львовичем Седовым после ареста Сергея и отправки в ссылку Ольги Гребнер, – установить не удалось. А об Ольге Сергей продолжал в меру своих сил заботиться даже из Красноярска, где у него долго не было ни работы, ни жилья, ни денег: он не один раз просил Генриетту получить его зарплату в МАИ, гонорары в журналах и отправить Леле в Воронеж, где у нее тоже не было ни работы, ни жилья, ни средств к существованию...⁵⁷

В июле 1934 в Сочи приятель Сергея кинооператор Андрей Болтянский⁵⁸ познакомил его со своей женой – студенткой Московского текстильного института Генриеттой Рубинштейн. Роман с ней у 26-летнего Сергея развивался стремительно, и в ноябре 1934

⁵⁵ О встречах с О.Э.Гребнер и ее рассказ о Сергее Седове см.: *Волгогонов Д.А.* Троцкий. М., 1999. Кн.II. С.162–163.

⁵⁶ См. Приложение 11, с. 79, 94, 95, 99, 100, 104.

⁵⁷ См. наст. изд., с. 147, 148, 188, 207, 209, 215, 218.

⁵⁸ Болтянский Андрей Григорьевич (1911–1985), советский деятель кинотехники, кандидат технических наук. В 1934 закончил операторский ф-т ГИКа, работал оператором комбинированных съемок на «Мосфильме». Участвовал в разработке новых методов комб. съемок, применил их в фильмах «Волга-Вогла» (1938), «Светлый путь» (1940) и др. Будучи научным руководителем лаборатории стереокино НИКФИ, участвовал в разработке системы стереоскопической съемки и проекции (1947). По этой системе им были сняты стереофильмы «В аллеях сада» (1952), «Алеко» (1954), «Белый пудель» (1955). С 1959 руководил лабораторией съемочной техники НИКФИ. Автор (совместно с Н.А.Овсянниковой) системы «Сtereo-70», за которую НИКФИ в 1991 был отмечен Американской академией кинематографических искусств и наук премией «Оскар» в номинации «За техническое достижение».

Сергей и Генриетта начали совместную жизнь, а в феврале 1935 официально зарегистрировали брак, – вопреки воле родителей невесты.

В марте 1956, добываясь реабилитации, Г.М.Рубинштейн сообщила допрашивавшему ее военному прокурору, что Сергей только перед самым ЗАГСом признался ей в том, что он сын Троцкого, а на ее вопрос о политических взглядах ответил, что никогда не был связан с политической деятельностью отца.

Ее брат Борис много лет спустя писал о Седове: «Сергей Седов был всего на четыре года старше меня, но его скромность, его сдержанная, близкая к застенчивости манера поведения, его молчаливая внимательность к людям – все это казалось мне тогда верхом солидности. И хотя его присутствие у нас на Маросейке <...> вскоре стало привычным, мне о нем самом мало что было известно. <...> О нем можно было сказать, если по-современному, – технарь, но с гуманитарными склонностями. Его стойкий читательский интерес, преимущественно к западной литературе, был мне близок, что дополнялось некоторой общностью наших эстетических вкусов вообще. <...> Весь его облик был настолько далек от всяких ассоциаций с неистовым организатором Красной Армии, каковым я привык считать Троцкого с детства, и тем более со злейшим врагом советского народа, каковым его считали вокруг, что в такое почему-то не хотелось верить»⁵⁹.

После регистрации брака Сергей по-прежнему жил в одной комнате с Ольгой Гребнер на Большой Серпуховской, его жена Генриетта – в комнатенке семьи Рубинштейнов на Маросейке с родителями и младшим братом. Но и этой неустроенной жизни выпало немного, всего месяц – в марте 1935 Сергея арестовали.

Когда Седов немного обустроился в Красноярске, Генриетта Михайловна, к тому времени окончившая институт и успевшая даже поработать в Хлопкопроекте и в газете «Легкая индустрия», приехала к нему. Вот ирония судьбы: только в ссылке у них появилась наконец собственная комната. Принять на свой завод невестку Троцкого директор завода все же не решился, и она устроилась инженером в организацию с названием «Авиагидрострой».

А на шестом месяце беременности (в конце мая или начале июня 1936) Генриетта Рубинштейн уже ходила под окнами тюрьмы. Ее дочь, Ю.Аксельрод, вспоминает рассказ матери: «Какое-то время после ареста отца держали в местной пересыльной тюрьме, и мать

⁵⁹ Цит. по: *Аксель Ю., при уч. Рунина Б. История моего одиночества* // Искусство кино. 1990. №3. С.130.

ходила к нему на свидания, пользуясь тем, что режим там соблюдался не слишком строго. Собственно свиданиями это назвать трудно, ибо мать его не видела, а он видел ее сквозь щель в оконном наморднике, и они украдкой перекликались. Но однажды, когда мать вот так стояла на тюремном дворе и ждала, он резко крикнул ей:

– Возвращайся в Москву – меня завтра увозят...

А когда она не следующий день все же пришла туда опять, чей-то незнакомый голос сообщил ей сквозь намордник:

– Отправили твоего Седова.

И мать вернулась в Москву к родителям на Маросейку...»⁶⁰

Отъезд Рубинштейн в Москву состоялся в 1936 – через десять дней после ареста ее мужа.

В свидетельстве о рождении дочери Юлии (родилась 21 августа 1936) Генриетта предусмотрительно не указала отца ребенка, с которым (не менее предусмотрительно) вскоре развелась.

Только в апреле 1937 ей удалось устроиться на работу: сначала в Нефтепроект, счетчиком, а потом и по своей специальности инженера-прядильщика на фабрику имени Сталина в БРИЗ (бюро по рационализации и изобретениям), правда, в подмосковном Болшеве. Она тратила на дорогу по четыре часа в день.

Мать Юлии жила в ожидании ареста. И действительно, Московское УНКВД собирало материал: из Красноярска присланы протоколы допросов Рагимова, Дорохова и Буяновского. Поскольку эти протоколы в деле Г.М.Рубинштейн⁶¹ закрыты для просмотра, приведем выдержки из протокола допроса Генриетты Рубинштейн от 22 июля 1938:

«Арестованный Рагимов Рашид показал на следствии, что вы являетесь участницей контрреволюционной троцкистской организации»⁶²; «Арестованный Буяновский на следствии показал, что Седов С.Л. в 1935 г. в присутствии вас давал Буяновскому террористические установки троцкистской организации для борьбы с Совправительством»; «Вас также изобличает арестованный Дорохов Е.И. в том, что вы знали, что ваш муж Седов С.Л. наметил Дорохова для исполнения диверсионных и террористических актов против Совправительства и руководства ВКП(б)»⁶³.

Этих показаний оказалось достаточно, и 23 декабря был выписан ордер на арест «Рубинштейн Генриетты Михайловны, 1911 г.р.,

⁶⁰ См.: Аксель Ю. Указ.изд. С.130.

⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733.

⁶² Там же. Л.17.

⁶³ Там же. С.17об.

инженера, проживающей в доме №13, кв.№12 по Маросейке». Обыск и арест были произведены в тот же день; при обыске изъяты: «паспорт, профбилет, пропуск на ф-ку им. Сталина, сезонный билет жел. дор., фотокарточки – 3, записные книжки – 3, письма и телеграммы разные на 22 листах» и др. Фотокарточки (две – Седова, одна – дочери Юли и групповая, не подписанная) сохранились в деле до наших дней и, в соответствии с законом, были возвращены Юлии Сергеевне Аксельрод. О судьбе остального изъятого ничего не известно. В настоящем издании мы публикуем эти фотографии.

Генриетту Михайловну поместили в одну из переполненных камер Бутырской тюрьмы и... забыли на семь месяцев. Ее никуда не вызывали, ничего не предъявляли, ничего не сообщали. За все это время следствие лишь запросило Красноярское УНКВД о приговоре Седову и получило ответ, что он расстрелян⁶⁴. Вероятно, о расстреле мужа Генриетте Михайловне следователь не сообщил, и этого документа она не видела.

Генриетта Михайловна не сохранила письма, полученные от мужа после 1936, – уничтожила, считая их хранение опасным (она рассказала о них своей дочери лишь в конце 1970-х годов⁶⁵).

Наконец 22 июля 1938 Генриетту Михайловну вызвали на допрос, оказавшийся единственным. Следователь зачитал выдержки из показаний осужденных вместе с Седовым «членов контрреволюционной организации». На все вопросы Генриетта Рубинштейн отвечала: «никакого участия в контрреволюционной троцкистской организации я не принимала», «утверждаю, что никакого отношения к нелегальной троцкистской организации не имела», «еще раз заявляю, никогда участницей троцкистской организации не была», «категорически утверждаю, что Седов С.Л. в моем присутствии Буяновскому террористическим установкам не давал», «Все это ложь. Я не знаю, чтобы Седов намечал Дорохова и кого бы то либо для исполнения диверсионных и террористических актов», «О контрреволюционной троцкистской деятельности мужа Седова С.Л. ничего не знаю», «Больше показать ничего не могу». Тем не менее ей было предъявлено «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», в котором написано, что она «<...> достаточно изобличается в том, что является участницей контрреволюционной троцкистской ор-

⁶⁴ «...Седов Сергей Львович осужден к расстрелу Выездной сессией Верховсуда 29.X.1937 г. Приговор приведен в исполнение 30/X-37» (Телеграмма из Красноярска в 4 отдел 1-го Управления. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.12.

⁶⁵ Из устного рассказа Ю.С.Аксельрод. Декабрь 2005.

ганизации, знала о террористических установках Седова С.Л., направленных против Совправительства и руководства ВКП(б)». В «Протокол об окончании следствия» Г.М.Рубинштейн записала: «Об окончании следствия мне объявлено. Виновной себя не признаю. Никакого участия в троцкистской организации не принимала»⁶⁶.

2 августа 1938 Особое совещание при НКВД СССР рассмотрело дело о Рубинштейн Генриетте Михайловне и постановило: «РУБИНШТЕЙН Генриэту Михайловну – за к.-р. троцкистскую деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, сч[итая] срок с 22/ХІІ-37 г. Дело сдать в архив». На стандартном штампе о направлении в лагерь отметка «Колыма».

Документальные свидетельства пребывания Г.М.Рубинштейн в Колымских лагерях в архивах УСВИТЛа (Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) разыскал магаданский историк А.М.Бирюков⁶⁷:

Рубинштейн прибыла на владивостокскую пересылку УСВИТЛа 12 октября 1938, и 20 ноября морем отправлена в Магадан. Она была оставлена на одном из магаданских лагпунктов, где работала штукатуром на стройке.

3 апреля 1939 Генриетта Михайловна была арестована и доставлена во внутреннюю тюрьму Управления НКВД по Дальстрою. Ее обвинили в том, что она, «находясь в заключении, среди заключенных женщин, находящихся на жен[ской] командировке, проводила к.-р. фашистскую агитацию, обрабатывала в фашистском духе отдельных заключенных, принуждала их при встрече приветствовать фашистским салютом». 4 апреля этот бред утвердил начальник УНКВД по Дальстрою капитан госбезопасности Сперанский.

Однако 14 апреля тот же Сперанский подписал новое постановление, гласившее, что «в процессе следствия не собрано достаточных данных для предания Рубинштейн суду» и предложившее ее «освободить из-под стражи в тюрьме и водворить в лагерь для отбытия наказания по приговору Особого Совещания».

По воспоминаниям ее солагерницы Елены Евгеньевны Ореховой⁶⁸, Женя (так звали Генриетту в лагере) выходила на развод в город и была занята не на тяжелых общих работах, а работала чертеж-

⁶⁶ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.20.

⁶⁷ См.: Бирюков А. Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004. №1. С.27–35.

⁶⁸ Там же.

ницей. Ни с кем из ЧСИР (членов семей изменников родины) она не дружила.

Осенью 1941 родители Генриетты Михайловны с внучкой Юлей уехали в эвакуацию. Моисей Ивельевич (в документах его называли по-разному: Евелевич, Евельевич и даже Яковлевич) работал заведующим нормировочно-исследовательской станцией треста «Мясохладстрой» и 29 сентября 1941 был переведен в 24-е стройуправление этого треста, находившееся в Омске, техником-нормировщиком. Затем он стал заведующим складом. Юлия Рубинштейн вспоминала, что часть зарплаты дед получал говяжьими костями, которые в семье называли «Мишины кости»⁶⁹. В июле 1943 Моисей Ивельевич был командирован на восстановительные работы в Сталинград. В июле 1944 дедушка, бабушка и внучка возвратились в Москву и, вероятно, с этого времени жили в коммунальной квартире на Петровке.

Моисей Ивельевич работал начальником нормировочно-исследовательской станции того же «Мясохладстроя», но в феврале 1950 года был «освобожден от занимаемой должности ввиду длительного срока болезни», в октябре устроился в «Моспромпроект» сметчиком, но уже в феврале 1951 уволен «в связи с сокращением объема работ»⁷⁰. За канцеляризмами записей отдела кадров скрывается «предарестный синдром».

Восьмилетний лагерный срок Генриетты Михайловны закончился 22 декабря 1945. Вряд ли она собиралась «на материк» – колымские лагерники после освобождения, как правило, оставались на Колыме, кто – вольнонаемным, кто – ссылкой.

Но шли недели, месяцы уже 1946 года – освобождения не было. Тем временем пришло постановление: «Дело на заключенного Рубинштейн Генриетту Михайловну направить в Особое Совещание при МВД СССР для решения вопроса о направлении ее как кадровую троцкистку сроком на пять лет в ссылку»⁷¹.

Отец Генриетты Михайловны, 67-летний Моисей Ивельевич, обратился к министру госбезопасности Абакумову с заявлением, в котором просил освободить дочь, потерявшую в заключении здоро-

⁶⁹ Из записок Ю.Аксельрод. 2002. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁷⁰ Трудовая книжка М.И.Рубинштейна. Личный архив Ю.Аксельрод.

⁷¹ Постановление Комиссии в составе исполняющего обязанности начальника Управления Северо-Восточного ИТЛ и начальника оперчекистской части УМВД по Строительству Дальнего Севера от 31 июля 1946. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.31.

вье, и «поселить ее в одной из внутренних областей в текстильном районе и тем дать ей возможность приложить свои знания и силы по специальности на пользу родине»⁷².

Через полтора года после конца срока, 8 марта 1947, Особое Совещание при МГБ СССР постановило: «Рубинштейн Генриэтту Михайловну за отбытием срока наказания из-под стражи освободить. Как социально-опасный элемент сослать сроком на ПЯТЬ лет, считая срок со дня вынесения настоящего постановления. (Место ссылки определить Якутскую АССР)»⁷³.

14 июля перед Генриеттой Михайловной открылись лагерные ворота. Но случилось так, что Генриетта Михайловна не испытала этапа в Якутию, а оказалась в поселке Ягодном, расположенном на притоке Колымы Дебине в 540 километрах от Магадана по знаменитой Колымской трассе. Устроилась на работу помощником бухгалтера ремонтного завода и вышла замуж за человека со схожей судьбой – эстонца Алана Адольфовича Мерка.

Алан Адольфович Мерк происходил из эстонской семьи, переселившейся на Дальний Восток, вероятно, во времена столыпинской реформы. Он был младше Генриетты Михайловны на два года, родился в станице Таврической Приморской области, в 1938 работал буровым мастером. Тройкой Управления НКВД по Дальневосточному краю 26 марта 1938 он был приговорен к десяти годам лагерей. В Колымских лагерях оказался в декабре 1941 и освобожден из заключения по окончании срока в феврале 1948. Солагерница Генриетты Михайловны Е.Е.Орехова, тоже жившая в Ягодном, вспоминала: «Мерк был тип человека надежного, обязательного, пунктуального, во всем аккуратного, серьезного, без юмора. Любил заниматься кухней – в берете, в фартуке <...> Комната их в доме барачного типа отличалась от всех опрятностью, нарядностью, множеством книг в хороших шкафах. С порога эта комната обнаруживала жилище людей содержательных, интеллигентных»⁷⁴.

В Москве старики Рубинштейны были обречены на арест: шла кампания «борьбы с космополитизмом», одновременно – лавина повторных арестов, ну и, конечно, индивидуально для них – учитывались родственные связи с Троцким. В ночь с 9 на 10 мая 1951 в квар-

⁷² Заявление министру ГБ Абакумову В.С. от Рубинштейна М.И. от 19 января 1947. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.35.

⁷³ Выписка из протокола №10-а. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.22.

⁷⁴ Цит. по: *Бирюков А.* Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004. № 1. С.33.

тире дома на Петровке родителей Генриетты Рубинштейн арестовали. Моисею Ивельевичу был 71 год, Рейзе Ельевне – 65 лет, жившей с ними внучке, Юлии Рубинштейн, – 14.

С обыском пришли в три часа ночи, обыск и составление описи арестованного имущества длились 11 часов, но увезли стариков раньше: внутренняя тюрьма МГБ Лубянка приняла Моисея Ивельевича в половине пятого утра, Бутырка – Рейзу Ельевну – около десяти часов утра. Как вспоминает внучка, пока деда не увезли, бабушка все допытывалась у него: «Ну, Миша, скажи, что ты сделал?» – и каждый раз слышала в ответ: «Ничего я не сделал»⁷⁵. Юлю увезли последней – в детприемник, а управдому оставили опись вещей в опечатанной комнате. Интересна эта опись, куда тщательно занесены все предметы одежды, домашней утвари, все с пометками «б/у», «старые» – 103 пункта, духом времени веет от последнего пункта – «тряпка и лоскут – 1 узел (20 кг)». Все это было конфисковано. А еще у техника-сметчика «Физкультпроектной конторы» (так в «Анкете арестованного»⁷⁶) М.И.Рубинштейна были изъяты – медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «В память 800-летия Москвы»⁷⁷, сберегательная книжка на 2390 рублей, облигации 3-процентного займа на 2400 рублей, «документы (разные старые) – 28», записные книжки и 38 фотографий; у домохозяйки Р.Е.Рубинштейн – сберегательная книжка на 2174 рубля, «часы наручные (желтого металла) заграничные» и «перстень (белого металла) с белым камнем». Уже в тюрьме у М.И.Рубинштейна «принято облигаций разных займов на 8350 рублей»⁷⁸, у Р.Е.Рубинштейн – 1107 рублей⁷⁹.

В те времена таким «врагам народа» постановление Особого Совещания о заключении в лагеря вручали через несколько дней, а о высылке, бывало, и в день ареста. На стариков Рубинштейнов как на «родственников Троцкого» МГБ потратило две недели. Что же так интересовало следователя? 10 мая следователь, вскользь поинтересовавшись у Моисея Ивельевича сыном (сын Борис жил отдельно), остальное время допроса посвятил выяснению обстоятельств знакомства его дочери с Седовым, а в заключение выяснял, нет ли у Рубинштейнов родственников за границей⁸⁰. О том же спрашивал Рейзу

⁷⁵ Из устного рассказа Ю.Аксельрод. Декабрь 2005.

⁷⁶ Анкета арестованного Рубинштейна М.И. Д.Р-5021. Л.5.

⁷⁷ Талон квитанции №215/м. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.14.

⁷⁸ Опись облигаций. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.17.

⁷⁹ Квитанция о приеме денег. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5022. Л.12.

⁸⁰ Протокол допроса Рубинштейна М.И. от 10.05.1951. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.30–32. См. Приложение 10, с.72 наст. изд.

Ельевну следователь в Бутырках⁸¹. Оба говорили, что узнали о том, что их зять – сын Троцкого, после замужества дочери, с самим Троцким знакомы не были, родственников за границей не имеют. Рейза Ельевна на предложение «Покажите о своих политических взглядах и настроениях, а также о своей враждебной деятельности против СССР» ответила: «У меня политические взгляды и настроения были здоровые и я против советской власти никаких преступлений не совершала». 14 мая следователь на допросе Моисея Ивельевича снова интересовался дочерью, но ничего нового не узнал. На другой день подполковник провел короткий допрос Рейзы Ельевны: вопрос о дочери, вопрос о сыне, ничего нового. В конце допроса поинтересовался, не имеет ли она заявлений и ходатайств – и 65-летняя женщина ответила, что просит учесть при рассмотрении дела ее преклонный возраст.

На третьем допросе следователь пытался «уличить» Моисея Ивельевича в «чуждом» социальном прошлом: «На каких винокуренных заводах вы работали в должности управляющего?» (М.И. до революции был мастером на винокуренных заводах в Тульской губернии), но Моисей Ивельевич ответил: «На таких должностях мне работать не приходилось». Остальная часть допроса – о сыне Борисе, и отец, чувствуя опасность, отвечал осторожно, максимально благоприятно для Бориса Михайловича, тем более, что допрос изобиловал примитивными провокациями. Следователь: «В 1941 году Рубинштейн Б.М. на службу в Советскую армию был призван?». Отец: «Мой сын <...> в Советскую армию пошел служить добровольно». Следователь: «Что рассказывал сын о своем пребывании в окружении немецких войск?». Отец: «Был ли сын в окружении немецких войск – я не знаю, и сын мне о своей службе в Советской армии ничего не рассказывал». Следователь: «За что Рубинштейн Б.М. был отстранен от работы в издательстве "Советский писатель"?». Отец: «Этого я не знаю». Следователь: «Покажите об известных Вам настроениях Б.Рубинштейна и его националистических и враждебных высказываниях?». Отец: «У моего сына, как я знаю, были всегда хорошие настроения. Он мне не высказывал и не мог высказывать каких-либо националистических и враждебных взглядов»⁸².

В этот же день следствие закончилось, 23-м мая датировано постановление следователя об уничтожении «путем сожжения» мате-

⁸¹ Протокол допроса Рубинштейн Р.Е. от 10.05.1951. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5022. Л.19–21. См. Приложение 9, с.68 наст. изд.

⁸² Протокол допроса Рубинштейна М.И. от 14.05.1951. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.30–32.

риалов обыска, изъятых у М.И.Рубинштейна: старых документов, записных книжек, фотокарточек, писем и телеграмм⁸³. (По счастью, в деле сохранилась и была недавно возвращена внучке «Трудовая книжка» – единственный документ из долгой жизни Моисея Ивельевича.) В этот же день, 23 мая, следователь предъявил супругам протоколы об окончании следствия и постановления о предъявлении.

9 июня Особое Совещание при МГБ СССР постановило: «как социально-опасный элемент выслать сроком на пять лет, считая срок с 10 мая 1951 года»⁸⁴.

Выписки из протокола Особого Совещания были предъявлены супругам 2 июля, наверное, перед погрузкой в автозаки, которые увезли их на пересылку. Сюда привезли и внучку Юлю. Местом ссылки был определен поселок Усть-Тарка на западе Новосибирской области на реке Оми. Знакомый Рубинштейнам Омск был всего в двухстах километрах, но поездки туда им были заказаны – ссыльные состояли на учете в местной комендатуре МВД и без ее разрешения не могли отлучаться из поселка.

В Усть-Тарке Юлия с бабушкой и дедушкой пробыла два года. «Жизнь в Усть-Тарке была тогда крайне убогая. Очередь за хлебом приходилось с ночи занимать. У хозяйки избы, которая за большие деньги сдала на первое время место на полу, имелся всего один чугунок, в котором она стряпала и для себя, и для скота. По улицам поселка жадно рыскали оголодавшие колхозные свиньи. Дедушка занимал очередь за хлебом, который откуда-то привозили. Но обычно ему ничего не доставалось, потому что местные жители все знали друг друга и “чужаков” попросту расталкивали. В Усть-Тарке было много ссыльных немцев, и я училась в школе вместе с немецкими девочками. Они все говорили на каком-то старонемецком, так что современный немецкий учили как новый язык. Много там было стариков, много – одиноких... Еще в Усть-Тарке жили племянники Тухачевского...»⁸⁵

Генриетта Михайловна Рубинштейн регулярно переписывалась с родителями и подраставшей дочерью. Ю.Аксельрод вспоминает, что никогда в жизни не писала столько писем, сколько в ту пору.

⁸³ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.29а.

⁸⁴ Выписка из протокола №23 Особого Совещания при министре государственной безопасности Союза ССР от 9 июня 1951 г. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.40–40об.

⁸⁵ Из письма Ю.Аксельрод от 23 ноября 2005. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Разумеется, переписка была исключительно бытовой. Ни одно письмо не сохранилось.

Срок окончания ссылки Генриетты Михайловны прошел, но комендатура молчит, и так – снова долгие месяцы. Вместо освобождения из Магаданского управления МГБ направлено «заключение по материалам дела Г.М.Рубинштейн» в Москву. И 5 ноября 1952 Особое Совещание при МГБ определило Г.М.Рубинштейн «за участие в анти-советской троцкистской организации» ссылку «до особого указания», то есть бессрочную, в поселке Ягодном Магаданской области. Так она и осталась жить в поселке Ягодном Северного горнопромышленного управления Дальстроя МВД по адресу: улица Заводская, дом 8, квартира 2.

В 1952 было решено, что Юлия переедет к матери в Ягодное. Помимо понятного желания матери соединиться с дочерью, оторванной от нее совсем маленькой, были еще и практические соображения: как ни странно, жизнь на каторжной Колыме была легче и сытней с работающими матерью и отчимом, чем со стариками в ссылке; к тому же окончившие школу на Колыме имели льготы при поступлении в институт. И главное – в Усть-Тарке она не смогла бы получить паспорт – в колхозах тогда паспортов не выдавали.

Алан Адольфович, очевидно, бывший не ссылкой, а вольнонаемным и, следовательно, имеющим право ездить «на материк», поехал по просьбе жены в Усть-Тарку и привез в Ягодное пятнадцатилетнюю Юлю Рубинштейн. «Ехали через Москву – у отчима был первый отпуск после освобождения, и он поехал куда-то на юг по путевке, а меня оставил в Москве – у каких-то своих колымских знакомых. Приказ был: не высовывать носа за пределы квартиры». Но Юля все же «высовывала» – ездила потихонечку по Москве. Однажды в метро, на «Библиотеке Ленина», встретила свою родственницу, четвероюродную сестру. «Она знала, что мы в ссылке. Мы шли на встречу друг другу, глядя друг другу в глаза, – и разошлись»⁸⁶.

В Ягодном Юлия прожила два года.

Отношения Юли с матерью нельзя назвать простыми. Сама Юлия впоследствии писала: «Отношения мои с матерью не заладились сразу. Поначалу из-за того, что я не могла называть ее “мама”. Не получалось у меня. <...> Ведь я выросла без матери <...> Естественно, что там, в Ягодном, спустя столько времени, она показалась мне совсем чужой. Заочно я всегда именовала свою мать Гитка (про-

⁸⁶ Из письма Ю.Аксельрод от 23 ноября 2005. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

изводное от Гиты, Генриетты). Но, приехав в Ягодное, я однажды в разговоре с кем-то машинально назвала ее так при ней. Разразился скандал. Да, душевности между нами не было. Рядом с матерью я только острее чувствовала разлуку с бабушкой»⁸⁷. И Юлия поехала в Москву. Надежды на колымские «льготы» для поступления в институт не оправдались – дочь ссыльной не могла получить необходимых справок. Но паспорт Юлия получила. А в Москве поступила в техникум, после его окончания работала «на производстве» и училась на вечернем отделении Химико-технологического института.

После 1953 начались перемены. Родители Генриетты Михайловны вернулись из ссылки, вероятно, в конце 1953 или в начале 1954, но в Москве жить им не разрешили, и они поселились, как сотни других освобожденных, в городе Александрове, своеобразной подмосковной столице освобожденных из лагерей и ссылок.

На лагерной Колыме начали «выпускать»: зеков из лагерей, ссыльных – «на материк». Магаданское УМГБ пересматривало многие дела ссыльных и среди них пересмотрело дело Г.М.Рубинштейн. 30 сентября 1954, как тогда говорили, «с нее сняли ссылку»⁸⁸. Но Генриетта Михайловна осталась в Ягодном.

Тем временем в Москве следователь капитан Васильев готовил ответ на отправленную еще 26 мая 1954 «Жалобу» «гр-ки Рубинштейн Генриетты Михайловны» Верховному Прокурору СССР, как она назвала, по-женски не очень разбираясь в иерархии советской юстиции, Генерального прокурора⁸⁹. Он изучил ее дело 1937 года и, сделав вывод, что «утверждение Рубинштейн о ее невинности не соответствует действительности и опровергается материалами дела», предложил ходатайство Генриетты Михайловны о пересмотре ее дела «оставить без удовлетворения»⁹⁰.

Прошел еще год, Генриетта Михайловна по-прежнему в Ягодном. В феврале-марте 1956 в Москве реабилитировали ее родителей. Моисея Ивельевича нет в живых – он скончался 17 октября 1954. Вернувшейся из ссылки Рейзе Ельевне в Москве жить, однако, еще запрещено, и в это время она живет в Подмоскowie. 28 марта Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла определение: «<...> Рубин-

⁸⁷ Из записок Ю.Аксельрод. 2002. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁸⁸ Протокол допроса от 5 марта 1956. См. Приложение 8, п.11: «10 сентября 1954 получила паспорт». С.62 наст. изд.

⁸⁹ Жалоба. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.51–53. См. Приложение 7, с.59 наст. изд.

⁹⁰ Заключение от 4 января 1955. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.75–77.

штейн осужден за то, что являлся отцом жены изменника Родины Седова С. Рубинштейн Генриетты. <...> При проверке дела по обвинению его дочери Рубинштейн Г. установлено, что в ее деле нет никаких доказательств, свидетельствующих о причастности Рубинштейна М.Е. к антисоветской деятельности Седова и его жены Рубинштейн Г.М.». То же самое написано в таком же «определении» от того же числа в отношении «дела» Рейзы Ельевны. Комнату в Москве она получила только в 1958.

Процесс реабилитации набирал обороты, и в феврале 1956 в Ягодном появилась бригада следователей Главной Военной прокуратуры. 5 марта следователь допрашивал Генриетту Михайловну о знакомстве с Седовым, об обстоятельствах замужества. Интересовался он и тем, кто и зачем посещал их дом в Красноярске, о чем велись разговоры. В конце допроса, явно по подсказке следователя, Генриетта Михайловна заявила: «Никакого преступления перед Родиной и Советским народом не совершила, считаю себя человеком с абсолютно чистой совестью. Свое осуждение считаю или недоразумением или заведомо неправильными действиями некоторых работников, которые были причастны к рассмотрению моего дела. Прошу меня реабилитировать»⁹¹.

Несколько месяцев ушло в Генеральной прокуратуре на составление протеста, и наконец 28 ноября 1956 Военная Коллегия Верховного Суда под председательством полковника юстиции Коваленко вынесла реабилитационное определение по приговорам 1938, 1947 и 1952 годов. Одним из аргументов в пользу отмены приговоров было то, что все лица, показания которых легли в основу обвинения, признаны «осужденными неосновательно», а «арестованные вместе с Рубинштейн ее родители в настоящее время реабилитированы». Последний подшитый в архивное дело Генриетты Михайловны документ – написанная ею «Расписка»: «Дана мною, Рубинштейн Генриеттой Михайловной, в том, что мне объявлено определение 4н 019244/56 Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28/XI-1956 г. о прекращении моих дел за отсутствием состава преступления. Справку о моей реабилитации получила. Рубинштейн. 4/I-57 г.»

Тем не менее Генриетта Михайловна и Алан Адольфович остались жить в Ягодном. Дальневосточный эстонец, колымский заключенный, ставший главным инженером завода, душой прикипел к это-

⁹¹ Протокол допроса. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.84–87. См. Приложение 8, с.62 наст. изд.

му краю. На хорошие по советским понятиям «северные» заработки они построили в Таллинне в 1960 году вполне комфортабельное жилье, в которое Генриетта Михайловна одна, без мужа, перебралась в 1962. Через несколько лет переехал в Таллинн и Алан Адольфович. Тоскуя по Колыме, он через несколько лет снова приехал туда, но, как пишет его падчерица Ю.Аксельрод, «ни своей былой молодости, ни своих былых друзей он на Колыме уже не обнаружил и вскоре смиренно возвратился в Таллинн»⁹².

В середине 1980-х здоровье Генриетты Михайловны сильно пошатнулось: инфаркт, потом инсульт. Алан Адольфович настолько самоотверженно за ней ухаживал, что сам надорвался и умер 1 июня 1987. Через четыре дня скончалась и Генриетта Михайловна. Похоронили их вместе.

Юлия Рубинштейн закончила институт и в 1960 вышла замуж, через год на свет появился правнук Троцкого. Семья жила на московской окраине. Сын остро чувствовал в школе антисемитский настрой. Муж Юлии Владимир Давыдович Аксельрод, кандидат наук, автор перспективного открытия, был вычеркнут начальством из числа награжденных за это открытие. Семья решила на эмиграцию.

В начале 1979 они уехали в США, и почти сразу же семья начала разрушаться. Распался брак с Владимиром, сын Вадим уехал в Израиль и стал, к удивлению матери, правоверным иудеем и даже изменил имя – теперь его имя Давид.

В 2004 Юлия тоже переехала в Израиль.

Брат Генриетты Михайловны, Борис Михайлович Рубинштейн (1912–1994), единственный из семьи не был арестован. Окончив школу-девятилетку с техническим уклоном, он три года проработал конструктором-практикантом. В 1936 он все же отдался своим гуманитарным наклонностям и поступил в Литературный институт, окончил который в 1940 году, и стал редактором. Добровольцем ушел на фронт, закончил войну офицером. После войны работал в издательстве «Советский писатель», откуда был уволен в разгар «борьбы с космополитизмом». Впоследствии стал известным журналистом и кинорежиссером, публиковался под псевдонимом Б.Рунин. Написал книгу «Мое окружение. Записки случайно уцелевшего», которая вышла в свет в 1995, уже после его смерти. Именно он литературно обработал

⁹² Из записок Ю.Аксельрод. 2002. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

воспоминания Юлии Аксельрод и на рубеже 1980–1990-х годов способствовал их публикации в либеральном по тем временам журнале «Искусство кино»⁹³.

И, наконец, еще об одном близком Сергею Седову человеке – его первой жене Ольге Гребнер⁹⁴. Судя по тому, что Троцкий в своем дневнике упоминает ее под домашним именем «Леля», а Наталью Седову в письмах она называла «мамочка», – она была довольно близко знакома с родителями Сергея Седова. Мы уже писали о том, что она так же, как и Генриетта, носила передачи Сергею в Бутырки. Не раз она упоминается и в публикуемых в настоящем издании письмах Сергея из Красноярска.

В.Б.Бронштейн пишет, что О.Э.Гребнер была арестована в 1937 году⁹⁵. В конце 1980-х ее разыскал историк Д.Волгогонов, собиравший материалы для книги о Л.Д.Троцком⁹⁶. Родственники Ольги Эдуардовны сообщили, что она действительно была арестована (подробности им неизвестны), после освобождения работала актрисой в Астраханском драматическом театре, вышла замуж за коллегу-актера. К концу жизни она поселилась с мужем в ленинградском Доме ветеранов сцены, осуществляла весьма активную общественную деятельность (у них случайно сохранились грамоты и благодарности). Там же Ольга Эдуардовна и скончалась в 1992.

Сергей Львович Седов был реабилитирован только во времена горбачевской перестройки и только по двум делам: «...постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 14 июля и 20 июля 1935 г. и приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 октября 1937 г. в отношении Седова Сергея Львовича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления»⁹⁷. Верховному Суду и Генеральной Прокуратуре, судя по всему, не было известно еще одно постановление Особого Совещания при НКВД СССР – от 26 мая 1936 об осуждении Седова на пять лет лагерного заключения, – и формально по обвинению «в контрреволюционной троцкистской деятельности» он остался не реабилитирован.

⁹³ Фрагмент статьи С.Ларина «Без прикрас и умолчаний» («Новый мир», 1995, №8) см. в Приложении 18, с.128 наст. изд.

⁹⁴ Гребнер Ольга Эдуардовна (Георгиевна) (1906, Москва, – 1992, Ленинград, Дом ветеранов сцены).

⁹⁵ *Бронштейн В.В.* Указ. изд. С.190.

⁹⁶ См. прим. 55.

⁹⁷ Постановление №193-88 Пленума Верховного Суда СССР от 28 сентября 1988: ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Л.322–324.

Сергей Седов – «сын врага народа Троцкого»

Лев Давыдович Троцкий тоже был в конце концов реабилитирован: в мае 1992 года Генеральная Прокуратура РФ признала его реабилитацию по приговору Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 31 декабря 1927 года о его высылке в Алма-Ату на три года. И хотя на конец 1999 года Центральный архив ФСБ сведениями о высылке Троцкого из СССР – «самом суровом наказании» в советском законодательстве тех времен – «не располагал»⁹⁸, 16.06.2001 Л.Д. был все же реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 января 1929 и постановлению Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1932 о высылке из СССР и лишении гражданства с запрещением въезда в СССР⁹⁹.

⁹⁸ См. Приложение 19, с.132 наст. изд.

⁹⁹ Справки о реабилитации №13/2182-90, №13-2200-99. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Приложение 1

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО¹

1. Фамилия	<i>Седов</i>
2. Имя и отчество	<i>Сергей Львович</i>
3. Дата рождения: число	<i>«21»</i> месяц <i>март</i> год <i>1908</i>
4. Место рождения	<i>г.Вена</i>
5. Место жительства (адрес)	<i>Б.Серпуховская д.46 кв.155
Москва</i>
6. Профессия и специальность	<i>Научный работник</i>
7. Место службы и должность или род занятий	<i>Преподаватель. До 19 февраля работал в Московском Авиационном Ин-те и по совместительству Дирижабельный учебный комбинат</i>
8. Паспорт	
9. Социальное происхождение	<i>Отец журналист-литератор ?</i>
10. Социальное положение	<i>Служащий</i>
а) до революции	<i>Учащийся</i>
б) после революции	<i>Учащийся и служащий</i>
11. Образование (общее и специальное)	<i>Среднее и высшее (инженер-механик)</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Л.80–82. Публикатор С.А.Ларьков.

12. Партийность
(в прошлом и
в настоящем) *Беспартийный*
13. Национальность и
гражданство
(подданство) *Русско-еврейск.*
14. Категория воинского
учета-запаса и где
состоит на учете
15. Служба в белых и др.
к.-р. армиях, участие
в бандах и
восстаниях против
Соввласти (когда и
в качестве кого) *Не служил*
16. Каким репрессиям
подвергался при
Соввласти:
судимость,
арест и др. (когда,
каким органом и за
что) *Несколько обысков и вызывался на
допрос в ОГПУ*
17. Состав семьи *Генриетта Михайловна
Рубинштейн – ж[ена], студентка
Текстильного Ин-та. Маросейка
13 кв 12, Троцкий Л.Д. – отец,
живет во Франции, Троцка[я]
Н.И. – мать, [живет во Франции],
Седов Л.Л., брат [живет во
Франции], Гребнер О.Э. бывшая
жена библиотекарь
Б.Серпуховск[ая] д 46 кв 155*
- Подпись
арестованного *[Сергей Седов]*

Приложение 1

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован
3. Где содержится под стражей
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

3 III 1935 г.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

Приложение 2

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Седова Сергея Львовича от 4/V1935 г.¹

СЕДОВ С.Л., 1908 г.р. (сын ТРОЦКОГО), б/п, инженер.

Вопрос: Обыском у Вас обнаружен контрреволюционный документ, направленный против тов. Сталина². От кого Вы его получили?

Ответ: Этот документ был по-видимому получен моим отцом Л.Д.Троцким, так как хранился он в его бумагах.

Вопрос: Кому Вы показывали этот документ?

Ответ: Этот документ я никому не показывал и впервые увидел его в бумагах моего отца во время обыска.

Вопрос: Знакомы ли Вы с Розенфельдом Борисом Николаевичем?

Ответ: Да, знаком. Знаю его с детства. Близко с ним сошелся в 1927–28 году.

Вопрос: Что Вам известно о политических взглядах Розенфельда Б.Н.?

Ответ: Мне известно, что Б.Н.Розенфельд троцкист.

Вопрос: Снабжали ли Вы Розенфельда Б.Н. нелегальной троцкистской литературой?

Ответ: В 1927–28 году я передал Б.Н.Розенфельду так называемую «платформу». Возможно, что давал и другие нелегальные троцкистские документы, но сейчас я этого точно не помню.

Вопрос: А после 1928 года Вы передавали Б.Н.Розенфельд[у] нелегальные троцкистские документы?

¹ Протокол допроса от 4.05.1935. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.2. Л.90–92. Публикатор С.А.Ларьков.

² «<...> 5) Гнусный контрреволюционный пасквиль, обнаруженный в красной папке, в которой хранились разные вышивальные рисунки. Папка лежала в чемодане». Протокол обыска от 4.03.1935. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640. Т.2. Л.79.

Ответ: Нет, после суда 1928 года я Розенфельду нелегальных троцкистских документов не передавал.

Вопрос: С кем из лиц, ведущих нелегальную троцкистскую работу, Вы поддерживали связи до Вашего ареста?

Ответ: По 1928 г. включительно я вел активную троцкистскую работу, выполняя различные поручения своего отца Л.Д.Троцкого, и на этой почве встречался с рядом лиц, проводивших нелегальную работу. После 1928 года я никакой нелегальной работы не вел и с лицами, ведущими таковую, не встречался.

Вопрос: Вы говорите неправду. С Б.Н.Розенфельдом Вы обсуждали практические способы борьбы с руководством ВКП(б) после 1928 года. Следствие предлагает дать правдивый ответ.

Ответ: Таких разговоров я не помню. Возможно, что в начале 1929 года я с Б.Н.Розенфельд[ом] вел троцкистские разговоры, но практических способов борьбы с руководством ВКП(б) мы не намечали.

Вопрос: В разговорах с Б.Розенфельд[ом] высказывали ли Вы враждебное отношение к тов. Сталину?

Ответ: Нет, не высказывал, так как никакого враждебного чувства персонально к Сталину я никогда не питал.

Вопрос: Вы даете заведомо ложные показания. Арестованный по делу о подготовке убийства тов. Сталина Бор. Розенфельд показал, что намеревался при Вашей помощи осуществить это убийство. Следствие настаивает на правдивых показаниях.

Ответ: С Борисом Розенфельд[ом] я об убийстве Сталина никогда не говорил.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

Сергей Львович СЕДОВ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ. 10 ОТДЕЛЕНИЯ СПО ГУГБ:

[Горбунов]

Приложение 3

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО¹

1. Фамилия	<i>Седов</i>
2. Имя и отчество	<i>Сергей Львович</i>
3. Дата рождения: число «21» месяц <i>март</i> год <i>1908</i>	
4. Место рождения	<i>г.Вена</i>
5. Место жительства (адрес)	<i>г.Красноярск, а последнее время находился в к/лагерях (Воркута)</i>
6. Профессия и специальность	<i>инженер. Доцент.</i>
7. Место службы и должность или род занятий	<i>инженер-консультант по газогенераторному строению Крашмашвагонстроя</i>
8. Паспорт	<i>не имеет</i>
9. Социальное происхождение	<i>сын Троцкого – врага народа</i>
10. Социальное положение	<i>служащий</i>
а) до революции	<i>на иждивении родителей</i>
б) после революции	<i>учащийся</i>
11. Образование (общее и специальное)	<i>Высшее техническое</i>
12. Партийность (в прошлом и в настоящем)	<i>Беспартийный</i>
13. Национальность и гражданство (подданство)	<i>Русский, под.– СССР.</i>
14. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете	<i>Не состоит</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Л.1–1об. Публикация С.А.Ларькова.

15. Служба в белых и др.
к.-р. армиях, участие в
бандах и восстаниях
против Соввласти
(когда и в качестве
кого) *Не служил*
16. Каким репрессиям
подвергался при Сов-
власти: судимость,
арест и др. (когда,
каким органом и
за что) *В 1935 году за участие в к.-р.
группировке к 5 годам высылки и
в 1936 году к 5 годам
концлагерей.*
17. Состав семьи *жена Генриетта Михайловна
Рубинштейн 26 лет проживает
в Москве и дочь 1 года с ней же.*

Подпись
арестованного *[Сергей Седов]*

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован *доставлен конвоем из к/лагерей.*
3. Где содержится под
стражей *в Красноярской тюрьме*
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

22 IV 1937 г.

Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со
слов арестованного и проверяется по документам.

Приложение 4

ПРИГОВОР¹

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда СССР
в составе:

Председательствующего диввоенюриста Никитченко
Членов: диввоенюриста Горячева и бригавоенюриста

Китина

При секретаре военном юристе 3 ранга Шапошникове
В закрытом судебном заседании, в городе Красноярске
29 октября 1937 года,

рассмотрели дело по обвинению СЕДОВА Сергея
Львовича, 1908 г. рождения, б. инженера Красмаша, гр-на
СССР, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-8,
58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Седов, являясь с 1928 года активным участником троцкистского подполья, в 1935 году совместно с агентом германской разведки Шаубом создал на Красноярском машино-вагоностроительном заводе шпионско-диверсионную и террористическую организацию, участники которой под руководством Седова занимались диверсионно-вредительской работой, направленной на срыв и дезорганизацию производства, а также готовили поджог цеха металлических конструкций.

Кроме того, Седов осуществлял непосредственное руководство террористической деятельностью организации, создав специальную группу для совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советской власти.

Таким образом, установлена виновность Седова в совершении им преступлений, предусмотренных ст. 58-1а, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33578. Л.315. Публикация С.А.Ларькова.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

Седова Сергея Львовича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1-го декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий
диввоенюрист Никитченко

Члены

диввоенюрист Горячев
бригвоенюрист Китин

Выписка из акта

Приговор Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 29 октября 1937 года о расстреле Седова Сергея Львовича приведен в исполнение 29 октября 1937 года в 24 часа.

Нач. 8 отдела УГБ старший лейтенант госбезопасности
(подпись)

Приложение 5

СПРАВКА¹

Рубинштейн Генриетта Михайловна, 1911 г.р., уроженка Воронежской области, беспартийная, бывш. инженер Авиагидростроя в г.Красноярске, в настоящее время работает счетчиком Нефтепроекта.

Проживает в г.Москве, ул. Маросейка, д.13, кв. 12.

Рубинштейн Генриетта Михайловна является женой активного участника троцкистской террористической организации Седова Сергея Львовича, арестованного 4-м отделом ГУГБ.

Показаниями обвиняемых Рагимова, Дорохова и Буяновского Рубинштейн Генриетта Михайловна изобличается как активный участник троцкистской террористической организации, ликвидированной в г.Красноярске.

«Мне известны следующие члены контрреволюционной троцкистской организации: Седов Сергей – сын Троцкого, работавший консультантом по газогенераторам, Закс Рафаил Самуилович – племянник Зиновьева, работал на Красмаше, Рубинштейн Генриетта – жена Седова Сергея, в данное время находится в Москве, Дорохов Евгений Иванович, работал в последнее время на Бумстрое, Буяновский Павел Яковлевич – плановик Судостроя» (Показания Рагимова от 1.04.1937).

«В состав контрреволюционной троцкистской организации в 1935 году входили: Седов, Рагимов, Рубинштейн Генриетта Михайловна – инженер Авиагидростроя...»

«Мой отъезд в Москву Седов обусловил необходимостью террористического акта над руководством ВКП(б), в тот момент именно тем, что ряд активных троцкистов находится под арестом или в ссылке. Седов сказал: “Твоим выстрелом мы внесем смятение в ряды ВКП(б), нам надо показать, что стреляют и не троцкисты”. Седов заявил, что даст мне письмо к одному “большому человеку” в Москве, к которому я буду направлен и он должен устроить все. Причем предупредил,

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.9–10. Публикация С.А.Ларькова.

что квартира и стол мне будет обеспечен Генриеттой Рубинштейн (женой Седова), ее родители должны были меня принять и устроить».

«Жена Седова Генриетта Рубинштейн знала, что я назначен Седовым для исполнения диверсионного и террористического актов» (Показания Дорохова от 28.11 и 15.12.1936).

«Установку на террор я получил от Седова в декабре месяце 1935 года при встрече с Седовым в столовой ИТР, в присутствии его жены Рубинштейн Генриетты Михайловны» (Показания Буяновского от 11.01.1937).

Пом. Начальника 4 отдела ГУГБ капитан госуд. безопасности Доценко

12.12.1937

Приложение 6

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА¹

1938 г. июля мес. 22 дня. Я, оперуполн. 4 отдела 1 Упр.
лейтенант Госбезопасности допросил в качестве обвиняемой

1. Фамилия	<i>Рубинштейн</i>
2. Имя и отчество	<i>Генриэта Михайловна</i>
3. Дата рождения: <i>1911 год</i>	
4. Место рождения	<i>г.Винев Тульской обл.</i>
5. Местожителство
(адрес)	<i>г.Москва, Маросейка ул., д.13,
кв.12</i>
6. Профессия и
специальность	<i>Научный работник</i>
7. Нац. и гражд.
(подданство)	<i>Еврейка, гр-ка СССР</i>
8. Паспорт	<i>Выдан Красноярск. район.
отдел. милиции</i>
9. Социальное
происхождение	<i>служащая</i>
10. Социальное положение
(род занятий и
имущественное
положение)	
а) до революции	
б) после революции	<i>Училась и служила</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.16. Публикатор С.А.Ларьков.

11. Состав семьи *б. муж Седов Сергей Львович – инженер по проектированию двигателей на твердом топливе в г.Красноярске – арестован 17/VI-36 г. Дочь Рубинштейн Юлия 1 г. 11 мес. Мать Рубинштейн Розалия Ильинична, 53 г., домохозяйка, отец Рубинштейн Михаил Яковлевич – 60 лет, трест Спецстрой, завед. ТНБ, живет в Москве. Брат Рубинштейн Борис Михайлович [нрзб.]*
12. Образование (общее и специальное) *Высшее*
13. Партийность (в прошлом и в настоящем) *Беспартийная*
14. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
- а) до революции *нет*
- б) после революции *нет*
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при Соввласти *нет*
16. Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете
17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого *нет*

18. Служба в белых и др.
к.-р. армиях (когда, в
качестве кого) *нет*
19. Участие в бандрах, к.-р.
организациях и
восстаниях
20. Сведения
об общественно-
политической
деятельности

Показания обвиняемого (свидетеля) Рубинштейн Генриетты Михайловны 22 июля 1938 г.

Вопрос: Вы арестованы как участница контрреволюционной троцкистской организации, возглавлявшейся Седовым С.Л. Предлагаем вам дать показания о своей нелегальной деятельности.

Ответ: Никакого участия в контрреволюционной троцкистской организации я не принимала.

Вопрос: Напрасно вы отрицаете свое участие и деятельность в нелегальной организации троцкистов. Следствие располагает достаточными материалами, которыми вы все равно будете уличены. Говорите лучше правду.

Ответ: Утверждаю, что никакого отношения к нелегальной троцкистской организации не имела.

Вопрос: Вы знаете Рагимова Рашида.

Ответ: Да, знаю. С Рагимовым я познакомилась в 1935 г. в г.Красноярске, с которым часто встречались.

Вопрос: Арестованный Рагимов Рашид показал на следствии, что вы являлись участницей контрреволюционной троцкистской организации.

Ответ: Еще раз заявляю, никогда участницей троцкистской организации не была.

Вопрос: С какого времени вы знаете Седова Сергея Львовича – сына врага народа Троцкого.

Ответ: С Седовым Сергеем Львовичем я познакомилась в июле 1934 г. Его женой стала 13/[нрзб.] 1935 и прожила с ним по 17/VI 1936 г. Сошлись с ним в ноябре 1934 года.

Вопрос: Арестованный Буяновский на следствии показал, что Седов С.Л. в 1935 г. в присутствии вас давал Буяновскому террористические установки троцкистской организации для борьбы с Совправительством.

Ответ: Категорически утверждаю, что С.Л. в моем присутствии Буяновскому террористических установок не давал.

Вопрос: Вы знаете Дорохова Евгения Ивановича.

Ответ: С Дороховым Евгением Ивановичем я познакомилась в конце 1935 г. в г.Красноярске, по месту ссылки Седова С.Л.

Вопрос: Вас также изобличает арестованный Дорохов Е.И. в том, что вы знали, что ваш муж Седов С.Л. наметил Дорохова для исполнения диверсионных и террористических актов против Совправительства и руководства ВКП(б).

Ответ: Все это ложь. Я не знаю, чтобы Седов намечал Дорохова и кого бы то либо для исполнения диверсионных и террористических актов.

Вопрос: Что вам известно о контрреволюционной троцкистской деятельности вашего мужа Седова Сергея Львовича.

Ответ: О контрреволюционной троцкистской деятельности мужа Седова С.Л. я ничего не знаю.

Больше показать ничего не могу, записано с моих слов верно и мною прочитано.

Рубинштейн

Допросил Оперуполн. 4 отдела 1 Упр. мл. лейтенант
Гос. Без.

Приложение 7

Верховному прокурору СССР

От гр-ки РУБИНШТЕЙН
Генриетты Михайловны,
проживающей
в Магаданской области,
пос. Ягодное, Заводская ул.,
д.№8, кв.2

ЖАЛОБА¹

В 1937 году 23 декабря я была арестована органами НКВД в гор. Москве, а в начале августа 1938 года постановлением Особого Совещания была репрессирована по статье КРТД сроком на 8 лет ИТЛ.

Срок заключения отбывала в СВИТЛе. При этом вместо 8 лет находилась в заключении неполных десять.

Освободилась из лагеря 14 июля 1947 года. За время пребывания в лагере честно трудилась, ни в чем себя не скомпрометировала. Однако тут же, при освобождении из лагеря, мне было объявлено постановление Особого Совещания от 8-го марта 1947 года, по которому для меня дополнительно устанавливалась мера пресечения – ссылка сроком на 5 лет.

Отбывала ссылку здесь же в пос. Ягодный и так же честно и добросовестно продолжала трудиться и участвовать в общественной работе предприятия.

Так истекли и эти 5 лет; 8 марта 1952 года кончился срок ссылки, но я продолжала быть ссыльной без объявления причины. И только 13 декабря 1952 года мне было объявлено новое постановление Особого Совещания, по которому срок ссылки на этот раз устанавливался «до особого указания», т.е. практически бессрочно.

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.51–53. Публикация С.А.Ларькова.

Почему я, никогда не совершавшая инкриминируемого мне преступления, до сих пор продолжаю испытывать все тяготы моего положения?

Только после разоблачения подлого изменника Родине [так!] Берия и его сообщников, фабриковавших «дела» на честных советских граждан, мне стало ясно и мое положение.

Что же касается так называемого «Дела», по которому я была репрессирована, заявляю, что оно от начала и до конца является вымышленным, а содержащиеся в нем материалы – ложью и клеветой.

Никогда, прямо или косвенно, не занималась контрреволюционной троцкистской деятельностью (КРТД).

Родилась в 1911 году в семье служащего. В 1935 г. окончила Московский Текстильный Институт. Ни в Комсомоле, ни в Партии не состояла.

Весной 1935 года вышла замуж за Сергея Львовича Седова, беспартийного, бывшего в то время преподавателем в Московском Авиационном Институте. Через месяц после замужества Седова арестовали и выслали из Москвы в Красноярский край, в ссылку. В мае 1936 года Седова заключили в лагерь. Это послужило причиной моего с ним развода, который я оформила официально через ЗАГС в начале 1937 года.

Выходя замуж за Седова, быть может, я поступала легкомысленно, не подумала о могущих быть последствиях, которые, как показало время, не замедлили сказаться на моей судьбе.

Все мое «преступление», таким образом, состоит в том, что я в течение полутора лет (из них только 7 м-цев совместной жизни) состояла в браке с сыном врага народа. Подсудно ли это по Советским законам? Если да, то не окуплено ли легкомыслие молодости теми почти десятью годами заключения в лагере и семилетней ссылкой?

С большим удовлетворением прочла статью Верховного Прокурора «О социалистической законности», опубликованную в центральных газетах.

Знакомство со статьей и целый ряд событий последнего времени побудили меня написать эту жалобу.

Жалоба

Настоятельно прошу Вас, гражданин Верховный Прокурор, о пересмотре моего дела, ибо дальнейшее мое пребывание в ссылке я не могу рассматривать иначе как факт грубейшего нарушения социалистической законности.

пос. Ягодный, Магаданской обл.

26 мая 1954 года

[Подпись] Рубинштейн

Приложение 8

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА¹

5 марта 1956 г. Военный прокурор отдела Главной Военной Прокуратуры майор юстиции Каратанов допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением ст.ст. 162–168 УПК РСФСР.

1. Фамилия, имя, отчество	<i>Рубинштейн Генриэтта Михайловна</i>
2. Возраст	<i>1911 г. рождения</i>
3. Место рождения	<i>г.Венев Тульской области</i>
4. Место работы, должность и звание	<i>Магаданская область, пос. Ягодный, о[тдел] снаб[жения], продавец магазина</i>
5. Семейное положение	<i>Замужем. Муж Мерк Алан Адольфович</i>
6. С какого времени в Советской Армии	<i>не служила</i>
7. Национальность	<i>еврейка</i>
8. Образование	<i>высшее
Московский текстильный институт</i>
9. В каких отношениях состоит с обвиняемым	
10. Происхождение	<i>из служащих</i>
11. Судимость	<i>8 августа 1938 года за к-р троцкистскую деятельность была осуждена на 8 лет ИТЛ. 10 сентября 1954 г. получила паспорт.</i>
12. Партийность	<i>беспартийная</i>
13. Постоянное местожительство и точный адрес	<i>пос. Ягодный Магаданской области, ул. Заводская, дом №8, кв. 2.</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733. Л.84–87. Публикация С.А.Ларькова.

14. Категория воинского
учета-запаса и где
состоит на учете

ПОДПИСКА: В соответствии со ст. 164 УПК РСФСР я предупрежден об уголовной ответственности по ст.ст. 92 и 95 УК РСФСР за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний.

Подпись свидетеля (Рубинштейн)

Вопрос: Расскажите о Вашем знакомстве и совместной жизни с Седовым С.Л.

Ответ: С Седовым Сергеем Львовичем я познакомилась на курорте летом 1934 года. Тогда, при знакомстве, и долгое время после этого не знала, что он является сыном Троцкого. Наши отношения с ним стали близкими, и после возвращения с курорта в Москву мы с ним решили вступить в брак. Должна сказать, что и я и он до этого состояли в браке. Я с мужем (первого моего мужа фамилия была Болтянский) развелась, а Седов со своей женой (первой) не был зарегистрирован, но жил с ней в одной комнате. Получилось так, что мы с ним зарегистрировались, но фактически жили в разных квартирах, каждый в своей. Зарегистрировались мы с ним в марте 1935 года. Перед регистрацией мне Седов сказал, что он является сыном Троцкого. На мой вопрос, был ли он связан с политической деятельностью Троцкого, Седов ответил, что он с политической деятельностью Троцкого никогда связан не был и когда Троцкого с семьей (жена и старший сын уехали с ним) выслали из СССР, то Седов Сергей не захотел с ними выехать, остался в Советском Союзе, окончил институт и к моменту моего с ним знакомства работал доцентом Московского авиационного института. Должна также сказать, что мои родители были категорически против моего брака с Седовым. Но несмотря на все возражения родителей я втайне от них вышла за Седова замуж. Как я уже сказала, в марте 1935 года мы с Седовым расписались в ЗАГСе, а примерно через месяц он был арестован и сослан в ссылку в г.Красноярск. 10 мая 1935 г. я закончила Московский текстильный институт, поступила на

работу в «Хлопкопроект», а в октябре 1935 года с работы рассчиталась и уехала в г.Красноярск к Седову. В Красноярске мы с Седовым прожили до июня 1936 года. Его в июне 1936 г. арестовали и отправили в Воркуту. Сразу же после ареста Седова (дней через 10, не более) я возвратилась в Москву, к своим родителям.

Вопрос: Кто у Вас с Седовым был в Красноярске более близкими знакомыми.

Ответ: Нашими близкими знакомыми по Красноярску были Рафаил Закс и Рашид Рагимов.

Вопрос: Кто они такие?

Ответ: Закс Рафаил работал в Красноярске экономистом, жил с нами в одном доме, с его слов мне известно, что он являлся племянником Зиновьева.

Рашид Рагимов работал в Красноярске конструктором по золотопромышленности.

Вопрос: Кто посещал Вашу квартиру в Красноярске?

Ответ: Нашу квартиру посещали Рашид Рагимов, а после и жена Рагимова, которая к нему приехала незадолго до ареста Седова.

Я помню, что к нам несколько раз заходил молодой человек по имени Женя, кажется, его фамилия была Дорохов. С какой целью он приходил к нам, мне неизвестно.

Но я хорошо знаю, что ни я, ни в моем присутствии Седов его в гости к себе не приглашали, но он тем не менее почему-то приходил к нам.

Кроме указанных лиц я не помню, чтобы к нам приходил еще кто-то.

Вопрос: Для какой цели приходили к Вам указанные лица?

Ответ: Для чего приходил к нам Дорохов, я не знаю, а остальные приходили или по нашему приглашению в гости, или заходили сами, так как мы с ними были в хороших дружеских отношениях.

Вопрос: О чем шел разговор при посещении Заксом и Рагимовым Вашей квартиры?

Ответ: Разговор обычно шел о книгах, которых как у нас, так и у Закса было много, о литературе и др. вопросах быденной жизни, или мы вместе ходили в кино.

Других разговоров, особенно разговоров на политические темы, у нас в квартире не велось.

Мне кажется, что политические разговоры у нас на квартире не велись еще и потому, что Седов и Закс, зная о том, что их родство с врагами народа Троцким и Зиновьевым настраивает каждого человека по отношению к ним, и потому избегали всяческих политических толкований, боясь, что они могут быть окружающими неправильно поняты или извращенно истолкованы.

А потом, ведь Седову было известно, что за ним следят и о всех его разговорах будет известно соответствующим органам. Он мне об этом говорил и в Москве, и в Красноярске.

Я еще раз повторяю, что в моем присутствии в нашей квартире в гор. Красноярске разговоров политического характера никогда не велось.

Вопрос: Как Вы знаете Дорохова Евгения Ивановича?

Ответ: Дорохова (имя его я припоминаю Евгений, отчества не знаю) я знаю, вернее, знала очень мало. Я не знаю, где и кем он работал, что он за человек. Я что-то вспоминаю, что он был комсомольцем. Почему я это вспоминаю, так это потому, что он, будучи комсомольцем, ходил к нам в квартиру, тогда как нас чуждались беспартийные рядовые работники, так как знали, что Седов является ссыльным. Посещения Дорохова нас очень смущали, ни я, ни, по моему наблюдению, Седов не могли понять, почему Дорохов нас посещал. Теперь я начинаю догадываться, что его посещения нашей квартиры были специально подготовленными. Больше о Дорохове я ничего не знаю. Я даже не помню, разговаривала ли я с ним и на какую тему, или не разговаривала.

Вопрос: Известен ли Вам Буяновский Павел Яковлевич?

Ответ: Такого человека я совершенно не помню.

Вопрос: Что Вам известно о Рагимове и Заксе?

Ответ: О Рагимове с его слов мне известно, что он из Баку, был осужден за что-то, но за какое-то изобретение ему срок снизили и он был в Красноярске, по-видимому, также в ссылке или же ему нельзя было выехать в Баку по каким-то причинам. Знаю, что он был конструктором по изобретению машин для золотопромышленности. Мне он лично не нравился, т.к. был

человеком легкомысленным и злоупотреблял спиртным. Седов мне про него говорил, что Рагимов очень дельный конструктор, поэтому он ему нравится. Закса могу охарактеризовать также с его слов. Он был молодым человеком, очень начитанным, воспитанным человеком. Много читал, вел себя прилично во всех бытовых отношениях.

Вопрос: Известны ли Вам Бурмакин и Телегин.

Ответ: Телегина я совершенно не знаю. Смутно припоминаю фамилию Бурмакина, по-моему, это был инженер в Красноярске. Сказать о нем что-либо определенное не могу.

Вопрос: С кем Вы выехали из Красноярска в Москву после ареста Седова?

Ответ: Из Красноярска в Москву я выехала одна.

Вопрос: Вы просили кого-нибудь сопровождать Вас до Москвы?

Ответ: Провожать меня в Москву я никого не просила. Я помню, что просила проводить меня не до Москвы, а до вокзала Рагимовых (мужа и жену), и то они не пришли меня провожать.

Вопрос: С кем Вы встречались после ареста Седова до Вашего отъезда из Красноярска в Москву?

Ответ: Я за то короткое время после ареста Седова до моего отъезда в Москву виделась с Заком, который спустя дней 7–8 после ареста Седова был также арестован. Больше в Красноярске я ни с кем не встречалась, кроме разве того, что, не помню точно, кого из Рагимовых я просила проводить меня до вокзала. Возможно, я их и не просила, а надеялась, что Рагимовы сами придут проводить меня.

Вопрос: Что Вы желаете дополнить к сказанному?

Ответ: Меня на следствии по моему делу обвиняли в контрреволюционной троцкистской деятельности. Но я заявляю, что никогда и никакой контрреволюционной деятельности я не вела, ни в какой контрреволюционной организации не состояла, что у нас на квартире в Красноярске никаких сборищ не было и никаких контрреволюционных разговоров там не велось. Те показания, которые мне зачитывали на следствии о якобы моей причастности к контрреволюционной деятельности, я категорически отрицаю как клеветнические, ибо еще раз

Протокол допроса Г.М.Рубинштейн. 1956

повторяю, что никакой контрреволюционной деятельности я не вела.

Вопрос: Вас по делу Седова допрашивали?

Ответ: Нет, не допрашивали.

Вопрос: Что Вы еще хотите дополнить?

Ответ: Заявляю, что никакого преступления перед Родиной и советским народом не совершила, считаю себя человеком с совершенно чистой совестью. Свое осуждение считаю или недоразумением, или заведомо неправильными действиями некоторых работников, которые были причастны к расследованию моего дела.

Прошу меня реабилитировать.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.
Рубинштейн

Майор юстиции (подпись *нрзб*).

Приложение 9

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА¹

Допрос начат в 16 час. 50 минут. Окончен в 18 час.
минут. 1951 г. Мая мес. 10 дня. Я Пом Нач отд 6 отдела 5 Упр
МГБ

Допросил в качестве

1. Фамилия	<i>Рубинштейн</i>
2. Имя и отчество	<i>Рейзу Ельевну</i>
3. Дата рождения	<i>1886 года</i>
4. Место рождения	<i>г.Ефремов Моск. области</i>
5. Местожительство	<i>г.Москва, Петровка, дом
№20, кв.27</i>
6. Нац. и гражд. (подданство)	<i>еврейка, гражд. СССР</i>
7. Партийность (в прошлом и
настоящем)	<i>Беспартийная</i>
8. Образование (общее,
специальное)	<i>нижесредне [Так!].
Не окончила гимназии</i>
9. Паспорт	
10. Род занятий	<i>домашняя хозяйка</i>
11. Социальное происхождение	<i>служащая</i>
12. Социальное положение (род
занятий и имущественное
положение)	
а) до революции	<i>нигде не работала</i>
б) после революции	<i>нигде не работала</i>
13. Состав семьи	<i>муж – Рубинштейн
Моисей Евельевич –
арестован 9/IV 1951 года
сын – Рубинштейн Борис
Михайлович 1912</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5022. Л.22–24. Публикация С.А.Ларькова.

дочь Рубинштейн
Геңриэтта Михайловна
1911
внучка Рубинштейн Юлия
Сергеевна

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
- а) до революции *не подвергалась*
б) после революции *не подвергалась*
15. Какие имеете награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти *не имеет*
16. Категория воинского учета-запаса *не состоит*
17. Служба в Красной Армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого *не служила*
18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда и в качестве кого) *не служила*
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях *не участвовала*
20. Сведения об общественно-политической деятельности

Показания обвиняемого (свидетеля) Рубинштейн Рейзы Ельевны 10 мая 1951 г.

Вопрос: Чем занимается ваш сын Рубинштейн Б.М. и где проживает?

Ответ: Мой сын Рубинштейн Борис Моисеевич [Так!] литературный работник, член Союза советских писателей. Проживает с женой Анной Дмитриевной Мельман, журналисткой, – в г.Москве, Просвирин пер., дом 7, кв.9.

Вопрос: Где работает и проживает ваша дочь Рубинштейн Г.М.?

Ответ: Дочь Рубинштейн Генриетта Михайловна в 1937 году выслана из Москвы в Хабаровский край. Проживает пос. Ягодный, где и работает в каких-то мастерских. Ее дочь Юлия 1936 г. рождения осталась проживать у меня и находилась при мне до дня моего ареста.

Вопрос: Кто был мужем вашей дочери Рубинштейн Г.М.?

Ответ: Мужем моей дочери был Седов Сергей Львович. Седов С.Л. являлся сыном врага народа Троцкого Льва Давыдовича.

Вопрос: В каком году ваша дочь Рубинштейн Г.М. вышла замуж за Седова С.Л.?

Ответ: Моя дочь Рубинштейн Г.М. вышла замуж за Седова С.Л. в 1935 году. Седов в то время работал в Красноярске. В Красноярске с Седовым жила и моя дочь.

В 1936 году моя дочь в связи с беременностью приехала ко мне в г.Москву. В период ее нахождения в Москве муж ее Седов С.Л. был арестован органами НКВД в г.Красноярске и осужден.

В 1937 году органами НКВД была арестована и моя дочь Рубинштейн Г.М.; она потом осуждена к 8 годам лагерей. Срок наказания отбыла.

Вопрос: Кто еще из ваших родственников репрессирован органами советской власти?

Ответ: За исключением Троцкого Л.Д., высланного из СССР, – других родственников, репрессированных органами советской власти, никого нет. Троцкого Л.Д. я никогда не видела.

Вопрос: Кого вы имели и имеете из родственников, проживающих за границей?

Ответ: Из числа моих родственников никто за границей не проживает и не проживал. Проживал ли кто за границей из числа родственников мужа – я не знаю.

Вопрос: У вашего мужа есть братья и сестры?

Ответ: Да, есть.

Вопрос: Назовите их!

Ответ: В Москве проживают два брата мужа и две сестры. Братья: Рубинштейн Бенъямин Яковлевич – инженер Главпар-

Протокол допроса Р.Е.Рубинштейн. 1951

фюмера, проживает по 2-й Хуторской улице (новые дома); Рубинштейн Ефим Яковлевич – преподаватель какого-то техникума, проживает Маросейка, дом 13. Сестры: Шуйкина Анна Яковлевна, пенсионерка (она слепая) и Шмидт Фаня Яковлевна, которая работает в аптеке кассиром. Проживают они на Евлоховской [Так!] площади, дом №8 или 16 (против собора).

Вопрос: Покажите о своих политических взглядах и настроениях, а также о своей враждебной деятельности против СССР?

Ответ: У меня политические взгляды и настроения были здоровые и я против советской власти никаких преступлений совершать не могла.

Протокол мною прочитан, ответы на вопросы с моих слов записаны верно

Подпись: (Рубинштейн)

Допросил: Пом Нач отдела 6 отдела 5 Упр.....

Подполковник.....

Приложение 10

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА¹

Допрос начат в 16 час. 50 минут. Окончен в 18 час.
00 минут. 1951 г. мая мес. 10 дня. Я Пом Нач отд 6 отдела
5 Упр МГБ

Допросил в качестве

1. Фамилия	<i>Рубинштейна</i>
2. Имя и отчество	<i>Моисея Евелевича</i>
3. Дата рождения	<i>1880 года</i>
4. Место рождения	<i>г.Москва²</i>
5. Местожительство	<i>г.Москва, Петровка 20, кв.27</i>
6. Нац. и гражд.
(подданство)	<i>еврей, гражд. СССР</i>
7. Партийность
(в прошлом и
настоящем)	<i>беспартийный</i>
8. Образование (общее,
специальное)	<i>незаконченное среднее</i>
9. Паспорт	
10. Род занятий	<i>проектная контора
строительства стадионов –
техник-сметчик</i>
11. Социальное
происхождение	<i>служащий</i>
12. Социальное положение
(род занятий и
имущественное
положение)	
а) до революции	<i>служащий</i>
б) после революции	<i>служащий</i>

¹ ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.22–24. Публикация С.А.Ларькова.

² По сведениям Ю.Аксельрод, дедушка был родом из Ельца. Но следователь запрашивал справку о его рождении и получил «Постановление об уточнении места рождения М.Е.Рубинштейна» (установлено – Москва). ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021. Л.35.

Протокол допроса М.И.Рубинштейна

13. Состав семьи *жена – Рубинштейн Рейза Ельевна, домашняя хозяйка; внучка Юлия 1936 г. учащаяся. Кроме того имею сына Рубинштейна Бориса Михайловича и дочь Рубинштейн Генриэтта Михайловна. Проживают отдельно.*
14. Каким репрессиям подвергался:
судимость, арест и др.
(когда, каким органом и за что)
- а) до революции *не подвергался*
б) после революции *не подвергался*
15. Какие имеете награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти *медали «За доблестный труд» и 800-летие Москвы.*
16. Категория воинского учета-запаса *не состоит*
17. Служба в Красной Армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого *не служил*
18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда и в качестве кого) *не служил*
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях *не участвовал*
20. Сведения об общественно-политической деятельности *прочерк*

Показания обвиняемого (свидетеля) Рубинштейн М.Е.
10 мая 1951 г.

Вопрос: Где работает и проживает ваш сын?

Ответ: Мой сын Рубинштейн Борис Михайлович проживает в г.Москве, Просвирина переулоч, дом 7. Работает редактором издательства Союза советских писателей.

Вопрос: Чем занимается ваша дочь и где проживает?

Ответ: Дочь – Рубинштейн Генриэтта Михайловна работает в Дальстрое на Колыме – бухгалтером. Там же и проживает.

Вопрос: Чья у вас внучка?

Ответ: Внучка Юлия является дочерью Рубинштейн Генриэтты Михайловны.

Вопрос: Кто является мужем вашей дочери?

Ответ: Первым мужем моей дочери был Болтянский Андрей. Работал в Московской киностудии. В 1935 году моя дочь Генриэтта вышла замуж второй раз. За Седова Сергея Львовича, сына Троцкого Л.Д. О женитьбе дочери на Седове С.Л. мне стало известно из ее письма, полученного мною из г.Красноярска.

Вопрос: Чем занимался в это время Седов С.Л.?

Ответ: Этого я не знаю. Но как будто он работал в Красноярске инженером.

Вопрос: Каким образом ваша дочь сошлась с Седовым?

Ответ: Дочь познакомилась с Седовым на курорте в г.Сочи. По возвращении в Москву они поженились. Однако вскорости Седов был арестован и выслан в Красноярск. В Красноярск выехала к Седову и моя дочь Генриэтта. В 1936 году в г.Красноярске был вторично арестован Седов, и моя дочь уже беременная вернулась в Москву.

В 1937 году дочь была арестована органами НКВД и осуждена к 8 годам ИТЛ. Дочь ее осталась у меня на воспитании.

Вопрос: С Седовым во время его нахождения в Москве виделись?

Ответ: С Седовым я никогда не встречался. Моя дочь Генриэтта вышла замуж за Седова вопреки нашего желания.

Дочь после ссоры со мной и моей женой из дома ушла и поселилась на квартире Седова.

Вопрос: Ваша дочь поженилась с Седовым в 1935 году в г.Москве, а почему вы показали выше, что о ее женитьбе на

Протокол допроса М.И.Рубинштейна

Седове узнали из письма, полученного от дочери из г.Красноярска.

Ответ: Я в своем первом ответе допустил некоторую неточность.

Вопрос: Кто из ваших родственников проживал или проживает за границей?

Ответ: Задолго до революции 1917 года кто-то из родственников моего отца уехал из России в Америку, но кто именно – я не знал.

Протокол мною прочитан, ответы на вопросы с моих слов записаны верно

Подпись: М.Рубинштейн

Допросил: Пом Нач отдела 6 отдела 5 Упр.....

Подполковник.....

Приложение 11

ПИСЬМА С.СЕДОВА К РОДИТЕЛЯМ И БРАТУ¹

22/II 31 г.²

Дорогие мои!

Получил позавчера мамино письмо. Папиной открытки не получал, от Зины³ тоже пока получил только одну открытку. Леля послала маме и Зине по письму. Надеюсь, что они благополучно дошли.

Мама пишет, что о смерти Нины⁴ вы узнали из газет. Я ее не видел с самой весны, Леля была у нее один раз в санатории. В Москве нам встретиться, к сожалению, не удалось, мы все сговаривались через Чеслава, что как только ей станет немного лучше, мы с Лелей придем к ней в больницу, но этот момент, увы, не наступил.

Карточку Дануськину я у Чеслава возьму и пришлю вам. Его за последнее время я видел только один раз.

Я сижу дома пятый день, простудился и желудок что-то не в порядке. Первый день температура к вечеру поднялась до 39°. Сейчас температура нормальная, но самочувствие неважное.

¹ Письма Сергея Седова к родителям хранятся в Гарварде: Houghton Library, Leon Trotsky Exile Papers (bMS Russ 13.1), G. 4933–4961; E. 13038, 13039; письма к брату Льву: Там же. E. 13040–13042; письмо О.Э.Гребнер к Н.И.Седовой: Там же. E. 13037. Текст публикуется с разрешения Houghton Library, Harvard University. Подготовка текста к публикации Е.В.Русаковой. К сожалению, нам неизвестно, каким образом эти письма попали в Гарвард. Мы не знаем, получали ли Л.Троцкий и Н.Седова еще какие-нибудь письма от С.Седова.

² G. 4936.

³ Зинаида Волкова, дочь Л.Троцкого от брака с А.Л.Соколовской, выехала из СССР в Германию на лечение.

⁴ Нина Невельсон, дочь Л.Троцкого от брака с А.Л.Соколовской, умерла от туберкулеза в 1929.

Дня через два придется выйти на работу, к этому же времени, может быть, на несколько дней позже окончится моя служебная волокита, о чем я немедленно сообщу. Чем кончится – понятия не имею.

Пользуясь свободным временем, прочел книжку Лафарга «Очерки по истории культуры». Это сборник его статей, некоторые из них очень любопытны.

Крепко вас всех целую. Леву поздравляю (верней, выражаю свое соболезнование) по поводу наступления его 25-летнего юбилея.

Привет от Лели.

Сергей

P.S. Посылаю вам мало-мальски сносный снимок Лели и меня и мои снимки, которые я привез из Ивано-Вознесенского турне. Шляпа не моя. Трубка тоже.

Сергей

30/III 31 г.⁵

Дорогие мои!

Давно от вас нет никаких вестей, если не считать перепиской маминой открытки, полученной около недели тому назад.

Из открытки между прочим видно, что ты, мама, не получила Лелиных писем (она послала тебе одно письмо и одну или две открытки).

Леве послали несколько книг по его списку и на днях высылаем остальные, за исключением одной или двух, которые пока не удалось достать. Пускай он обязательно подтвердит получение.

Я сейчас опять нахожусь в водовороте лекций, упражнений проектирования и проч. Устаю чрезвычайно и мечтаю о летних каникулах, но до них, увы, еще далеко – целых три месяца.

⁵ G. 4937.

Особенно мне трудно этот семестр, т.к. я сейчас еще заведу кабинетом «теплотехники» (сие громкое название принадлежит комнатухе с площадью примерно 14 квадратных метров) и мне приходится помимо роли заведующего исполнять еще роль курьера и проч.

Оклад мне положили тоже смешной – 125 р. в месяц.

Кроме того, меня втянули еще в составление задачника по курсу двигателей внутреннего сгорания, так что из всего этого – in сопроге получилась бессонница, правда, последние дни несколько утихшая.

Недавно Аня вместе с Люликом⁶ вернулись в Москву.

Письмо начал писать в выходной день, но не успел дописать, и вот прошло еще четыре дня, и хотя оно лежит у меня на виду, никак не могу его закончить.

Поэтому отправляю в таком виде. Из новостей могу еще сообщить, что Леля сейчас временно без работы.

Крепко вас целую

Сергей

17/IV 31 г.⁷

Дорогие мои!

Я был удивлен вашей телеграммой, т.к. посылал несколько писем. Сам я после зимнего письма от 13/II ничего не получал до самого последнего времени, только за последние дни получил две открытки от мамы, и Леля получила Зинину открытку.

У нас был здесь трагический инцидент с Люликом, который, слава Богу, окончился благополучно. Он вздумал кататься с лестницы на перилах и свалился, пролетев, кажется, целый этаж, хотя этого установить нельзя. Он был в шубе и теплой мягкой шапке, и это его, очевидно, спасло. Няня, которая искала его в это время на дворе, нашла его лежащим на лестнице в бессознательном состоянии. В таком положении он

⁶ Анна Рябухина, первая жена Льва Седова, и их сын Лев.

⁷ G. 4939.

пробыл несколько часов. Вызвали карету скорой помощи, отвезли его в больницу, там ему впрыснули камфору и поставили диагноз – сотрясение мозга. Состояние у нас всех было кошмарное, т.к. в больницу никого не пустили, не разрешили даже отдельной сестры. В 12 ч. ночи привезли к нему профессора, его тоже не пустили, а когда привезли его в больницу, то прежде чем осматривать, нужно было заполнить анкету, состоящую из длинного ряда самых разнообразных вопросов.

На четвертый или на пятый день он вернулся домой. Сейчас он обещает снова покататься на перилах, как к тому только представится удобная минута. Случись эта история до отъезда Зины, Аня безусловно отпустила бы его к вам. А это было бы очень хорошо. Потому что его теперь совсем забалуют. А жалко, он оченьмышленный мальчишка.

Я, как вам уже писал, работаю на новом месте. Дело это – газогенераторы – очень интересное и имеет большие перспективы. Правда, приходится заниматься и дома, т.к. дело для меня новое.

Много времени отнимает дорога, час в один конец!

Леля недели через три уходит в отпуск. По всей вероятности, ей удастся устроиться в санатории или доме отдыха.

Шлю Зинуше извинения, что до сих пор не послал ей письма. Признаю всю низость этого поступка. Оправдание напишу в письме к ней, которое все-таки надеюсь написать.

Крепко всех вас целую.

Привет от Лели.

P.S. Пришлите ваш новый адрес, в маминной открытке его никак нельзя разобрать.

Сергей

2/V 31 г.⁸

Милые мама и папа!

Дней десять тому назад я послал вам письмо, надеюсь, что вы его получили. Примерно столько же дней тому назад

⁸ G. 4940.

арестовали Захара⁹ – Сашиного¹⁰ папу. Я послал два дня назад письмо Зине, об аресте Захара я ей ничего не писал, т.к. она себя, кажется, плохо чувствует и мне не хотелось ее волновать, т.к. боюсь, что она очень будет беспокоиться за Сашеньку. Если вы найдете нужным, вы ей, конечно, скажете. Теперь о Сашеньке: она приблизительно через неделю уедет в детскую колонию (очень как будто бы хорошую). В материальном отношении у ней все обстоит благополучно, мы с Лелей приняли в этом посильное участие. Пробудет она в этой колонии до конца лета, так что до осени она будет находиться в хороших условиях. К этому времени вопрос с Захаром совершенно очевидно должен разрешиться, и тогда можно будет подумать о дальнейшей ее судьбе.

Все преступление Захара заключается в том, как будто бы, что он на каком-то собрании сказал, что МОСНХ паразитический орган, который является лишней тормозящей инстанцией между трестами и ВСНХ, а тут как раз происходила чистка аппарата на его службе. Комиссия по чистке, искавшая жертв, накинулась на него, и пошла писать губерния. Результаты налицо.

Несколько дней тому назад получил мамочкино письмо от 12 апреля. Ты спрашиваешь, получили ли мы посылку. Посылку мы получили, большое спасибо. Я, кажется, по крайней мере в двух письмах сообщал об этом и посылал нашу благодарность.

В прошлом письме я описывал вам инцидент, произошедший с Люликом, сейчас уже совершенно очевидно, что все кончилось абсолютно благополучно, и без всяких последствий.

Работа моя все еще точно не установилась (не в смысле места службы, а в смысле работы на данной службе), так что трудно еще сказать, будет ли интересно или нет. Отдел, в котором я работаю, как я вам уже писал, занимается установкой газогенераторов на автомобили и трактора. Идея сама по себе очень интересная. Когда я больше войду в работу и получу

⁹ Захар Моглин, первый муж Зинаиды.

¹⁰ Александра Моглина – дочь Захара и Зинаиды.

более конкретные функции, то я напишу об этом подробнее. Пока крепко вас целую, привет от Лели.

Сергей

10/X 31 г.¹¹

Дорогие мои!

Я вам давно не писал, т.к. не было «соответствующего» настроения и я никак не мог засесть за письмо. От вас я тоже не получал писем ровно два месяца. [*Несколько строк нрзб.*] Очень нас удивило [*нрзб.*] сообщение о Зине. Я совершенно не понимаю, что это значит такое. И потом, эта история с пневмоторраксом – она могла кончиться очень плохо. Во всяком случае, теперь можно смело сказать – хорошо, что вы отправили ее в Берлин.

Мы получили от Зинуши из Берлина телеграмму, результат от пересланного ей письма Лели. Писем от нее мы не имеем очень давно.

Посылаю вам карточку Люлика, не слишком удачную, но и не очень плохую. В следующем письме пришлю еще две фотографии, на одной опять Люлик один, а на другой мы с ним вместе.

Отпуск мой кончается через неделю, но отдохнул я, конечно, плохо. Мамочкин план о приезде нашем с Лелей чрезвычайно заманчив, но надежды на его осуществление чрезвычайно невелики.

Что касается возвращения Зины в Москву, то теперь, когда Платон¹² совершенно изолирован, мне кажется, ей здесь пока что делать совершенно нечего. Служить она не может, комнату она фактически потеряла, верней, ей придется жить вместе с Марией Израилевной¹³, питание плохое, а положительных сторон я не вижу никаких. Мне кажется, что при нынешней ситуации с ее приездом спешить нечего.

¹¹ Г. 4942.

¹² Платон Волков, второй муж Зинаиды.

¹³ Вероятно, жена Захара Моглина, которая впоследствии вырастила Александру Моглину.

Мамочка! Вечные твои беспокойства о моем здоровье чрезвычайно преувеличены. Я, в общем, совершенно здоров.

Леве я недели две тому назад послал письмо и недавно получил от него открытку. На днях послал ему карточки Люлика.

Крепко вас целую.

Сергей

Открытка
[17/XI 31]¹⁴

Дорогие мои!

Ждем с Лелей сейчас машину, чтобы везти ее обратно в больницу, т.к. состояние ее не улучшается. Профессор, который выпустил ее из больницы, рассчитывал, что удастся обойтись без оперативного вмешательства (что опухоль у нее рассосется), но прошло уже три недели со дня ее возвращения из больницы, а улучшений никаких нет, так что, по всей вероятности, придется ее оперировать.

Леля шлет вам горячий привет.

Крепко целую.

Сергей

Письмо О.Э.Гребнер к Н.И.Седовой

[Декабрь 1931]¹⁵

Дорогая мамочка!

Очень давно мы вам не писали.

Вернулась я домой 6-го декабря, но была еще очень слаба, а у Сережи совсем не было свободного времени, ему пришлось со мной много повозиться. Теперь наша жизнь начинает входить в норму.

¹⁴ G. 4943. Датируется по штемпелю.

¹⁵ E. 13037. Датируется по содержанию.

Мне сделали операцию 18-го ноября. Первый диагноз подтвердился Она была необходима, только лишние недели меня мучили. Она была долгая и сложная. Разрезали брюшную полость. Длилось это 1ч 35 м.

После операции мне было очень плохо несколько дней. Я чуть не умерла после наркоза, вернее, во время того, когда должна была проснуться. Мы упустили из виду, что надо было взять платную сестру, и я была почти без наблюдения. Кто-то случайно подошел ко мне и обнаружил, что я начинаю холодеть и уже синюю. Поднялся переполох. Оказалось, что у меня запал язык и нут пульса. Врачи прибегли ко всем существующим у них средствам, чтобы возвратить меня к жизни. Если бы они запоздали хотя бы на 3–5 м, было бы поздно. Я, конечно, ничего не помню и не чувствовала, но, как мне потом рассказали, зрелище было ужасное. В продолжение нескольких дней держали на камфоре.

Бедный Сереженька, ему много пришлось пережить. В самые тяжелые минуты я старалась шутить, но его было трудно обмануть. Сама я была уверена, что поправлюсь. Сереженька очень устал, хотя в этом и не сознается. Теперь ездить на работу ему приходится еще дальше. Его институт перевели в Петровск[о]-Разумовское, где Сел[ьско]-Хоз[яйственная] Академ[ия].

Мы далеко живем от центра, а обменять комнату зимой почти невозможно.

Я себя чувствую почти совсем хорошо. Приходится много уделять себе внимания, что не в моем характере. Хочется как можно скорей поправиться. Шов у меня зажил хорошо. Могу даже делать легкую домашнюю работу. По возвращении из больницы с питанием у нас было хорошо, т.к. Аня была в командировке и няня нам все делала. Теперь немного трудней, но няня старается по возможности мне помочь.

После операции мне полагается месячный отпуск, но на прежнюю службу я уже не вернусь, т.к. меня во время моей болезни уволили (этого делать они не имели права), и возможно, мне еще придется с ними судиться, чтобы получить деньги за время моей болезни.

Вы за нас, родная, не беспокойтесь. Все будет хорошо. Сереженька вам напишет в ближайшие дни. Сейчас он много работает.

Люлик стал большим озорником. Недавно рассорился со мной и стал мне угрожать: «Вот придет мой папа, он тебя побьет, а придет мой дедушка, он тебя застрелит». О нем я напишу подробнее.

Целую вас крепко-крепко. Леля

6/1 32 г.¹⁶

Дорогие мои!

Я очень давно, возмутительно давно вам не писал. Объясняется это болезнью Лели и моим соответственным настроением. Сейчас Леля совсем уже поправилась и даже утверждает, что чувствует себя лучше, чем перед болезнью. Хотя это, конечно, явное преувеличение. Но выглядит она действительно терпимо.

Т.к. жизнь наша не может протекать без неприятностей, то не успела еще вполне поправиться Леля, как меня выгнали со службы. У нас в НАТИ (Науч[ный] авт[о]-тракт[орный] ин[стит]ут) было сокращение штатов, под которое, конечно, попал ваш покорный сын и слуга.

Это, конечно, неприятно, т.к. работа в научном институте пришлась мне по душе. Не помню, писал ли я вам, что с двумя сотрудниками отдела я пишу небольшую книгу о газогенераторах, на которую убиваю много времени. Пока я работал в НАТИ – это имело смысл, т.к. повышало мою квалификацию (с финансовой стороны это совершенно невыгодно), сейчас же это будет бессмысленным занятием, т.к. мне придется работать в какой-нибудь другой области. И вообще весь год, проработанный мной в НАТИ, пропал почти даром. Попасть в какой-либо другой научный институт мне не удастся, т.к. я нахожусь сейчас в распоряжении ВАТО (Всес[оюзное]

¹⁶ G. 4946.

Авто-тракт[орное] объединение), которое, кроме НАТИ, не имеет никаких научных институтов.

Когда поступлю на новую работу, то напишу вам .

Очень нас с Лелей взволновало мамино сообщение о здоровье Зины, сейчас, судя по последней открытке, Зинуше значительно лучше.

Что касается ее приезда в Москву, то я считаю, что этот вопрос надо тщательно продумать, прежде чем приводить в исполнение.

Мне кажется, что в ближайшее время Зине в Москве делать совершенно нечего. Питание плохое, служить она не сможет, поехать к Платону – тоже нет. Потом вопрос квартирный, в Зининой комнате сейчас живет жена Захара Борисовича, которая из-за переезда туда лишилась своей комнаты. Удержать в Москве две комнаты невозможно. Кроме всего этого, если у ней здесь повторится какое-нибудь нервное заболевание, то ни о санатории, ни о особенно хорошей врачебной помощи не может быть и речи.

Я около месяца тому назад послал Леве несколько открыток Люлика и письмо. Открытки он получил, а письмо я недавно нашел у себя на столе в куче бумаг, я его забыл вложить в конверт.

Крепко вас целую.

Скоро будет три года как мы не видимся.

Привет от Лели.

Сергей

11/IV 32 г.¹⁷

Дорогие мама и папа!

Получил вчера мамино письмо от 29го марта, из которого заключил, что моих последних двух писем вы, очевидно, не получили.

¹⁷ G. 4947.

Мамины письма, по-моему, до меня доходят почти все. Для лучшей ориентации в ходе нашей дальнейшей переписки я решил свои письма нумеровать, то же предлагаю делать маме, тогда по крайней [мере] будет ясно, кто что получил.

У меня сейчас чрезвычайно много работы, тружусь по 12–14 часов в сутки, 10 марта истек срок сдачи в печать нашей книги (по договору), а у нас и по сей день не написана еще целая глава.

Новая служба моя, хоть и не совсем подходит мне по специальности, все же интересна, и я постепенно начинаю втягиваться в работу. Публика довольно тихая, так что, даст Бог, и не выгонят.

Люлик с Аней находятся сейчас в доме отдыха. Дифтеритом он не болел, у него была ангина в острой форме, предположение врача о дифтерите было опровергнуто первым же анализом – через день. К моменту своего выздоровления Люлик заразил ангиной Аню, этим и объясняется их совместное пребывание в доме отдыха.

Посылки (две) мы получили, большое вам спасибо.

Как у меня только будет больше свободного времени, напишу обо всем подробней.

Пока крепко вас целую.

Привет от Лели.

Сергей

16/VI 32 г.¹⁸

Милые мама и папа!

Наконец-то я покончил со своей проклятой книгой и могу свободно вздохнуть. Очень давно я вам не писал, последнее время был чрезвычайно занят. Последние два месяца и сейчас у меня рабочий день начинается в 8 часов утра и заканчивается в 2 часа дня без перерыва. Вообще говоря, особенно летом, это довольно удобно. С другой стороны, ввиду того, что я с двух часов уже свободен, на меня свалилась поч-

¹⁸ G. 4948.

ти вся работа по одной части нашей книги, которую (часть) мы должны были писать вдвоем. Редко приходилось ложиться раньше часу, т.е. редко приходилось спать больше шести часов. Таким образом, под конец я совсем выдохся.

Сейчас я сдал работу уже три дня тому назад, удалось отоспаться и немного отдохнуть. По инерции как-то хочется продолжать работать. Я так привык за последние два – два с половиной года по возвращении со службы садиться за работу, что мне даже как-то странно прийти домой и сесть «просто так» читать беллетристику.

Службой моей новой я доволен не слишком. Публика там приятная и условия довольно хорошие, но сама работа не очень мне по душе. Работать приходится в области так называемых стационарных двигателей (это не совсем так, ибо они проектируются для тепловозов), моя же специальность – так называемые легкие двигатели (автомобильные, авиационные и тракторные). Думаю, что через некоторое время, может быть, удастся перейти в Институт гражданской авиации. Профессор, у которого я делал свой дипломный проект, предложил мне свою протекцию, но этого, конечно, мало. Вообще у нас сейчас довольно трудно перейти с одной службы на другую. Поживем – увидим.

Мамино письмо №1 я не получал, №2 и открытку получил. Леля послала дней пять тому назад маме письмо. Она сейчас не работает, и возможно через несколько дней ей удастся уехать под Москву в дом отдыха. Мой отпуск начинается не то с 15го июля, не то с первого августа. Как мне удастся его использовать, пока еще неизвестно. Отдохнуть мне не мешает, т.к. я три года подряд фактически работаю без всяких перерывов.

От Зинуши я получил две открытки, обе в игривом и бодром тоне. Сегодня или завтра напишу ей.

Недели две тому назад Леля отправила Леве порцию книг по электротехнике, не знаю, получил ли он их и пригодятся ли они ему, если они дошли.

Крепко вас целую, Леля шлет привет, соберись с мыслями – напишу еще.

Сергей

P.S. Милая мамочка, я получил твою открытку относительно посылки. По-моему, вышло какое-то недоразумение,

мы все получили, очень довольны, очень благодарны и просим не беспокоиться. По тону твоей открытки и по ее содержанию я никак не могу понять корней этого недоразумения, но, ей Богу, не стоит ни огорчаться, ни беспокоиться.

Крепко тебя целую.

Сергей

9/VIII 32 г.¹⁹

Дорогие мои!

Пишу вам снова с берега Черного моря – из Алушты. Я восьмой день здесь, в доме отдыха. [*Несколько строк нрзб.*]

Дом наш стоит в двух шагах от моря, так что даже не приходится утруждаться на ходьбу. Хотя я три года не купался, с 1929 г., но сейчас опять вошел во вкус и с молодыми татарчатами (их у меня тут двое приятелей) плаваем на такие дистанции, что, по слухам, с берега еле видно. Я ходил с экскурсией на одну из ближайших гор, прекрасный вид на море, [великолеп]ный горизонт, [но не видно Констан]тинополя.

Весьма сильное впечатление произвел на меня экскурсовод – юноша, [много знающий и не менее изобретательный].

Он начал рассказывать нам о горе, на которую мы поднялись. Легенда относится к истории древнего Рима и излагается им примерно таким образом:

«Древние римляне вышли с рабочего уголка, взобрались на гору, спустились в пещеру, замуровали в нее вход, забрали свои вещи, затем вышли из дачи Голубева, сели на ялик и уехали».

[*Несколько строк нрзб.*]

По возвращении в Москву буду пытаться перейти в Научно-исследовательский институт Гражданского флота. Надеюсь, что это мне удастся.

Незадолго до моего отъезда было получено мамино письмо к Леле. И Леля отправила на него ответ.

¹⁹ G. 4949.

Платон пропал с моего горизонта. Я ему отправил две телеграммы в Енисейск и ни на одну не получил ответа. От Зинуши получаю изредка открытки или письма.

Крепко вас целую.

Сергей

Письмо брату Льву

[Август 1932]²⁰

Дорогой Лев!

Получил несколько дней тому назад твою открытку. Тебя интересует ряд вопросов: 1). Имеется ли твое удостоверение об окончании рабфака. Его нет. Справку об окончании получить можно, но без всякого перечисления предметов, только: имярек окончил в таком-то году такой-то рабфак.

2). Ты интересуешься техническими книгами. К сожалению, с книгами дело обстоит довольно плохо, они из-за недостатка бумаги выходят малыми тиражами и их сейчас же расхватывают. Если ты напишешь, какие именно тебе книги нужны (не по авторам, конечно, а по темам – электрические станции, сильные токи и пр.), то я, может быть, смогу купить часть у перекупщиков, а остальное постепенно по мере [появления] на рынке. Сам [по себе] ассортимент технической литературы у нас довольно велик.

3). Вопрос о посылках. Ты пишешь, что посылал Ане деньги. Она говорит, что никаких денег не получала. Зина писала мне, что на мое имя посылала для ее девочки деньги. Я тоже ничего не получал.

Посылка, которую ты послал нам, пришла, но мне сообщили, что т.к. она послана фирмой (ты, очевидно, отправляя через фирму), а не частным лицом, то ее мне не выдадут, а отправят обратно.

Что касается дальнейшего, ты спрашиваешь, посылать ли посылки, то в случае, если это не несет никаких финансовых трудностей, посылать можно. Предпочтительно что-

²⁰ Е. 13042. Датируется по содержанию.

нибудь из вещей, носить мне абсолютно нечего, а купить очень трудно.

Если будешь посылать, то посылки небольшие, конечно, – пару рубашек или несколько пар чулок.

Твои толстые письма к Люлику доходят. Его я недавно видел, был у него на даче. Он немного подрос, рожица у него стала еще лукавей, потом, он загорел и сильно окреп.

Его недавно снимали, у Ани есть хорошие его фотографии, и она обещала послать тебе несколько штук. Мне самому трудно его снять, т.к. после переезда на новую квартиру у меня не осталось никаких принадлежностей. Кроме того, я сейчас очень много работаю, днем на службе, а по вечерам сверхурочно работаю дома или часто остаюсь на работе до 10 ч. вечера.

Привет от Лели.

Жму руку.

Сергей

8/X 32 г.²¹

Милые мои!

Давно вам не писал, ждал все обещанного ответа на мое крымское письмо. 5го октября письмо пришло (от 12го сентября!), очень уж долго тянется перевозка письма из Турции в Россию.

Я после отпуска немного замотался, набрал работы для расплаты с отпускными и курортными долгами и сразу окунулся в житейские невзгоды.

Сейчас самые грозные часы расплаты остались уже позади, остались еще пустяки, так что можно приостановиться и перевести дух.

Отдохнул я в Алуште, в общем, хорошо, только маловато мне показалось.

Кормили довольно сносно, но самое главное, что почти целый месяц я абсолютно ничего не делал. За последние три

²¹ G. 4950.

Письма С.Седова к родителям и брату

года я так наработался, что с удовольствием продолжил бы такой паразитический образ жизни еще месяца на два.

Работаю на старой службе и начал сейчас готовиться к экзамену на аспиранта в университет на физико-математическое отделение – это последняя *idée fixe* вашего сына.

Объяснения этому намерению дать нетрудно. Первое – это то, что, занимаясь научной работой, я чувствую пробел в своих физико-математических познаниях; второе, и основное, заключается в том, что я человек по характеру своему целеустремленный и не могу существовать без какой-нибудь *idée fixe*, которую всяческими мерами стараюсь осуществить.

Когда я писал, что вторично шлю вам письмо из Крыма, то имел в виду 1924 г., когда, так же, как в 32 г., нас разделяло лишь море.

Леля поступила на службу на секретарскую работу, по коммерческим соображениям, т.к. это оплачивается выше, чем библиотекарский труд.

Служба ее, так же, как и моя, находится в Лефортове, т.е. около часу (немного больше) езды. Это обстоятельство, при перегрузке наших трамваев, ее сильно утомляет. Сама по себе работа не утомительна.

От Зины и от Левы писем не получаю вовсе, очевидно, они не пишут.

Крепко вас целую.

Леля шлет привет.

Сергей

Письмо брату Льву
[Начало ноября 1932]²².

Дорогой Лев!

Я уже давно получил твою открытку и до сих пор не отвечал на нее, т.к. надеялся достать нужную тебе книгу.

²² Е. 13041. Датируется по содержанию.

Ни Жуковского, ни векторального анализа я не нашел, старого нигде нет, а очередное издание только готовится к печати.

Я на днях вышлю тебе механику некого Розе и К°.

Книгу эту очень хвалят, сам о ней сказать ничего не могу [потому что, во-первых, я ее не читал, а], во вторых – вообще слаб в этой области. В ней, кстати, страниц 100–150 посвящено векторальному анализу. Может быть, она тебя устроит.

Я начал преподавать термодинамику в Московском авиационном институте (последний получился из авиационного факультета МВТУ и Ломоносовского института). Пока приходится массу времени тратить на подготовку.

Сын твой растет и крепнет.

Леля тебе кланяется, жму руку.

Крепко целую Зинушу.

Сергей

P.S. Достал еще Кочина «Векторальные исчисления», 9го высылаю.

Сергей

[Ноябрь 1932]²³

Милые мама и папа!

Получил вчера мамино письмо от 17 октября, в котором есть ряд справедливых ламентаций по поводу того, что я стал редко писать.

Как я вам писал, я имел намерение устроиться аспирантом при МГУ. Затея эта потерпела неудачу по двум причинам: первая – оказалось, что нельзя совмещать работу с аспирантурой, препятствие, в конце концов, преодолимое; вторая причина – та, что меня бы туда наверняка не приняли, т.к. там весьма свирепые анкеты и столь же строгий отбор.

²³ Г. 4951. Датируется по содержанию.

Я сейчас уже около месяца преподаю термодинамику в Московском Авиационном Институте.

При этом я, конечно, продолжаю свою работу на службе. По постановлению ВСНХ все инженеры, занимающиеся преподавательской деятельностью, имеют право использовать для этих целей 12 часов в декаду из служебного времени.

Начал я совершенно экспромтом без всякой подготовки, поэтому приходится массу времени тратить перед каждым занятием на решение задач, подготавливание материала и проч. Так что сейчас все мое свободное время уходит на термодинамику. Сижу и корплю.

Люлику, как вам известно, исполнилось шесть лет. За то время, что я его не видел – он был на даче, – он сильно вырос и окреп.

В детский сад он пока не ходит.

Погода у нас стоит мерзкая – дожди, дня два подряд идет уже снег, который тут же тает и превращается в слякоть. Особенная грязь – провинциальная – стоит у нас на дворе. Уже начинаем немного мерзнуть, т.к. до сих пор не начинали топить. А вы жалуетесь на жару!

Крепко вас целую.

Леля вам кланяется.

Ваш Сергей

6/1 33 г.²⁴

Дорогие мама и папа!

Давно не писал вам. Очень горячее было время, много работы на службе, и потом, к 1му январю я закончил ведение занятий по термодинамике, так что конец месяца и последние несколько дней были особенно перегружены – зачеты! зачеты!

Сейчас, несмотря на то, что я уже полностью закончил курс, мне все же еще приходится много заниматься термодинамикой дома, т.к. параллельно с теми двумя группами, кото-

²⁴ G. 4952.

рые я вел до января в Моск[овском] Авиац[ионном] Ин[ститу]те, я веду еще группу в бывшем МВТУ, где объем предмета значительно шире.

Преподавательской своей деятельностью я, в общем, доволен, когда кончились занятия к 1му январю в Мос[ковском] Ав[иационном] Ин[ститу]те, то было как-то даже жаль расставаться со студентами – за три месяца я уже их всех изучил и даже как-то привык к ним.

На 33 г. у меня очень неравномерное распределение занятий. Всего мне дали по Моск. Ав. Ин-ту около трехсот часов на год, из них на апрель и май падает, кажется, по 70 ч, а [на] январь-февраль ни одного часа. Что будет по МВТУ – еще неизвестно. Если там удастся нагрузить январь и февраль, то я думаю совсем бросить службу, т.к. мне нужно все-таки много заниматься, а сейчас я работаю в среднем не менее 12–14 часов в день, включая выходные дни. Последние дни даже начались бессонницы!

Ну вот, теперь вы имеете исчерпывающие сведения о моих делах.

Забыл я поздравить вас с новым годом, что и исполняю сейчас с некоторым запозданием.

Напишите, получено ли вами письмо к маме от Лели? Оно было послано недели три тому назад. Мы за последнее время кроме двух маминых открыток с парохода ничего от вас не имели (одну открытку, кстати сказать, даже при помощи лупы мы разобрали только процентов на 70).

Я думаю, что вам уже известно, что Аня уехала на три года в Воронеж, а Люлик пока остался со мной и с Лелей. Няня пока осталась старая, сейчас очень трудно найти подходящего человека, и потом, он так избалован, что далеко не каждый с ним согласиться работать.

Аня в Воронеже устроилась очень хорошо со службой, получает больше, чем получала в Москве, и больше, чем получаю я.

Первое время у ней были затруднения с комнатой, теперь, кажется, и с этим вопросом все улаживается.

Я не писал вам раньше, т.к. не видел к тому никакой надобности, что Аня вышла замуж. Я и сейчас пишу об этом

потому, что, с одной стороны, Аня совершенно не скрывала от меня этого, и с другой – при теперешней ситуации это известие, может быть, представит для вас некоторый интерес.

Я уже очень давно не имею совершенно никаких вестей от Зинушки, правда, я и сам ей давным-давно не писал.

Сейчас в связи с отъездом Ани у нас начнется (верней, уже началась) тяжба с домоуправлением относительно комнат. В общем, развлечений еще много на нашем жизненном пути.

С нетерпением жду от вас писем, крепко вас целую.
Леля шлет свой горячий привет.

Ваш Сергей

Письмо брату Льву

9/1 33 г.²⁵

Дорогой Лев!

Я посылаю тебе телеграмму, которую ты, надеюсь, получил (с просьбой написать Ал[ексandre] Льв[овне]²⁶ подготовительное письмо о ухудш[ении] сост[ояния] Зинуши). Очень возможно, что ты это проделал и без моей телеграммы.

О дальнейшем сообщи мне: будет ли папа писать ей о случившемся, или ты напишешь ей, может быть, вы сочтете целесообразным, чтобы я действовал через Мар[ию] Льв[овну]²⁷ (которая, к сожалению, сейчас больна), можно найти и какой-нибудь другой путь.

Просьба вообще, чтобы ты написал подробнейшее письмо мне, т.к. Ал[ександра] Льв[овна] будет интересоваться, конечно, всеми подробностями (оставила ли Зина какое-нибудь письмо, когда ее видели последний раз и проч.), это нужно будет родным и нам, всем друзьям бедной Зинуши.

Крепко жму тебе руку.

Сергей

²⁵ E. 13040 verso.

²⁶ Александра Львовна Соколовская, первая жена Л. Троцкого, мать Зинаиды и Нины. Речь идет о самоубийстве З.Волковой в Берлине.

²⁷ Сестра А.Л.Соколовской.

16/III 33 г.²⁸

Дорогие мои!

Давно я вам не писал, каюсь – нехорошо это с моей стороны. Леве послал несколько открыток и письмо. Было это уже давно, а ответа я все не имею.

Леля отправила маме около месяца тому назад письмо, очевидно, вами не полученное.

Сегодня получил, мамочка, твое письмо от 5го марта, прочтя которое, обнаружил, что ты послала мне еще письмо в феврале, которое, к сожалению, не дошло.

Я написал вам месяца два тому назад письмо, да так и не отправил.

Сейчас давно не пишу, т.к. и настроение у меня какое-то тяжелое, и я боялся впасть в минорный тон, и работаю я много, может быть, даже слишком много.

Бывают дни, что у меня десять часов занятий в один день, устают и горло и ноги. Помимо этого занимаюсь дома и хожу на службу.

Устал я. Но беспокоиться особенно нечего, через месяц, 15го апреля, я заканчиваю занятия с некоторыми группами и тогда буду посвободней и смогу отдохнуть.

Несколько дней тому назад получил письмо от Платона – известие о Зинушиной смерти он получил.

Я уже писал Леве, но т.к. не знаю, получил ли он мое письмо, повторяю вам. Ал[ександра] Льв[овна] сейчас без работы, и материальное положение у них там тяжелое (Мария Львовна болеет), так что если у вас есть возможность, то посылайте им деньги. У Сашеньки сейчас в материальном отношении тоже не очень благополучно, папа ее сейчас без работы (раньше в таких случаях я помогал им, а сейчас это стало сложней).

Буду в лучшем настроении – напишу более толковое письмо, сейчас я спешу.

Крепко вас целую.

Сереза

²⁸ G. 4954.

6/VI 33 г.²⁹

Дорогие мои!

Сегодня получил две мамины открытки от 22го и 25го мая, в ответ на мое последнее письмо. Значит, два моих больших письма, поскольку мне не изменяет память, последнее письмо было коротким, вами получены не были.

1го июня я в последний раз еду на занятия. Начинаются каникулы. Я страшно рад, надоели мне и студенты, и мои занятия, и институт. Наконец-то можно будет немножко отдохнуть. У меня ведь бывали дни, когда я читал по 12 часов в день, без перерыва!

Я сейчас, правда, уже совершенно перестал работать дома, но меня почему-то особенно тяготят мои занятия.

Отпуск у меня, по всей вероятности, будет в июле. Боюсь, что поехать мне никуда не удастся. Есть у меня проект поездки на Алтай, туда уехал один мой приятель на четыре месяца, и я жду от него вестей, но думаю, что ничего из этого не выйдет.

Что касается моей почки, то я не писал вам об этом, т.к. тревога, кажется, оказалась ложной.

Писем маминых, о которых она говорит в последних двух открытках и в двух открытках, полученных мной около месяца тому назад, – я не получал.

Погода у нас стоит невероятная. Бесперывные дожди и холод, так бывает только поздней осенью.

Леля вам кланяется.

Крепко вас целую.

Привет Леве.

Сергей

P.S. Люлик пока еще сидит в Москве – да и погода не дачная.

²⁹ G. 4955.

[27/VI 33]³⁰

Дорогие мама и папа!

Около двух недель тому назад послал вам письмо, в ответ на мамины две открытки. Около недели тому назад получил мамино письмо от 4го июня.

Недели через две у меня начинается отпуск, очень возможно, что я все же попытаюсь поехать на Алтай. Чем эта авантюра кончится, одному Богу известно.

С осени, возможно, брошу службу и буду только заниматься преподаванием.

Заведующий кафедрой предложил мне вести проектирование двигателей внутреннего сгорания. Честь, вообще говоря, большая, но мне необходимо для этого очень много заниматься дома. Кроме этого, с осени я начинаю преподавать курс специальной термодинамики, для которого мне тоже нужно много заниматься дома и, кроме того, нужно ходить слушать лекции. Все это трудно совместить со службой, так что с сентября я, очевидно, ее брошу.

В общем, зима будет тяжелая для меня во всех отношениях.

Почка моя, если это только была почка, благополучно поправилась.

Люлик, как я вам уже писал, находится под Ленинградом на даче у своей тети. Сашенька тоже под Ленинградом у Ал[ександры] Льв[овны].

От Левы не имею ни слова около пяти месяцев.

Очень это печально, что вы не можете больше помогать Ал[ексandre] Льв[овне], ей, бедной, очень тяжело, и я не смогу проявить в этом направлении должной инициативы.

Леля вам кланяется.

Крепко целую.

Ваш Сергей

27/VI 33 г.

³⁰ G. 4956. Дата в конце письма.

[З/ХІ 33]³¹

Дорогие мои!

Вот уже около недели, как получил мамино письмо от 7ого октября и никак не выберу времени, чтобы сесть за ответ. Очень много приходится работать, особенно последний месяц, т.к. Леля сейчас без работы.

На занятиях в Институте я чувствую себя примерно так же, как шахматист, играющий «а l'aveugle»³² несколько партий в шахматы. У меня в один день бывают подряд занятия по четырем или трем различным предметам. Так что я должен держать в голове целый ассортимент самых разнообразных формул и выводов.

Два месяца все же прошло, а в январе будут двухнедельные каникулы, можно будет немного передохнуть. А там, после января, придется многое начинать сначала. Это, конечно, намного скучней, но зато значительно легче.

Я написал Ане письмо относительно Люлика (он живет здесь), но пока ответа еще не имею.

Ваше предложение очень заманчиво, но боюсь, что ничего из этого не выйдет. А очень его жаль. Воспитание, которое дается ему «знаменитой» няней, оставляет желать очень многого.

Да и при Ане немногим лучше было.

Больше пока ни о чем не пишу, буду посвободней – напишу подробное письмо.

Леля шлет вам привет.

Целую.

Сергей

P.S. Я начал безнадежно лысеть.

З/ХІ 33 г.

³¹ Г. 4957. Дата в конце письма.

³² Слепую (*фр.*).

29/II 34 г.³³

Дорогие мои!

Наступили зимние каникулы. С 23 числа я уже свободен, сессия кончилась, но 7го февраля, увы, танец начинается снова.

Отдохнуть мне все же, конечно, не удастся – у меня целая куча всяких дел. Пять месяцев я все откладывал на зимние каникулы и теперь штопаю все дырки.

За свободные пять дней я, правда, успел уже дописать две статьи, обе начал больше года тому назад. Сейчас я начал писать третью.

Книга наша, по поступившим дополнительным сведениям, должна выйти только во втором квартале, что при оптимистическом взгляде на вещи означает июль месяц.

По части отдыха теперь все мои упования направлены на летние каникулы. Там будет целых два месяца, и хотя поехать никуда, очевидно, не удастся, но отдохнуть, конечно, можно и в Москве.

Я постепенно начинаю привыкать к своей преподавательской деятельности и нахожу в ней свои прелести. Последнее полугодие сентябрь–январь мне было особенно тяжело, т.к. я вел два новых предмета и читал лекции перед аудиторией в сто пятьдесят человек. Это отнимало у меня массу времени на подготовку и потрепало мне нервы.

Сейчас, с 7го февраля, в новом семестре, мне будет несколько легче, т.к. накопился некоторый опыт, кроме того, у меня несколько упала «нагрузка», что имеет и свои отрицательные стороны.

Люлик пока находится еще в Тифлисе, но, очевидно, через месяц или полтора вернется в Москву, тогда я снова напишу Ане относительно ваших планов.

Лева! – твое письмо я получил и очень благодарен. Что касается книг, о которых ты пишешь, то т.к. у меня сейчас есть время, я надеюсь, что смогу все достать и выслать.

³³ G. 4958.

Ал[ександра] Львов[на] последнее время себя плохо чувствует, дети все здоровы³⁴. Сашенька находится здесь, в Москве, она очень смышленная и славная девочка. Не помню, писал ли я вам, что она этой зимой жила у нас около недели и оставила о себе самые приятные воспоминания.

Мама! Ты пишешь, что уже несколько раз спрашивала относительно вашей материальной помощи. Мне кажется наиболее целесообразным помогать больше Александре Львовне, а не мне, т.к. мое благосостояние, в общем, вполне удовлетворительно, тем более, что и ваше материальное положение, по моим представлениям, стоит на невысоком уровне.

Если вы все же захотите послать и это не идет никому в ущерб, то я, конечно, буду очень благодарен. Что касается форм – то, кажется, проще всего на Торгсин.

Крепко вас всех целую.

Привет от Лели.

Сергей³⁵

6/VI 34 г.³⁶

Дорогие мои!

Недели две тому назад послал вам письмо. Вскоре после этого получил письмо от мамы и совсем недавно от Леры с денежным переводом.

Судя по ситуации, вам предстоят большие расходы на путешествие, так что зря вы сейчас о нас беспокоитесь.

Неужели действительно придется ехать в Африку?

Это будет похуже Алма-Аты. Надеюсь, что кончится чем-нибудь более благополучным – хотели же тогда из Италии выслать на о.Кубу.

У меня 17го июня начинается сессия, и сейчас подготовительная горячка в самом разгаре. Каждый день я уезжаю из дому в 7 ч 30 м утра и возвращаюсь часто после 10 вечера.

³⁴ Имеются в виду внуки Л.Троцкого Лев и Волина.

³⁵ В конце письма приписка неизвестно чьей рукой: «Как сообщил [пропуск] Ал. Л. послано 150, Сергею – 100 (для России это немало)».

³⁶ G. 4959.

Устаю очень и жду не дождусь каникул. Последняя комиссия, в которой я состою, будет 24го июня, еще 21 день, и можно будет отдохнуть. Поехать мне никуда, очевидно, не придется, возможно, правда, что устроюсь в доме отдыха под Москвой.

Дорогой Лева! Прости, что не дослал остальных книг. Их нет сейчас в продаже, а разыскивать их по букинистам у меня сейчас совершенно времени нет.

Крепко вас всех обнимаю и целую.

Ваш Сергей

Привет от Лели.

5/VIII 34 г.³⁷

Дорогие мои!

Давно не писал вам, да и от вас почти два месяца нет вестей.

Я вернулся несколько дней тому назад из дома отдыха.

Время я там провел не слишком хорошо – по целому ряду причин: плохая погода, посредственная кормежка, несколько дней проболел ангиной – как раз в самые жаркие солнечные дни. Даже забавно, я зимой последние годы совсем не болею.

Несмотря на не совсем удачные условия, я все-таки отдохнул хорошо, т.к. физическое самочувствие у меня было хорошее и до отъезда, а мое переутомление от учебного года в доме отдыха быстро отлетело.

Двадцать пять суток ни о чем абсолютно не думать – это иногда бывает крайне полезно.

Сейчас я с нетерпением жду приезда товарища, мы собираемся с ним выпускать задачник по курсу двигателей внутреннего сгорания.

Осенний семестр у меня опять (увы!) будет очень тяжелый: с одной стороны, большая нагрузка вообще – в сред-

³⁷ G. 4960.

нем часов на семь в день; с другой – заведование кабинетом, и, наконец, подготовка к занятиям – у меня два новых предмета, к которым придется усиленно готовиться.

С нетерпением жду от вас вестей, давно ничего нет. Люлик сейчас на даче, поэтому о нем ничего не пишу.

Леля последнее время болеет, у ней сильные боли в области поясницы – невралгического характера. Она вам кланяется.

Крепко всех целую.

Сергей

[Октябрь 1934]³⁸

Дорогие мои!

Наконец-то получил от вас письмо (мамино письмо от 9/IX).

У меня с 1го сентября начались занятия в институте. Взялся вести два новых предмета – теплопередачу и теорию авиационных двигателей. Приходится в связи с этим много заниматься – составлять задачи, готовиться.

Согласился я на это по двум соображениям: первое и основное заключается в том, что я делаюсь «халтурщиком» по тем дисциплинам, которые я вел до сих пор, т.к. изучил их в достаточной степени и мой рост остановился; вторая заключается в том, что с января месяца – со второго семестра число групп по моим основным предметам уменьшается, и, т[аким] о[бразом], я просто беспокоюсь о хлебе насущном (первая причина, как видите, высоко моральная, а вторая более низменная – утилитарная).

Работы, в общем, много.

С неделю тому назад держал в руках сигнальный номер нашей книги, внешность у нее довольно сносная, хотя и без переплета. Мы составили к ней «скорбный лист» – пере-

³⁸ Г. 4961. Датируется по содержанию.

чень опечаток, и я надеюсь, что недели через две смогу выслать вам один экземпляр.

Мама, ты пишешь относительно Люлика, о его поездке к вам. Ани сейчас нет, по ее возвращении я поговорю с ней по этому вопросу, но я совершенно уверен, что согласия она не даст.

Ты спрашиваешь, почему я так мало последнее время пишу о Леле. Дело в том, что мы с ней разошлись, хотя и продолжаем жить в одной комнате. При московском жилищном кризисе и это оказывается возможным. О причинах в письме сообщать очень трудно, тем более, что одной причины нет, а это является результатом целого комплекса различных явлений, которые трудно рассказать даже в беседе, в письме же все это описать попросту невозможно.

Событие это насчитывает уже большую давность – почти полтора года. Мы настолько оторвались сейчас друг от друга и настолько не в курсе житейских событий, что я до сих пор не информировал вас об этом. Сообщить без комментариев, как я это делаю сейчас, мне казалось странным, изложить же все понятно и членораздельно – невозможным.

Крепко вас всех обнимаю и целую.

Сергей

Письмо проносил в кармане пять дней, никак не мог попасть на почту.

9/XII 34³⁹

Милая мамочка!

Очень давно получил твое письмо и до сих пор не удосужился ответить. Очень это, конечно, нехорошо. С одной стороны, много у меня сейчас работы (идет защита проектов, работаю над задачиком и пр.); с другой стороны, как-то не было настроения, хотелось написать подробно и хорошо – но, очевидно, ничего из этого не выйдет.

³⁹ Е. 13038.

Твои письма – Леле и мне – оба очень теплые, искренние и трогательные, пришли.

Но увы, не в упрек будь тебе сказано, они только несколько усложнили и так неотрадное положение.

Т.к. я не писал тебе о причинах, то ты решила, что произошли какие-то события, что я погорячился и что все это поправимо.

Если бы все это было так, то полуторогодичного срока хватило бы с большим избытком для охлаждения всякой горячности.

Все дело в том, как я уже писал, что никаких эксцессов не было. Просто как-то неожиданно обнаружилось, что наши интересы почти не имеют точек соприкосновения. В этом и состоит основная причина.

Описать это подробно и ясно очень трудно, я долгое время и сам не мог ясно осознать, в чем дело.

Во всяком случае вопрос этот решен очень давно и решен окончательно.

Ситуация, в общем, создалась очень нерадостная.

Я не предполагал, что ты примешь так близко к сердцу произошедшие события. Тем более мне стыдно, что я ничего не писал раньше и что я так долго не отвечаю на твое письмо.

Если в течение полутора лет я ни о чем не писал, то это отчасти объясняется тем, что внешне особых изменений не произошло и уклад моей жизни почти не изменился.

Сейчас, за последние несколько месяцев, в жизни моей произошли большие изменения.

Я хочу жениться.

Как это все сложно и трудно осуществить!

Основное препятствие – это отсутствие комнаты. Трагикомическое, но почти непреодолимое препятствие.

Кто она? – вот вопрос, который сразу приходит тебе в голову.

Ответить, конечно, очень сложно – поэтому заполняю несерьезную анкету.

Студентка текстильного ин[ститу]та, в мае 1935 г. получает звание инженера-технолога (так что я теперь спешно восполняю свое образование в области хлопкопрядения).

Возраст – 24 года (исполнилось 14го августа 1934 г.).

Вероисповедание – иудейское.

Особые приметы – в правом глазу одна седая ресница.

Имя романтическое – Генриетта.

В общем и целом жизнь складывается очень невесело.

Несмотря на то, что у меня сейчас очень большое счастье, общая ситуация оказывается крайне тяжелой – значительно более тяжелой, чем можно себе представить...

Я получил Левино письмо с просьбой выслать ему целый ряд книг. Сейчас у меня совершенно нет времени. Через месяц начнутся зимние каникулы, и тогда я постараюсь достать все, что возможно.

Деньги получил – большое спасибо.

Крепко вас обнимаю и целую.

Сергей⁴⁰

[Конец 1934 – до 19/II 1935]⁴¹

Милая мамочка!

Несколько дней тому назад получил твое письмо. Очень долго пришлось его ждать (не прими в качестве упрека!).

Послал недавно вам бандеролью книгу, одним из авторов которой я являюсь. Сообщите, получили ли вы ее?

Дела мои идут пока очень плохо. С обменом комнат по сей день еще ничего не вышло, хотя я и пытаюсь распродавать понемногу свое небогатое имущество для доплаты. Если у вас есть возможность помочь немного в денежном отношении, то был бы очень благодарен. Но только при условии, чтобы это не нанесло ущерба вам, т.к. я все равно как-нибудь перебьюсь.

Дома у меня обстановка такая, что и рука не поднимается ее описывать. Да и не стоит этого делать.

⁴⁰ На последней странице письма неизвестной рукой написано «Последнее письмо».

⁴¹ Е. 13039. Датируется по содержанию.

Письма С.Седова к родителям и брату

На службе у меня тоже начались какие-то неприятности, пока еще в виде слухов, чем кончится – не знаю.

Хотя тон моего письма и получается довольно мрачным, но настроение у меня не упадническое. Уповаю на будущее.

Генриетта, несмотря ни на что, вносит столько радости в мою жизнь, что я становлюсь оптимистом. (Прости за сладкую фразу.)

Сейчас все наши мысли устремлены к получению комнаты, а так, мы уверены, что все будет хорошо.

Моя научная деятельность последнее время пришла в упадок. Хотя я не так давно написал небольшую, но оригинальную работу (статью).

Начал с Генриеттой ходить на каток. Успехи блестящие.

Вот, как будто, и все, что я могу написать.

На всякий случай прибавлю, что письма твои я даю прочитывать Леле, и потому просьба к тебе не писать ничего такого, что могло бы показаться ей обидным. Она и так находится в состоянии сильной нервной неуравновешенности.

Крепко всех обнимаю и целую.

Сергей

Приложение 12

Письмо Н.И.Троцкой о сыне¹

За последнее время в среде товарищей довольно широко распространились слухи о том, что Сталин в качестве орудия мести выбрал на этот раз нашего младшего сына Сергея. Друзья запрашивают нас: верно ли это? Да, это верно: Сережа арестован в самом начале этого года. Если в первое время можно было надеяться на то, что арест случаен и что сына сегодня-завтра освободят, то сейчас уже очевидно, что намерения арестовавших гораздо серьезнее. Так как многие из товарищей живо интересуются новым ударом, постигшим нашу семью, то будет, может быть, лучше, если я расскажу, как обстоит дело, в письме, предназначенном для общего сведения.

Сережа родился в 1908 г. Он вступил в Октябрьскую революцию девятилетним мальчиком и рос в Кремле. В семьях, где старшие поглощены политикой, младшие члены нередко отталкиваются от политики. Так было и у нас. **Сережа никогда не занимался политическими вопросами** и не был даже членом Комсомола. В школьные годы он увлекался спортом, цирком и стал выдающимся гимнастом. В высшем учебном заведении он сосредоточился на математике и механике; в качестве инженера получил кафедру при высшем техническом училище; развивал там за последние годы широкую преподавательскую деятельность. Выпустил недавно, вместе с двумя коллегами, специальный труд: «Легкие газогенераторы автотракторного типа». Изданная Научным Авто-Тракторным Институтом книга встретила сочувственный отзыв наиболее выдающихся специалистов.

Когда мы подверглись высылке за границу, Сережа был еще студентом. Власти разрешили членам нашей семьи сопровождать нас или оставаться в СССР. Сережа решил остаться в Москве, чтоб не отрываться от той работы, которая

¹ Бюллетень оппозиции. №44. Июль 1935. С.10–11.

отныне заполнила его существование. Материальные условия его жизни были очень тяжелы, но не отличались в этом отношении от условий жизни подавляющего большинства непривилегированной советской молодежи. Та недостойная клевета, какую советская печать непрерывно распространяла о Л.Д.Троцком и его единомышленниках, не могла, конечно, не причинять нравственных страданий Сереже. Но об этом я могу только догадываться. Моя переписка с сыном ограничивалась исключительно «нейтральными», будничными вопросами, никогда не касаясь вопросов политики и особых условий существования нашей семьи (надо прибавить, что и эти письма доходили лишь в виде исключения). Л.Д. вовсе не переписывался за годы ссылки с сыном, чтоб не давать властям ни малейшего повода к преследованиям или простым придирам. И действительно, в течение шести лет нашей нынешней эмиграции Сережа продолжал свою напряженную научную и преподавательскую работу без каких-либо помех со стороны властей.

Положение изменилось после убийства Кирова и известного процесса против Зиновьева и Каменева. Переписка совершенно оборвалась; Сережу арестовали. Я ждала со дня на день, что переписка возобновится. Но вот уж истекает полгода, как Сережа сидит в тюрьме. Это и заставляет думать, что у арестовавших имеются какие-то особые намерения.

Можно ли предположить, что под влиянием событий сын оказался за последнее время вовлечен в оппозиционную деятельность? Я была бы счастлива за него, если б могла так думать, ибо при этом условии Сереже неизмеримо легче было бы переносить обрушившийся на него удар. Но такое предположение надо считать совершенно исключенным. Из разных источников мы достаточно хорошо знали, что Сережа стоял за последние годы от политики так же далеко, как и раньше. Но мне лично не нужно было бы и этих свидетельств, так как я слишком хорошо знаю его психологию и направление его умственных интересов. Да и власти, начиная со Сталина, очень хорошо осведомлены об этом: ведь Сережа, повторяю, вырос в

Кремле, сын Сталина бывал частым гостем в комнате мальчиков; ГПУ и университетские власти с двойным вниманием следили за ним, сперва как за студентом, затем как за молодым профессором. Его арестовали не за какую-либо оппозиционную деятельность (которой не было и, по всем обстоятельствам, не могло быть), а исключительно как сына Л.Д. в целях родовой мести. Таково единственно возможное объяснение.

Все товарищи помнят попытку ГПУ впутать в дело об убийстве Кирова имя Л.Д.: латышский консул, который давал деньги на террористический акт, предложил в то же время террористам передать от них Троцкому письмо. Весь этот замысел оборвался, однако, на полуслове и лишь скомпрометировал организаторов процесса. Но как раз поэтому мы не раз говорили в семье после процесса: «они на этом не остановятся; они должны будут выдвинуть какое-нибудь новое дело, чтоб перекрыть провал амальгамы с консулом». Ту же мысль Л.Д. высказывал и в своих статьях в русском Бюллетене. Мы не знали только, какой способ выберет ГПУ на этот раз. Но сейчас не может быть уже и тени сомнения; арестовав совершенно непричастного к делу Сергея и держа его в течение ряда месяцев в тюрьме, Сталин явно и несомненно преследует цель создать новую «амальгаму». Для этого ему нужно вырвать у Сергея какое-либо показание, пригодное для этой цели, наконец, хотя бы «отречение» от отца. Я не буду говорить о тех способах, при помощи которых Сталин добивается нужного ему показания. Никаких сведений у меня на этот счет нет. Но все обстоятельства говорят сами за себя.

Проверить то, что сказано в этом письме, было бы очень просто: достаточно было бы, например, создать интернациональную комиссию из авторитетных и добросовестных людей, разумеется, заведомых друзей СССР. Такая комиссия должна была бы проверить все репрессии, связанные с убийством Кирова; попутно она внесла бы необходимый свет и в дело нашего сына Сергея. В таком предложении нет ничего исключительного или неприемлемого. Когда в 1922 г. проис-

ходил суд над эсерами, организаторами покушений на Ленина и Троцкого, Центральный Комитет под руководством Ленина и Троцкого предоставил право Вандервельде, Курту Розенфельду и другим противникам советского правительства участвовать в судебном процессе в качестве защитников обвиняемых террористов. Неужели же Ромен Роллан, Андре Жид, Бернар Шоу и другие друзья Советского Союза не могли бы взять на себя инициативу создания такой комиссии по соглашению с советским правительством? Это был бы лучший способ проверить обвинения и широко распространенные в рабочих массах подозрения. Советская бюрократия не может стоять выше общественного мнения мирового рабочего класса. Что касается интересов рабочего государства, то они оказались бы только в выигрыше в результате серьезной проверки его действий. Такой авторитетной комиссии я, в частности, предоставила бы все необходимые сведения и документы, касающиеся моего сына.

Это мое письмо есть, следовательно, прямое обращение к рабочим организациям и иностранным друзьям СССР; не к заинтересованным адвокатам советской бюрократии, конечно, а к честным и независимым друзьям Октябрьской революции.

Если я, после длительных колебаний, поднимаю открыто вопрос о Сергее, то не только потому, что он мой сын: этого довода слишком достаточно для матери, но недостаточно для возбуждения политической инициативы. Но дело Сергея представляет совершенно ясный, простой и бесспорный случай сознательного и преступного произвола, случай, очень легко поддающийся проверке: бюрократическая верхушка давит и терзает заведомо лояльного, ни в чем неповинного, высоко квалифицированного советского работника – только для того, чтоб удовлетворить низменному инстинкту мести, без малейшего политического оправдания: ибо совершенно же очевидно, что физические удары по сыну не могут оказать никакого влияния на направление политической деятельности отца, деятельности, к которой Сережа никогда не имел ни ма-

лейшего отношения. Вот почему я позволю себе думать, что дело моего сына заслуживает общественного мнения. Во всяком случае, кто хочет действовать, должен действовать немедленно, ибо при молчании и безнаказанности мстительные действия Сталина могут скоро принять непоправимый характер.

Наталья Ивановна Троцкая

1 июня 1935 г. Франция

С. Л. Седов. 1920-е.
(Изъято при аресте Г.М. Рубинштейн в 1937 и возвращено Ю. Аксельрод в 2004)

С. Л. Седов. Начало 1930-х.
(Изято при аресте Г.М.Рубинштейн в 1937 и возвращено Ю. Аксельрод в 2004)

Неустановленные лица. Внизу 3-й слева С.Седов. 1930-е.
(Изъято при аресте Г.М.Рубинштейн в 1937 и возвращено Ю. Аксельрод в 2004)

О.Э.Гребнер. Начало 1930-х. Из архива Ю.В.Рейфшнейдер.

О.Э.Гребнер. 1990. Из архива Ю.В.Рейфшнейдер.

С.Л.Седов с племянником Люликом, сыном Л.Л.Седова. 1934.
Из архива Ю. Аксельрод.

Г.М.Рубинштейн. Фотография из профсоюзного билета. 1933.
(Профсоюзный билет был изъят при аресте Г.М.Рубинштейн
и возвращен Ю. Аксельрод в 2004)

С.Л.Седов и Г.М.Рубинштейн. 1934.
(Изъято при аресте Г.М.Рубинштейн в 1937 и возвращено Ю. Аксельрод в 2004)

СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АРХИВЫ
ОБЩЕРОССИЙСКИЕ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1938 г. июля мес. 22 дня. Я Оверунам Ч Отдела 1 Упр.
исполнителя Гос. без. допросила в качестве обвиняемой

1. Фамилия Рубинштейн
2. Имя и отчество Генрихита Михайловна
3. Дата рождения 1911 г.
4. Место рождения г. Вилель ^{Туркестанской} обл.
5. Местожительство г. Москва, Маросейкине ул. д. 13 кв. 1А
6. Нац. и гражд. (подданство) еврейка гражд. СССР

7. Паспорт Выдан Красноярск. район. Отдел милиции
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

8. Род занятий до ареста инженер ф-ки при Сталинском
(место службы и должности)
зав. цехом "Тестирование" - отв. начальник по Вршч.

9. Социальное происхождение Смурашкин
(род занятий родителей и их имущественное положение)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):

а) до революции

б) после революции инженер и служащая

11. Состав семьи Муромцев Сергей Львович - инженер по
(ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
Красноярскому двигателестроительному заводу в
Красноярске - арестован 17.VI-36 г. Жена Рубинштейн
Нина 1 г. 11 мес. мать Рубинштейн Розалия Михайловна
53 г. домохозяйка, отец Рубинштейн Михаил Львович - 60 лет

С.Л.Седов. Тюремная фотография. 1935. (ЦА ФСБ РФ. Д.Р-33640)

Г.М.Рубинштейн с дочерью Юлией. 1937. Из архива Ю. Аксельрод.

Ю. Аксельрод (урожд. Рубинштейн). 1937.
(Изъято при аресте Г.М.Рубинштейн в 1937 и возвращено Ю. Аксельрод в 2004)

Г.М.Рубинштейн. Тюремная фотография. 1937. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-13733.

Родители Г.М.Рубинштейн в молодости. 1910. Из архива Ю. Аксельрод.

Р.Е.Рубинштейн Тюремная фотография. 1951. Д.Р-5022.

М.Е.Рубинштейн Тюремная фотография. 1951. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-5021.

Ю.Рубинштейн с дедушкой и бабушкой Рубинштейнами. 1940-е гг. Из архива Ю. Аксельрод.

Ю.Аксельрод (Рубинштейн) с мужем и сыном перед отъездом из СССР. 1978 г.
Из архива Ю. Аксельрод.

Г.М.Рубинштейн с мужем и дочерью. Таллинн, 1978.

Опубл.: Бирюков А. Неудаленные корни, или Джоконда из Ягодного // Мир Севера. 2004, №1

Давид Аксельрод, сын Ю.Аксельрод и правнук Л.Троцкого. Израиль. 1980-е гг.
Из архива Ю.Аксельрод

Ю.Аксельрод. США. 2004 г. Из архива Ю.Аксельрод.

ТЕЛИ ВОЗЫ

их дело
дологи

аки труда-
проф Пуды-
и Октябрь-
ни, на на-

интэрволю-
но огромно
теме народ-
и. Дууртш
ий выходок
и везедло,
и Сиония и

их дорож.
дела, чюд-
да троцки-
ю ставань-
ль Поляков,
и вичеводы,
лю, срывава

апы с по-
рскый суд
эвор. Мы,
исколиваше
иха нашей
збавовших-

ИДИТ

ИНЫ

Кривого

выглядют
налето.
о главе с
пельве ре-
ше Совет-

пресчаво-
онова горя-
но преданы
я котора
товариши
да не сло-
шнотода не

а, проино-
фашизма.
к. Требуе
о ста: не
тскому от-
есть фашист-
е знают
оветупни
родны.
правитель-

РАССТРЕЛЯТЬ ОЗВЕРЕВШИХ ТРОЦКИСТСКИХ БАНДИТОВ

(Из резолюции митинга работников московского машиностроительного завода «Сормо») —

По приказам указавших обер-продателя Троцкого агентов в троцкистский Центр организованы диверсионные и террористиче-ские акты на предприятиях, имеющих исклю-чительно оборонное значение, и посто-яннола террористические акты против ру-ководителей партии и советского правле-тельства.

Презрительные митинги фашизма по при-казам указавших Троцкого осуществляли шиномаш в пользу фашистского государства и готовили военный разгром нашего госу-дарства.

Недаль передали слювани гнусность пред-ставших перед судом негодоев.

Питавое, находясь в Берлине по делам советского государства, был так шиво, что во немецкому паспорт, получившему в фашистской одичре, пошла на немецкой самолете на самолете к Троцкому, чтобы лично доставить его в кровавых преступле-ниях против народа.

Социалистический, разлучая высочай положе-нием зано-тетала народа инквизиционных

дел, вод в случаемом кабинетом переверну- с агентами иностранных государств об ва-мене родине...

Плывавшая в фашистских преступлявал свора троцкистов разоблачена как привая агентами империалистов, ополчившаяся на социализм, чтобы уничтожить социальную идентичность лет нава власть капитализма, чтобы вернуть колхозную землю рабочих, фабрики и заводы — буржуазии.

Видательность народа и камающий меч разрывавшие — боевые чеховцы органов НКВД разрушили злодейские замыслы Троцкого в его гадюк.

Социалистический строй удерживая в нашей стране неслабом, беспощадно. Ни-кому не поверить историю навал, инквизи- но вернется власть помещиков и капита-лизма.

Каждый, кто осмелится стать нам опле-рехи дороги. Будет, подобно троцкистско-де-ническим, стерт с лица земли.

Мы требуем расстрела фашистской свор-ды.

Сын Троцкого — Сергей Седов пытался отравить рабочих

КРАСНОЯРСК, 26 января. (Мор- «Правды»). В кузнечном цехе крупнейше-го в Красноярском крае машиностроитель-ного завода им. Сибирского сегодня со-стоялся многолюдный общезаводской ми-тинг, продолжавшийся несколько часов. На трибуну поднимались антифашисты, сто-ляры, кузнецы, металлики, рудобойщи-ки цехов. Долой от негодоявля, они бро-сли слова, полные жгучего презрения изменникам родины.

— Презренный агент международного фашизма Троцкий задушея свои гнусные дунальщи и на нави завода. — заявила ма-стер кузнечного цеха Лебедева. — Почти до последнего времени здесь в качестве ин-женера подвизался сын Троцкого — Сер-гей Седов. Этот достойный отпрыск продав-шегося фашизму своего отца пытался от-равить генераторным газом большую груп-пу рабочих завода.

— В длинном-пятилоном отделе завода долго обретался пескочник Зинченко — некий Зисс. Этот, гребь разоблаченный, враг попал сюда почти одновременно с Сергеем Седовым. Им обоим покровитель-ствовал главный директор завода Суббо-ткин, — сообщила инспектор чистовичей-ского цеха Борисова.

Формовщик завода Фоменко, мастер

Плотников, старей Поляков, стухачева Дмитрия и ряд других, выступавших на митинге, привели много фактов вредитель-ства троцкистских шпидок, окончивших на производстве. В цехах завода завелю несправильно монтировка оборудования, омерзались капитализм, выноди-лись из строя сложнейшие агрегаты, тип-то-завался рудничная.

В единогласно принятой резолюции уча-стники митинга постановили «прислать ор-ганы НКВД отчетный доклад от последней троцкистской агентурой и выдать прямых пособников этой фашистской сволочи».

— Мы не позволим, — говорится в ре-золюции, — чтобы заклятые враги совет-ской земли и дальше ослепали на нашу родину, на вождя партии и правитель-ства, на трудящихся социалистической страны. В ответ на омерзительную деяте-льность озверевших фашистских шов еще вы-ше поднимем революционную деятельность и теснее сплываем доброт коммунисти-ческой партии и рабочего отря народо-ОСЭР товашва Сталина. Настоящий тре-бум от Верховного Суда уничтожить тро-цкистских гадюк из антисоветского троцкист-ского центра — всех до единого.

Н. ПУХОВ.

ОНИ ПОКУШАЛИСЬ НА СЧАСТЬЕ НАРОДА

(Резолюция собрания рабочих и инженерно-технических работников завода № 135, Западной Сибири)

НА НИ

(Из резо-
люции)

Троцки-
правые по-
своих хо-
фашистов,
и кама-
сбину про-
тив его в

С этой |
долой обор-
ноль на-
тея на-
рода и вы-
убийства |
и своей по-
тво и не-
виноу' уби-
шности в
сте с вно-
по, контро-
кого — П-

торов в пр-
ков, котор-
Мы треб-
всей фаши-
Мы обеи-
бы неустам-
пей социал-
Народы (

Еще теги
партии и ,

П

(Резолю-
ция)

Чество-
васта окла-
ли с ном
партучных,
существо-
Потерев

бурье пю-
штерва в-
тышавы пр-
розаны, ш-
поджигате-
ских рабоч-
шода, гот-
против на-
и вольны |
ли все для
пей стра-
лима. Зар-
они готовы
в изобили-
лила Совет
Чобы и
Троцкий и
являл свой
партии — в
на главу
Медотова.
Расстрел

Приложение 14

П.Ричардс ВСТРЕЧА С СЫНОМ ТРОЦКОГО¹

Февраль 1937 года, Москва, Лубянская тюрьма. Сразу же после того, как я был помещен в камеру, дверь вновь открылась, чтобы впустить коренастого, белокурого, голубоглазого заключенного в фланелевой куртке и в брюках (это было обыкновенное одеяние лагерных заключенных). Дверь снова закрыли, и мы остались наедине.

Разговор начался с обычных тюремных вопросов: откуда, почему, как. Оказалось, что тот, кто пришел в камеру, был привезен из исправительно-трудового лагеря, который находился в Воркуте, за полярным кругом. Заключенный представился Сергеем Львовичем Седовым, приговоренным в 1936 году к 5 годам трудовых исправительных работ, а сейчас он был привезен из лагеря в центр для пересмотра его дела. Несколько часов мы оставались вместе, и все это время Седов рассказывал мне разные эпизоды своей жизни.

В Воркуте он жил в тяжелых условиях, заболел, и в конце концов, когда началось сосредоточение троцкистов во второй половине 1936 года, он был схвачен вместе с ними. Сергей Львович никогда прежде, как он сказал, не имел с троцкистами никаких связей.

Вскоре Сергей неожиданно для себя обнаружил, что оказался в центре этой группы, и как раз в тот момент, когда у них был острый конфликт с лагерными авторитетами.

Он описывал разные моменты голодовки, которая длилась от недели к неделе больше 3 месяцев. Забастовщики были изолированы и через какое-то время насильно накормлены, но, несмотря на это, как говорил Сергей, были случаи смерти, особенно среди женщин.

¹ *P.Richards. A meeting with Trotsky's son // The 4th International. 1960. №10.*

Седов продержался до конца, и, по его собственным словам, сам был на волоске от смерти. Главные требования забастовщиков были удовлетворены специальной комиссией, присланной из центра, и в конце голодовки весь режим стал терпимее.

Через некоторое время после этих событий администрация лагеря, где был заключен Сергей Львович, получила приказ срочно отправить его в центр для продолжения расследования. Так как реки уже частично вскрылись, Сергей Львович со своей охраной путешествовал неделями от деревни к деревне среди ледяного мусора. Сергей Львович со смехом рассказывал, что после событий последнего времени это была для него не иначе как приятная поездка, настоящее облегчение. Он отдохнул от лагерного режима и был отлично накормлен. Он говорил, что во время этой поездки он не только вернул все, утраченное во время голодовки, но и потолстел и чувствовал себя так же хорошо, как в лучшие годы своей молодости.

Разговор пришел к вопросу о том, что Сергей Львович думал о возобновлении расследования его дела, а также его перемещении на Лубянку. Он не питал иллюзий о возможности пересмотра его дела или даже об утверждении старого наказания. Он подробно рассказал о методах, которые использовались при расследованиях, и высказал мнение, что человек должен иметь представление обо всем, что делается с заключенными на допросах.

Сергей Львович смотрел в будущее абсолютно спокойно и ни при каких обстоятельствах не был готов, даже чуть-чуть, обвинить себя или других.

Во время этого разговора Сергея Львовича вызвали из камеры, мы коротко попрощались. Больше я никогда его не видел...

Приложение 15

Иосиф Бергер ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹

...Были и такие, однако, которые не капитулировали до конца.

Сына Троцкого Сергея я встретил в 1937 году. Оба мы ожидали допроса в одной из камер предварительного заключения на Лубянке. Камера эта – маленькая клетушка, которую заключенные называли «конурой». Обычно к такую «конуру» помещали только одного заключенного, но, поскольку Лубянка была переполнена, то нас поместили вдвоем. Так что нам пришлось провести вместе несколько часов однажды ночью в феврале 1937 года.

Это была памятная для меня встреча. Сергея только что привезли в Москву из лагеря в Воркуте. Дело его было назначено на переследствие, и он весьма мрачно смотрел на свое будущее. Мои перспективы были не многим лучше. И действительно, вскоре после этого я был приговорен к смерти. Но Сергей почему-то был убежден, что мне удастся выжить. И он просил меня передать несколько слов его родителям, если мне придется с ними встретиться.

Ему было тогда около 28 лет. Небольшого роста, худощавый, круглолицый, с усами. В отличие от своего брата, Сергей никогда не проявлял ни малейшего интереса к политике и отказался даже вступить в комсомол. Он был страстным книголюбом, а его другим пристрастием был цирк. Ребенком он даже однажды убежал из дому и пристал к бродячему цирку.

¹ *Бергер И.* Крушение поколения: Воспоминания / Пер. с англ. Я.Бергера. Firenze (Флоренция), 1973. С.118–122. К рассказу о Сергее Седове Иосиф Бергер переходит после воспоминаний о троцкистах, избравших стратегию «покаяния» и признаний, которые, впрочем, как правило, не спасали ни от арестов, ни от расстрелов.

Родители, конечно, не одобряли его поведения и объясняли ему, что оно может повредить отцу. Однако он оставался неисправимым. Когда его отец оказался в оппозиции, Сергей усмотрел в этом подтверждение своим аполитичным взглядам. Учился он хорошо, но долго не мог решить, какую выбрать специальность. <...>

Когда Троцкий в 1929 году был выслан за границу, Сталин в одну из своих редких минут великодушия разрешил Троцкому взять с собой семью и свои архивы. Сергей узнал об этом в провинциальном городе, где он тогда работал. Родители настойчиво уговаривали его уехать с ними. Троцкий отчетливо предвидел судьбу связанных с ним людей, оставшихся в СССР.

– Представьте себе самое ужасное и помножьте его на десять, – сказал он друзьям, провожавшим его в Одесском порту.

Сергей же в это время был влюблен и не захотел оставить свою подругу. Он отказался уехать. Некоторое время все шло как будто благополучно, и страхи отца казались преувеличенными. Ему не только удалось избежать репрессий начала 30-х годов, но друзья сумели даже устроить его на работу. И лишь в 1935 году, после убийства Кирова, его вызвали и потребовали публичного отречения от отца. Ему внушали, что от него требуют только правды: т.е. чтобы он сказал, что никогда не разделял взглядов отца и не пожелал с ним уехать за границу. К этому следовало лишь добавить, что он считает своих родителей «врагами народа». Сергей отказался подписать это на том основании, что не имеет никакого отношения к политике, и заявил, что хотя его аполитичность была причиной расхождений с отцом, он ни в коем случае не хочет принимать участия в публичной травле отца. Его уволили с работы, а еще через несколько месяцев арестовали.

<...>

Немедленно по прибытии в Москву осенью 1936 года он объявил в тюрьме голодовку. Следствие по его делу было закончено в течение десяти дней. Его приговорили к пяти годам лагерей. В декабре того же года он прибыл в Воркуту и там впервые столкнулся лицом к лицу с убежденными после-

дователями его отца. Он проникся глубоким уважением к этим людям.

Хотя огромное большинство троцкистов к этому времени капитулировало, все еще оставалось, главным образом, конечно, в тюрьмах и лагерях, ядро убежденных и бескомпромиссных. Арестованные троцкисты и их семьи были собраны большей частью в трех крупных лагерных системах: на Колыме, в Воркуте и в районе Норильска. О троцкистах Воркуты я впервые узнал от самого Сергея.

Меня не удивило, что бывшие участники оппозиции произвели на него такое сильное впечатление. Я сам столкнулся в заключении с некоторыми из них. В основном это были интеллигенты, которым взгляды Троцкого, менее ограниченные и сухие, чем ленинские, импонировали с самого начала. Большинство из них были в прошлом профессиональными революционерами, участниками Гражданской войны, примкнувшими в начале 20-х годов к оппозиции. Среди троцкистов представители национальных меньшинств занимали больший удельный вес, чем в других оппозиционных группах. Все они были убежденными интернационалистами, и идея местного советского национализма была им глубоко чуждой. Если бы в то время существовал термин «безродные космополиты», то его определенно применили бы к троцкистам.

<...>

Когда я говорил этим людям, что как политики они сами «исключают себя из истории», они отвечали, что то же самое слышат от всех «оппортунистов».

Сергею условия в лагере показались ужасающими. Но в честь отца ему был оказан такой теплый прием, что он приободрился. С другой стороны, и его присутствие придало новые силы заключенным оппозиционерам. Сергея по-прежнему мало интересовали их политические и экономические взгляды, но огромное впечатление на него произвели их духовная независимость, преданность и верность взглядам отца. Сергей с полным правом сказал потом, что недели, проведенные им в Воркуте среди последователей и идейных друзей отца, были самыми счастливыми в его жизни. Сергею очень хотелось сообщить родителям об их друзьях, а также и о своих изменив-

шихся взглядах. А особенно ему хотелось попросить прощения у матери за то беспокойство и горе, которые он ей причинил. Еще Сергей просил передать, что он с достоинством встретит смерть. Через несколько недель Сергея расстреляли.

Когда меня освободили, мать Сергея была еще жива. Я написал ей письмо. К сожалению, встретиться нам не удалось, я приехал в Париж в 1962 году, но она уже умерла.

Еще я слышал о Сергее от одного из его друзей (их дела вел тот же следователь). Когда этот друг спросил у следователя о Сергее, тот ответил: «Если отец придет за него вагон золота, мы, может быть, его отпустим». Но это была просто жестокая шутка. Никаких подобных предложений Троцкому никто никогда не делал. А судьба Сергея все равно была пред-
решена.

Приложение 16

ВТОРОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ Л.Д.ТРОЦКОГО СУДЕБНОМУ СЛЕДОВАТЕЛЮ¹

Г-н судебный следователь!

В дополнение к моему заявлению от 19-го июля я имею честь присовокупить нижеследующие соображения:

1. Я советовался с компетентными врачами. Ни один из них не может, разумеется, рискнуть противопоставить заочную экспертизу экспертизе высококвалифицированных французских специалистов, оперировавших над трупом. Однако врачи, с которыми я совещался, единодушно находят, что ход болезни и причины смерти не выяснены следствием с той необходимой полнотой, которой требуют исключительные обстоятельства данного дела.

2. Ярче всего неполнота следствия подтверждается поведением хирурга, г-на Тальгеймера. Он отказался давать объяснения, сославшись на «профессиональную тайну». Закон дает такое право врачу. Но закон не обязывает врача пользоваться этим правом. Чтоб укрыться за профессиональную тайну, у врача должен быть, в данном случае, налицо исключительный интерес. Каков же интерес г-на Тальгеймера? Не может быть и речи в данном случае об охране тайны пациента или его родных. Дело идет, следовательно, об охране тайны самого врача. В чем же может состоять эта тайна? У меня нет никакого основания подозревать г-на Тальгеймера в преступных действиях. Но совершенно очевидно, что, если бы смерть Седова естественно и неизбежно вытекала из характера его болезни, то у хирурга не могло бы быть ни малейшего интереса или психологического побуждения отказываться от дачи необходимых разъяснений. Укрываясь за профессиональную тайну, г-н Тальгеймер говорит этим самым: в ходе болезни и в причинах смерти есть особые обстоятельства, выяснению которых я не желаю содействовать. Никакого друго-

¹ Бюллетень оппозиции. 1938. №70.

го толкования поведению г-на Тальгеймера дать нельзя. Рассуждая чисто логически, нельзя не прийти к выводу, что к ссылке на профессиональную тайну врач мог, в данных обстоятельствах, прибегнуть в одном из следующих трех случаев:

а) если б он был заинтересован в сокрытии собственного преступления;

б) если б он был заинтересован в сокрытии собственной небрежности;

в) если б он был заинтересован в сокрытии преступления или небрежности своих коллег, сотрудников и прочее.

Демонстративное молчание г-на Тальгеймера само по себе уже указывает программу следствия: надо во что бы то ни стало раскрыть те обстоятельства, которые побудили хирурга укрыться за профессиональную тайну.

3. Неясными, недостаточными и отчасти противоречивыми являются показания владельца клиники д-ра Симкова. Знал или не знал он, кто таков его пациент? Этот вопрос не раскрыт совершенно. Седов был принят в клинику под именем «Мартэн, французский инженер». Между тем д-р Симков разговаривал с Седовым в клинике по-русски. Именно благодаря этому сиделка Эйсмонт узнала, по ее словам, что Мартэн – русский или владеющий русским языком. Запись Седова под чужим именем была сделана, как отмечают сами документы следствия, в целях безопасности. Знал ли об этих целях д-р Симков? И если знал, то почему обращался к больному по-русски в присутствии сиделки Эйсмонт? Если он делал это по неосторожности, то не проявил ли он ту же неосторожность и в других случаях?

4. Д-р Жирмунский, директор клиники, считался, по сведениям полиции, «сочувствующим большевикам». Это в наши дни очень определенная характеристика. Она означает: друг кремлевской бюрократии и ее агентуры. Жирмунский заявил, что о действительной личности больного он узнал только накануне его смерти от г-жи Молинье. Если принять эти слова на веру, то придется заключить, что г-н Симков, который предупредил по телефону Жирмунского о прибытии больного заранее, скрывал от своего ближайшего сотрудника

действительную личность «французского инженера Мартэна». Вероятно ли это? При сестре Эйсмонт Симков, как уже сказано, разговаривал с больным по-русски. Жирмунский знает русский язык. Или же у Симкова были специальные причины остерегаться Жирмунского? Какие именно?

5. «Сочувствующий большевикам» – это очень определенная характеристика. Следствие явно останавливается здесь на полдороге. В условиях русской эмиграции такое «сочувствие» не остается в наши дни платоническим. «Сочувствующий» становится обычно во враждебное отношение к белой эмиграции. Из каких рядов почерпает г-н Жирмунский своих клиентов? Общается ли он с кругами советского посольства, торгпредства и проч.? Если да, то в круг его клиентов входят несомненно наиболее ответственные агенты ГПУ.

6. О политических симпатиях владельца клиники, г-на Симкова, в документах не сказано почему-то ничего. Это серьезный пробел. Тесное сотрудничество Симкова с Жирмунским заставляет предполагать, что и г-н Симков не враждебен советским кругам и, возможно, имеет в этой среде связи. Какие именно?

7. Д-р Симков является сотрудником медицинского издания «Эвр Шируржикаль Франко-Рюсс». Какой характер носит это издание: является ли оно делом блока французских врачей и советского правительства, или же, наоборот, от имени русской медицины выступают белые эмигранты? Этот вопрос остался без всякого освещения. Между тем не только полиция, но и младенцы знают, что под прикрытием всякого рода медицинских, юридических, литературных, пацифистских и иных организаций и изданий ГПУ создает свои укрепленные пункты, которые служат ему, особенно во Франции, для безнаказанного совершения преступления.

8. Нельзя не упомянуть здесь об одном в высшей степени важном обстоятельстве, на которое я позволяю себе обратить ваше особенное внимание, г-н судья. Г-н Симков имел, как известно, несчастье потерять в этом году двух сыновей, ставших жертвой обвала. В тот период, когда действительная судьба мальчиков оставалась еще загадочной, г-н Симков в одном из интервью, данных им французской печати, заявил,

что, если его сыновья похищены, то это могло быть сделано только «троцкистами», как месть за смерть Седова. Эта гипотеза поразила меня в свое время своей чудовищностью. Я должен прямо сказать, что такое предположение могло прийти в голову либо человеку, совесть которого не была вполне спокойна; либо человеку, который вращается в смертельно враждебных мне и Седову политических кругах, где агенты ГПУ могли прямо натолкнуть мысль несчастного отца на фантастическое и возмутительное предположение. Но если у г-на Симкова существуют дружественные отношения с теми кругами, которые систематически занимаются физическим истреблением «троцкистов», то не трудно допустить и то, что эти дружественные отношения могли быть, и даже без ведома г-на Симкова, использованы для преступления против Седова.

9. В отношении персонала клиники, начиная с г-на Жирмунского, полицейское расследование неизменно повторяет формулу о «непричастности» этих лиц к активной политической деятельности, считая, видимо, что это обстоятельство освобождает от необходимости дальнейшего расследования. Такой взгляд является заведомо фальшивым. Дело идет вовсе не об открытой политической деятельности, а о выполнении наиболее секретных и преступных заданий ГПУ. Агенты такого рода, подобно военным шпионам, разумеется, не могут компрометировать себя участием в агитации и пр.; наоборот, в интересах конспирации они ведут в высшей степени мирный образ жизни. Однообразные ссылки на «неучастие» всех допрошенных в активной политической борьбе свидетельствовали бы о чрезвычайной наивности полиции, если бы за ними не скрывалось стремление уклониться от серьезного расследования.

10. Между тем, г-н судья, без очень серьезного, напряженного и смелого расследования преступлений ГПУ раскрыть нельзя. Для того чтобы дать приблизительное представление о методах и нравах этого учреждения, я вынужден привести здесь цитату из официозного советского журнала «Октябрь» от 3-го марта этого года. Статья посвящена театральному процессу, по которому был расстрелян бывший начальник ГПУ, Ягода. «Когда он оставался в своем кабинете, –

говорит советский журнал об Ягоде, – один или с холопом Булановым, он сбрасывал свою личину. Он проходил в самый темный угол этой комнаты и открывал свой заветный шкаф. Яды. И он смотрел на них. Этот зверь в образе человека любовался склянками на свет, распределял их между своими будущими жертвами». Ягода есть то лицо, которое организовало мою, моей жены и нашего сына высылку за границу; упомянутый в цитате Буланов сопровождал нас из центральной Азии до Турции как представитель власти. Я не вхожу в обсуждение того, действительно ли Ягода и Буланов были повинны в тех преступлениях, в которых их сочли нужным официально обвинить. Я привел цитату лишь для того, чтоб охарактеризовать, словами официозного издания, обстановку, атмосферу и методы деятельности секретной агентуры Сталина. Нынешний начальник ГПУ Ежов, прокурор Вышинский и их заграничные сотрудники нисколько, разумеется, не лучше Ягоды и Буланова.

11. Ягода довел до преждевременной смерти одну из моих дочерей, до самоубийства – другую. Он арестовал двух моих зятей, которые потом бесследно исчезли. ГПУ арестовало моего младшего сына, Сергея, по невероятному обвинению в отравлении рабочих, после чего арестованный исчез. ГПУ довело своими преследованиями до самоубийства двух моих секретарей: Глазмана и Бутова, которые предпочли смерть позорящим показаниям под диктовку Ягоды. Два других моих русских секретаря, Познанский и Сермукс, бесследно исчезли в Сибири. В Испании агентура ГПУ арестовала моего бывшего секретаря, чехословацкого гражданина Эрвина Вольфа, который исчез бесследно. Совсем недавно ГПУ похитило во Франции другого моего бывшего секретаря, Рудольфа Клемента. Найдет ли его французская полиция? Захочет ли она его искать? Я позволяю себе в этом сомневаться. Приведенный выше перечень жертв охватывает лишь наиболее мне близких людей. Я не говорю о тысячах и десятках тысяч тех, которые погибают в СССР от рук ГПУ в качестве «троцкистов».

12. В ряду врагов ГПУ и намеченных им жертв Лев Седов занимал первое место, рядом со мною. ГПУ не спускало с него глаз. В течение, по крайней мере, двух лет бандиты

ГПУ охотились за Седовым во Франции, как за дичью. Факты эти неизбежно установлены, в связи с делом об убийстве И.Райсса. Можно ли допустить хоть на минуту, что ГПУ потеряло Седова из виду во время его помещения в клинику и упустило исключительно благоприятный момент? Допускать это органы следствия не имеют права.

13. Нельзя без возмущения читать, г-н судья, доклад судебной полиции за подписями Nauret и Voilet. По поводу подготовки серии покушений на жизнь Седова доклад говорит: «по-видимому, его политическая деятельность действительно составляла предмет достаточно тесного наблюдения со стороны его противников». Одна эта фраза выдает судебную полицию с головой! Там, где дело идет о подготовке во Франции убийства Седова, французская полиция говорит о «достаточно тесном наблюдении» со стороны анонимных «противников» и прибавляет словечко: «по-видимому». Г-н судья! Полиция не хочет раскрытия истины, как она ее не раскрыла в деле похищения моих архивов, как она ничего не раскрыла в деле убийства И.Райсса, как она не собирается ничего раскрыть в деле похищения Рудольфа Клементя. ГПУ имеет во французской полиции и над ней могущественных сообщников. Миллионы червонцев расходуются ежегодно на то, чтоб обеспечить безнаказанность сталинской мафии во Франции. К этому надо еще прибавить соображения «патриотического» и «дипломатического» порядка, которыми с удобством пользуются убийцы, состоящие на службе Сталина и орудующие в Париже, как у себя дома. Вот почему следствие по делу о смерти Седова носило и носит фиктивный характер.

Л.Троцкий

Койоакан, 24 августа 1938 г.

Приложение 17

ПИСЬМО Б.И.НИКОЛАЕВСКОГО К Н.И.СЕДОВОЙ¹

23 декабря 1950

Многоуважаемая Наталия Ивановна,

При сем копия сообщения о вдове С.Л., которое я только что получил от быв[шей] колымчанки. Последняя просит меня пока ее имени никому не называть. Это – дочь видного польского большевика, друга Ленина, имя кот[орого] часто фигурирует в воспоминаниях Крупской. Родители ее, по-видимому, погибли, а она сама, после почти 12 лет скитаний, выбралась в зап[адную] зону Германии. Если Вы поставите вопросы, я ей перешлю, – хотя она и уверена, что больше ничего не знает.

Женя Рубинштейн, молодая московская студентка химии, познакомилась с Сергеем Львовичем на курорте, то ли в Крыму, то ли на Кавказе. Купаясь и загорая вместе на пляже, молодые люди не сразу сказали друг другу свои фамилии, и таким образом случилось, что Женя полюбила Сергея раньше, чем узнала, кто он такой и как опасна ее любовь. Но так как она не интересовалась особенно политикой и даже не была в комсомоле, она, узнав его происхождение, не перестала его любить, а наоборот, даже после возвращения в Москву продолжала знакомство.

К ужасу своих родителей и всех знакомых, Женя, когда спустя некоторое время Сергей был сослан в Красноярский край, поехала туда к нему и стала там с ним вместе жить.

¹ Hoover Institution Archives. Coll. Title: B.Nicolaevsky. Box 628. Folder 13. Фрагмент.

Счастье, однако, длилось недолго. Каких-нибудь десять месяцев спустя Сергея арестовали в ссылке, и Женя, одна и беременная, вернулась к родителям в Москву. В конце 1936 г. примерно родилась ее и Сергея девочка. Ей было пару месяцев, когда Женю в Москве тоже арестовали. К тому времени, между прочим, кроме отца и матери никто уже с ней не разговаривал.

Особое Совещание приговорило ее к 8 годам дальних лагерей за «Контрреволюционную Троцкистскую деятельность» (КРТД). Она прибыла в ноябре 1938 г. на Колыму и отбывала там срок в Магадане, Эльгене, на побережье, на 72-м км и 23-м км (инвалидный городок) и опять в Магадане. Жила сравнительно сносно. Связь с домом, родителями и дочкой, которую они растят, имела все время. В 1946 году Женя, хотя срок ее уже кончился, была еще в лагере.

О Сергее она не знала ничего, предполагала, однако, что его, как всех троцкистов, расстреляли в 1937–38 годах. Говорила о нем все же с большой любовью и уважением.

(Упомянуть Женю и ее фамилию в каких-либо Ваших материалах считаю вредным для нее. Поэтому прошу Вас пока этого не делать).

<...>

Приложение 18

С.Ларин¹

С ЭТОЙ ТАЙНОЙ ОН ПРОЖИЛ НЕ ГОД И НЕ ДВА, А ПОЧТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

В 1937 в Москве была арестована Г.М.Рубинштейн, вернувшаяся после ареста Седова к родителям и за несколько месяцев до ареста родившая дочь Юлию. При обыске в ее квартире были конфискованы все фотографии Седова и уцелевшие после предыдущих обысков книги, которые достались ему от отца. В 1950 Николаевский сообщил Н.И.Седовой о свидетельстве бывшей колымчанки, оказавшейся после войны в Западной Германии: Г.М.Рубинштейн, приговоренная Особым совещанием к 8 годам дальних лагерей, была привезена в ноябре 1938 в Магадан и в 1946, несмотря на окончание срока, оставалась еще в лагере². Всего же она провела на Колыме двадцать лет.

<...>

О своего рода «продолжении» дела Седова рассказывает в исповедальной книге известного литературного критика Бориса Рунина «Мое окружение. Записки случайно уцелевшего». На протяжении ее первой части мы узнаем о многих испытаниях, выпавших на долю автора: пребывании в первые месяцы войны в окружении, унижительных дотошных допросах по этому поводу, объявлении его в 1949 «безродным космополитом» и т.д. При этом писатель постоянно подчеркивал, что страшнее всего пережитого была «жгучая тайна, тайна замедленного действия», бремя которой он нес всю жизнь и ко-

¹ Фрагмент из статьи: *Ларин С.* Без прикрас и умолчаний // Новый мир. 1995. №8.

² Hoover Institution Archives. Collection of Nicolaevsky. Box 628. Folder 13. См. Приложение 17, с.126 наст. изд.

торой не решался поделить даже с самыми близкими друзьями.

Автор намекал, что эта «тайна» была как-то связана с его сестрой, «загравшей в Сибирь из-за мужа». Однако такие факты были в те годы столь частыми, что не давали оснований для испепеляющего страха. В этом Рунину довелось убедиться, когда в 1939 его, третьекурсника литературного института, рекомендовали для пополнения изрядно поредевшего за годы большого террора авторского актива «Правды». Первая заказанная ему статья была поставлена в номер, но не появилась на его страницах. На следующий день Рунин был вызван в редакцию ее литературным сотрудником Трегубом, который объяснил: снятие статьи вызвано тем, что главный редактор «Правды» Поспелов, столкнувшись при просмотре полосы с неизвестным ему именем, распорядился отложить статью и сообщить ему сведения о ее авторе. Это известие повергло Рунина в неописуемый ужас:

«Вот оно!.. Случилось то, чего я столько лет боялся и что рано или поздно не могло не случиться... И, не дожидаясь продолжения, я заплетающимся языком произнес:

– Да, я должен был вас заранее уведомить о компрометирующем меня обстоятельстве – у меня арестована сестра...

Но Трегуб прервал мое покаянное слово и нетерпеливо отмахнулся от этой темы, так и не спросив, за что она арестована. Впрочем, тогда подобные вопросы звучали крайне глупо и их не задавали.

– Ах, да разве в этом дело?! – неожиданно произнес он, явно досадуя, потому что куда-то торопился. – Нынче у всех арестована сестра...»³

Оказалось, что Поспелова интересовали данные о литературной биографии молодого автора – сколько ему лет, где он печатался и т.п.

Во второй части книги писатель раскрывает содержание «жгучей тайны», состоявшей в том, что мужем его сестры был не кто иной, как Сергей Седов. Сразу после второго арестована сестра...»

³ Рунин Б.М. Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. М., 1995. С.73.

ста Седова Рунин понял, какими последствиями для него и всей его семьи может обернуться этот арест. Конечно, в «органах» хорошо знали о «семейных связях» Седова, но всегда мог найтись человек, который по собственной инициативе поднимет этот вопрос, чтобы раздуть новое «дело». «Стараниями мощного пропагандистского аппарата, – пишет Рунин, – имя Троцкого уже приобрело к тому времени сатанинское звучание, и всякая причастность к этому имени не только вызвала у советских обывателей священный испуг, но и побуждала их – у страха глаза велики – мигом сигнализировать, куда надо, не скупясь на всевозможные измышления»⁴.

После появления в «Правде» зловещей заметки о Седове знакомые Рубинштейнов посещали их дом все реже, а затем и вовсе стали обходить его стороной, словно он был замкнутым. «Само звучание этой фамилии – Троцкий! – вселяло мистический ужас в сердца современников великой чистки, – замечает Рунин. – И то, что моя сестра имела какое-то отношение к этой фамилии, автоматически превращало не только ее самое, но и всю нашу семью в государственных преступников, в “соучастников”, в “лазутчиков”, в “пособников”, словом, в “агентуру величайшего злодея современности, злейшего противника советской власти”»⁵.

Обнаrodование своей «причастности» к Троцкому – в многочисленных анкетах, которые тогда приходилось заполнять каждому работавшему человеку, – грозило жестокими преследованиями. Поэтому после ареста сестры Рунин счел за лучшее уволиться с работы и перейти на эпизодические литературные заработки, чтобы не вступать ни в какие отношения с отделами кадров. Тогда же, вспоминал Рунин, «я умышленно оборвал многие прежние знакомства, сузив круг общения до минимума. С одной стороны, я не хотел бросать тень на товарищей – если моя подноготная раскроется, то дружба со мной может больно по ним ударить. С другой... я менее всего был заинтересован в том, чтобы рядом с моей шепотом произносилась фамилия сакраментальная, ставшая от частых проклятий

⁴ Рунин Б.М. Указ. изд. С.136.

⁵ Там же. С.139.

в печати символом мирового зла. Я не только боялся навредить, не желая того, хорошим людям, но и не хотел, чтобы хорошие люди по простоте душевной навредили мне»⁶.

Опасаясь дальнейших репрессий против членов его семьи, Рунин убедил своих родителей в необходимости разъехаться – «авось тогда возьмут не всех сразу». Писатель считал, что, возможно, именно поэтому его оставили на свободе в 1951, когда его родители вместе с четырнадцатилетней Юлией были высланы в Сибирь.

Даже после смерти Сталина Рунин продолжал по-прежнему скрывать «особенность своей биографии», которая «все еще сохраняла свою зловещую силу»⁷ – ведь Троцкий продолжал считаться «злейшим врагом ленинизма». «С этой постоянной, чреватой разоблачением тайной, казалось, уже намертво пришитой к моей биографии, – пишет он, – я прожил не год и не два, а почти пятьдесят лет»⁸.

⁶ Рунин Б.М. Указ. изд. С.141.

⁷ Там же. С.189.

⁸ Там же. С.143.

Приложение 19

О реабилитации Л.Д.Троцкого

ПРОКУРАТУРА

Российской

Федерации

21.05.92 г. № ГЗ/2182-90

Москва

СПРАВЕКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н ТРОЦКИЙ (БРОНТЭВИЧ) Л.Д.

Год и место рождения 26 октября 1879 г.г.г.

Место жительства до ареста д.Лесная Елизаветинского уезда
Воронежской губернии

Место работы и должность /род занятий/ до ареста Редакция
Революционного Совета Республики

Когда и каким органом осужден /репрессирован/ По постановлению

Сособого Совета при Коллегии ОГПУ от 31 декабря 1927 года

Квалификация содеянного и мера наказания /основник и испол-
нительская/ за совершение действий, предусмотренных ст. 56-10
ЗК РСФСР, вслан в Сибирь сроком на три года.

По основаниям ст. 3 п. 1 и ст. 5 Закона РСФСР "О рефиа-
литации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года

Гр-н Троцкий (Бронтевич) Лев Давидович реабилитирован.

Помощник Генерального

Прокурора Российской Федерации

Г.Ф. Засновская

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
РУССКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
103793 ГСП, Москва,
ул. В. Дзержинского, 15а

Санкт-Петербургский научно-информационный
центр "Мемориал"
197343, г. Санкт-Петербург, а/я 131

31 12.99 № 13-3300-99

№ № 493 от 13.11.99

Направляется копия справки о реабилитации Троцкого Л.Д.
Проводится розыск материалов о высылке Троцкого Л.Д. из СССР, Цент-
ральный архив ФСБ РФ сведениями о высылке Троцкого Л.Д. из СССР
не располагает. О результатах будет сообщено дополнительно.
Приложение: на 1 л.

Прокурор отдела реабилитации
жертв политических репрессий

А.В. Горбачёв

Л.Д.Троцкий (Бронштейн) по запросу НИЦ «Мемориал» (СПб.) реабилитирован 21.05.1992 Прокуратурой РФ (пост. ОС КОГПУ от 31.12.1927 о высылке на 3 года в Сибирь); реабилитирован 16.06.2001 Генеральной прокуратурой РФ (решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 10.01.1929 и пост. Президиума ЦИК СССР от 20.02.1932 о высылке из СССР, лишении гражданства с запрещением въезда в СССР)¹.

¹ Справки о реабилитации №13/2182-90, №13-2200-99. Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Письма из Красноярска

Сергей Седов – Генриетте Рубинштейн

1935 год

Письма Сергея Седова к его жене Генриетте Рубинштейн хранятся в Гуверовском институте (Hoover Institution Archives) при Стенфордском Университете в Калифорнии (Stanford University): «Седов, Сергей Львович. Письма 1935 г. к Генриетте Михайловне Рубинштейн» (Sedov, Sergei L'vovich. Letters, 1935, to Genrietta Mikhailovna Rubenshtein)¹.

Бумага разного качества и формата – от ученических тетрадных листов в клетку до больших листов почтовой бумаги. Есть несколько открыток, посланных, как письма, в закрытых конвертах.

Почерк автора можно было бы назвать разборчивым, по крайней мере – устойчивым, но стопроцентному прочтению мешают следующие факторы. Седов пишет, как правило, в неудобном для письма положении – сидя на парковой скамейке, скрючившись на табуретке в полутемном коридорчике снимаемой квартиры, лежа в постели или стоя у конторки в почтовом отделении. На почте пишет перьевой ручкой, макая перо («уточка» или №11) в чернильницу, дома пишет карандашом, зачастую – химическим, что влечет за собой появление клякс и помарок, размывание текста при намокании или повышенной влажности воздуха.

Орфография и пунктуация в письмах почти современные, случаи отклонений по невнимательности не требовали сохранения, поэтому тексты приведены к современной норме.

Читая письма, необходимо помнить, что С.Седов находился в Красноярске, куда приехал не по доброй воле, а под конвоем и где первые недели провел в тюрьме – без нормального жилья, без работы и, соответственно, – без зарплаты. Занятия его были – ежедневно обходить учреждения, куда бы его могли взять на работу, и навещать в приемную директора завода Красмаш в ожидании ответа на

¹ Публикация С.А.Ларькова. Подготовка к печати Е.В.Русаковой.

этот же вопрос. В остальное время он тосковал. Не будем конструировать легенду о том, как он прогнозировал свое отдаленное и ближайшее будущее. В письмах на это есть слабые намеки – мы вольны интерпретировать их как угодно.

Все свободное время он писал письма Генриетте Рубинштейн. Он начинал письмо вечером дома, продолжал дома же утром, потом отправлялся по делам, а затем шел на почту. Если писем от нее не было – делал гневную приписку там же, на почте. Если было – делал счастливую приписку. Заодно описывал события, происшедшие с ним в течение дня.

В письмах есть слабые намеки на попытку нумеровать письма. Но его попытки не были слишком тщательными: он частенько забывал об этом, а чаще пугал нумерацию. Поэтому нумерация писем в публикации опущена.

У публикуемых документов довольно сложная биография (будучи пересылаемы по одной-две страницы в письмах из СССР в США, они могли пропасть) – в корпусе имеются утраты. Несколько недатированных отрывков, заинтересовавших нас своим содержанием, мы все же решили опубликовать.

4/VIII 35.

Милая Женюша!

Вчера в 10 часов вечера выехал из Москвы.

В Красноярске буду 8-го августа.

Так много времени прошло, так много хочется сказать, а я не могу связать двух слов. По отдельности все кажется таким мелким и ничтожным.

Свидание прошло очень натянуто, тому было много причин. Но больше всего я волновался о том, выражаясь образно, – на каких ты придешь парусах, белых или черных. Прошло ведь так много времени, и может быть, думал я, твои передачи это только *devoir d'honneur* (долг чести). Не сердись, пожалуйста. Чего не придумает, сидя в одиночке.

Еду я в прекрасных условиях, настроение тоже прекрасное.

Я напишу тебе еще с дороги, и когда разберусь и приведу в порядок весь хаос в моей голове, то напишу подробней и лучше.

Крепко-крепко тебя целую, моя милая Ресничка!

Я забыл на свидании ответить на привет твоей мамы и Андрея¹.

Кланяйся им обоим и скажи, что я очень благодарен за внимание.

Передай О.Э., что я ее крепко целую и напишу ей на ближайших днях.

Пока все, для писем ситуация пока еще не совсем благоприятная. Еще раз целую.

Сергей

P.S.

Как твои взаимоотношения с О.Э. Я боюсь вашей дружбы, во всем этом есть какая-то Достоевщинка, и мне чего-то страшно. Может быть, это глупо, но я очень прошу тебя, будь осторожной.

Надеюсь, ты простишь меня за нелепое это письмо.

Я очень скучаю по тебе, мне так много хочется тебе рассказать.

Еще раз крепко-крепко тебя целую.

Сергей

¹ Возможно, имеется в виду первый муж Г.Рубинштейн Андрей Болтянский.

7/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Утром проехали Омск. Сейчас 3 часа по московскому времени. Т.к. мы движемся почти по параллели, то отличие Красноярского времени от Московского довольно значительно – около 4ех часов.

Поезд опаздывает на 5 часов, так что в Красноярск приедем завтра по местному времени часов в 11 вечера. Обстоятельство малоудобное.

Ландшафт сейчас унылый. Что касается самого Красноярска, то я уверен, что ты имеешь о нем больше сведений, чем я. По слухам, городишко очень опрятный, – но об этом напишу с места.

Дорогая Женюша! Пиши мне побольше, твои письма я буду ждать каждый день с нетерпением. Я уже сейчас ясно представляю себе, как надою на почте.

Вот один из диалогов, который придется выслушать некоторым красноярчанам:

На почту робко входит Седов и спрашивает трепетным голосом:

– Седову до востребования – нет?

(Почтовый чиновник – сухо):

– Нет!

(Седов, совсем робко и заискивающе):

– Может быть, Вы не там посмотрели?

(Почтовый чиновник – явно недружелюбно):

– Да я же знаю!

(Затем быстрыми движениями пальцев перебирает пачку писем, Седов тревожно следит за мелькающими, как ассигнации в руках кассира, конвертами – ему страшно, что чиновник, упивающийся ловкостью и быстротой своих движений, пропустит его письмо. Крупные, как слезы, капли пота скатываются с его лба. Чиновник с деловым видом, не глядя на него, кладет письма на место, берет ручку и продолжает писать. Поведение его нагло и оскорбительно, хотя по форме вполне вежливо.)

Седов покидает почту походкой человека, провалившегося на дипломной защите.

На следующий день ситуация обостряется. Я опишу ее тебе, как только представится случай (иными словами, довольно скоро).

Перехожу к делам.

Мне нужно сюда переслать довольно много книг, я напишу об этом О.Э., она тебе укажет, какие. Посылать их можно бандеролью по 2–3 книги, т.к. сразу все мне не понадобятся.

Кроме того, мне необходимо покупать выходящие книги из области термодин[амической], химич[еско]-термод[инамической] и физической химии.

Лев Лаз[аревич] и Бор[ис] Моис[еевич] оба покупали книги, которые покупал и я. Если эти мужи не подходят под строки Арбитра Петрония: «Дружба хранит свое имя, покуда в нас видится польза...» и т.д., – то, может быть, кто-нибудь из них покупал бы книги и для

меня. Труда это не составит никакого, стоимость книг будет, конечно, оплачиваться.

(Проехали разъезд Карапузово.)

Меня волнует термодинамика (*нрзб*), один том вышел и куплен мной, я боюсь пропустить остальные.

Нужно мне выписать некоторые журналы, но это я посмотрю на месте.

Пришли мне, пожалуйста, записную книжку (портативную), несколько карточек с твоей рожицей и журналы с моими статьями.

Если моя статья в «Технике воздушного флота»² не напечатана из-за авторской корректуры, то бери смело гранки и оригинал, если никто не поможет, правь сама, корректорские знаки тебе кто-нибудь покажет. В «Вестнике инженеров»³ моя 3-я статья, из-за которой были смешные споры, возьми ее оттуда и пришли мне.

Пришли, пожалуйста, и мои две счетные линейки.

Получила ли ты деньги за мои статьи в «Авто-тракторном деле»⁴ или нужна доверенность, там должно быть около 100 р.

Если вышла статья в «Техн[ике] воздуш[ного] флота» (только вот я не совсем уверен, что журнал так называется), то там можно получить р[ублей] 250–300. Нужна ли доверенность?

Кроме того, я не получил денег в ДУКе⁵. Это очень далеко, если бы Л.Л. согласился, я прислал бы доверенность на его имя – там тоже рублей сто или больше.

О финансовых делах пока не пишу, там будет видно.

Как твои подруги?

Кланяйся им от меня.

Не было ли у тебя каких-нибудь неприятностей в связи с этим неудачным замужеством.

Хорошо бы у Мишеля (из Черкизова) достать наши карточки (может быть, ты напишешь ему открытку).

Меня беспокоит здоровье О.Э., она сильно похудела.

Сейчас напишу ей письмо.

Напиши мне, пожалуйста, о ней.

За последние пять месяцев я пополнил свои знания по латыни. Например, я знаю, что тебя зовут – *Argenteum Cilium*. Это звучит немного ботанически, но не бойся, я не собираюсь помещать тебя в гербарий.

Я знаю, кроме того, что *quibuscumque viis* – значит любыми путями, что древние греки, накрыв свою жену с любовником, вставляли последнему (о боже!) в задний проход редьку (какое странное употребление корнеплодов!). Весь этот процесс по-гречески выражается одним словом, но я его забыл. О странной манере бритья у греческих женщин я Вас уже неоднократно оповещал.

Я надеюсь, что посторонний зритель в момент чтения тобой заключительной части письма с удивлением констатирует странное подергивание твоих ушей.

Крепко, крепко тебя целую, моя милая Ресничка.

Сергей

¹ *Nomen amicitiae sic, quatenus expedit, haeret...* (Сатирикон, гл. 80).

² Вероятно, статья была снята редакцией.

³ Вероятно, статья была снята редакцией.

⁴ Удалось обнаружить только одну статью, см. примечание 4 на с.151.

⁵ ДУК – Дирижабельный учебный комбинат.

12/VIII 35 г.

Дорогая моя Женюша!

Я сейчас нахожусь в Красноярской пересыльной тюрьме. Дальнейшая моя судьба заключается в том, что я должен быть направлен на работу. Когда и куда – неизвестно. По всей вероятности, скоро.

В моем постановлении (особого совещания) сказано, что я ссылаюсь в город Красноярск, в отличие от многих, у которых Красноярский край.

Если я буду отправлен куда-нибудь вне Красноярска, то попробуй выяснить в Москве, входит ли в компетенцию местных органов НКВД распоряжаться мной по всему краю, если в постановлении особого совещания сказано город Красноярск.

Как только попаду на свободу, дам тебе телеграмму, надеюсь, что ты ее получишь раньше этого письма.

Настроение слегка хмурится, лирические ноты осыпаются – последнее это от контрастирующей обстановки – она изумительна – неповторима по своему колориту.

Но я не могу удержаться, чтобы не написать тебе, моя милая Ресничка, что я полон нежно-пламенной любви к тебе. Я впервые пишу это слово, мне как-то стыдно произносить его, очень оно, бедное, потрепанно.

У меня рука не поднимается писать о своих чувствах, и я боюсь, что мои письма кажутся тебе черствыми, а мне хочется сказать тебе так много – надавать тебе массу ласковых эпитетов, но на бумаге они выглядят как-то глупо.

Алкей в своем стихотворном послании к Сапфо писал

«Мне хочется что-то сказать тебе, –
но мне стыдно»

(за точность не ручаюсь). Он боялся произнести слова любви, а я, когда пишу их, то стыдливо озираюсь. Если б ты слышала, в каких диалогах мне приходится участвовать во время писания этого письма!

Наглый параллелизм с Алкеем я пишу под шум спора о сапогах, шелест *clorpus vulgaris* и собственный кашель (немного болит горло от махорочного дыма).

Если ты начала высылать книги, то остановись.

От тебя писем пока не имею, т.к. не попал на почту, но мне обещали письма доставить.

Не помню, писал ли я тебе, что мне еще давно приходило в голову, что твой брат острит: «наша сестра в “русские женщины” записалась».

Если меня отправят куда-нибудь в глушь, то тебе придется отречься от этой роли – это трудная роль. Не стоит. Я думаю, ты сама с этим легко согласишься.

Впрочем, не будем заглядывать вперед, мы еще спишемся. Во всяком случае, к мысли, что нас ждет неудачная ситуация, тебе следует подготовиться.

Для меня она будет несколько трудней, чем для тебя, но ладно, поговорим об этом всем после.

Крепко-крепко тебя целую, моя милая Ресничка.

Твой Сергей

P.S. 14/VIII. Милая моя Ресничка, до сих пор не удалось отправить письма. По дополнительным сведениям, ссыльных в Красноярске не оставляют. Мне сказали, что на мое имя писем на почте нет. Это меня беспокоит.

17/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Еще по дороге сюда, в Красноярск, я беспокоился о том, чтобы подарить тебе букет цветов 14-го или 15-го (!) числа, и я с некоторой грустью думал, что мне

в Москве некого попросить об этом. Это было даже немного обидно – прожить в Москве целых семнадцать лет и, уехав, не оставить там никаких друзей. Отчасти это хорошо – некому радоваться по поводу моего отъезда.

Мне сказали, что на почте писем на мое имя нет, – это странно. Еще несколько дней, и я начну нервничать, ведь свидание наше было двадцать дней тому назад, и я надеялся, что ты вскоре же напишешь мне.

Я послал тебе четыре письма, три с дороги и одно отсюда, из красноярской пересыльной тюрьмы.

Мое положение пока без перемен – что будет дальше, неизвестно.

Почему от тебя нет писем!?

Ты не можешь себе представить, как было бы радостно для меня иметь твое письмо, сколько раз я бы перечитывал его! Это не упрек, я уверен, что ты писала мне, но я начинаю беспокоиться.

Фантазия работает пока еще бледно, но скоро мне ясней и ясней начнет представляться, что с тобой что-то случилось.

Прошел целый год... как много событий, как много перемен: от Черного моря до Енисея. Это самый бурный, самый насыщенный год в моей жизни.

От радости видеть тебя до печали не видеть.

И ведь так еще недавно я мог позвонить тебе по телефону, встретиться с тобой.

Почему от тебя нет писем!?

Жаль, что нельзя в письме передать интонацию этой фразы.

Я глупею вдали от тебя.

Я болен Генриэттотропизмом, и я могу увянуть.

Я болен Генриэттотропизмом, и я могу расцвести.

Почему от тебя нет писем!?

Мне душно без них.

Я не упрекаю тебя. Я уверен, что ты писала мне.
Я люблю тебя, и мне сейчас грустно.
Крепко тебя целую и беспокоюсь о тебе.
Я люблю тебя, и мне хорошо.
До свидания, моя милая Ресничка!
Сергей

18/VIII 35 г.

Письмо удастся отправить только завтра. В последнем письме №4, которое я тоже писал из красноярской пересыльной тюрьмы, я сообщал тебе, что меня, очевидно, в Красноярске не оставят. На всякий случай повторяю это здесь вместе с просьбой выяснить в Москве, входит ли в компетенцию местного НКВД изменение решения Особ[ого] Сов[ещания], где сказано гор. Красноярск.

Здесь нашлось еще несколько человек с таким же приговором, как у меня, и в Красноярске их не оставляют, так что надежд мало. У большинства же ссыльный приговор Красноярский край.

Сколько я здесь пробуду, предугадать трудно. Возможно, что еще дней 10–20. Условия здесь резко отличаются от московских во всех отношениях.

Первые десять дней, они уже прошли, колоритность условий представлялась крайне занимательной, сейчас начинает немного надоедать. Хотя не сегодня-завтра меня ждут внутренние перемены. Часть ссыльных отправляют на 800 км от железной дороги по рекам Енисею и Ангаре, возможен и Туруханск.

После моего отбытия с письмами будет сложно, поскольку между нами железной дороги не будет.

Общее настроение у меня не пессимистическое, абсолютно нет, я твердо решил приложить все усилия, чтобы хорошо устроиться, и думаю, что это возможно.

Если тебе кажется, что я помрачнел, то это результат первой усталости. Я очень много перенес за минувшие месяцы и сильно утомлен, мне хочется скорей на место и мне хочется иметь твое письмо.

Крепко целую.

Сергей

20/VIII 35 г.

Милая моя Женюша!

Послал тебе вчера телеграмму и сегодня вторую. Вчера получил твое письмо от 8/8 и сегодня от 12/VIII. Я только вчера был выпущен и поэтому раньше ничего поделатъ не мог. Посылал тебе телеграмму еще дней пять тому назад, но не знаю о ее судьбе ничего...

Очень меня гнетет положение с О.Э., с нетерпением жду ответа на мою телеграмму. Ужасно все складывается, я удивляюсь причиной ее мытарств и ничем не могу помочь. Что делать, неужели я должен быть виной ее жизненных невзгод. Кажется, достаточно моральных страданий я ей принес. Теперь очень... Особенно тяжело чувствовать свое бессилие.

Я пишу из полумрака лесного ин[ститу]та. Новое, наполовину построенное здание, пыль, грязь, стук. Предлагают читать детали машин, я согласен даже на курс гидродинамики (шучу, конечно!). Одет в чужие ботинки и калоши, мокрые ноги в волдырях, беспросветный дождь на улице, ночь спал у местного алкоголика в передней (пришлось его предварительно напоить), но все это чуха [так!], которая, максимум, вызывает у меня игривую улыбку.

Пользы за прошедшие полгода я получил много.

Неужели ты не получила моих писем? Одно письмо с дороги я отправил О.Э., о судьбе его не знаю ничего.

Как только устроюсь, телеграфирую, надеюсь, телеграмму ты получишь раньше письма.

Сейчас я жду заведующего учебной частью. Весь вопрос будет в комнате. Публики квалифицированной здесь нет, а я, право, неплохой работник. Если бы не мое *civiculum vitu*¹, то здесь можно было очень сносно устроиться.

Посмотрим.

Города еще не знаю, трамвая нет, в общем, не лучше Ногинска.

Комнату в стиле Полины Конст[антиновны]² мой алкоголик попытается мне найти.

За истекшие полгода вкус водки не изменился.

Не думай, что я пошел по этому пути на радостях свободы. Я за заботами почти не почувствовал ее, это был единственный способ, правда, рискованный, найти себе ночлег. Хотя погоду такую я очень люблю. Но ночевать на улице я предпочитаю в другое время.

Вообще я отвык от комфорта.

В параше розы не цветут – прошу простить за вульгарность афоризма.

Крепко тебя целую, очень беспокоюсь о Леле, что с ней? Как она? Я ей не пишу, т.к. не знаю когда [будет] она в Москве, то [клякса, нрзб.] целую. Дай ей прочесть мое письмо. Получила ли она письмо с дороги?

Сергей

¹ Жизнеописание, биография (*лат.*).

² Вероятно, хозяйка комнаты, которую снимали в Москве Сергей и Генриетта или в которой они иногда встречались.

21/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Получил твою телеграмму. Тяжело очень получилось с Лелей. Я не знаю, дошло ли до нее мое письмо. Я там писал о материальных делах. Не знаю, как обстоит дело и со всеми вещами – получены ли мои деньги из МАИ¹ и сколько их. Во всяком случае, пусть она расходует, сколько ей нужно. Если кассу олицетворяешь ты, то переведи ей в Воронеж половину имеющихся денег. Я ей писал, чтобы она не стеснялась с деньгами, еще не зная о ее высылке. Ей нужно отдохнуть. Мне трудно отсюда ориентироваться в финансовой и материальной ситуации в Москве. Бесспорно одно, что нужно сделать все возможное для нее на этом поприще. Неужели она заняла позицию экономии денег для себя из тех соображений, что они «принадлежат» мне. Продана ли мебель? и проч. Очень трудно представить себе истинное положение вещей. Я ей напишу в Воронеж до востребования.

Это не вас, моя милая Генриэтта, постигла эта участь? Тогда я был бы очень доволен: во-первых, ты от меня не сбежишь, а во-вторых, ты будешь знать в следующий раз, что значит выходить замуж по любви, в-третьих, ...; в четвертых, ...

Пишу из Красноярского парка – хвалили мне его долго и упорно и, как это ни парадоксально, он действительно неплох. [Далее следует довольно длинное описание парка, могучих кедров и проч., которое мы здесь опускаем.]² Могучих кедров, впрочем, я не видел.

Мне кажется, что мои письма представляются тебе надуманными. Это неверно. Может быть, они нелепы, но то, что я пишу, получается совершенно спонтанно (самопроизвольно), и по кавардаку, который наполняет мои письма, ты можешь приблизительно судить о том беспо-

рядке, который творится у меня в голове. Приблизительно – потому что в письмах я еще сильно сдерживаю себя.

Ношу с собой курс «Детали машин», но трудно изучать его в парке, думая о тебе, не зная «сопротивления материалов» и ожидая дождя и прописки в милиции.

Обстоятельства складываются так, что я, по всей вероятности, буду принят на работу в Сибирский лесотехнический ин[стит]ут. Тогда на днях получу комнату – возможно, даже с уборной (Ура!). Я вижу, что ты щуришь ноздри, – разве ты против уборной?

Прошел дяденька с колокольчиком и дал мне понять, что я должен уйти. Последнее время ты ассоциируешься у меня с небольшим совершенно голым и хорошо загорелым дельфином, а иногда с крупным, гладким с шелковистой нежной кожей, но обязательно загорелым поросенком.

Неисповедимы законы наших ассоциаций (последнее неверно).

Кстати, автор этого творения посетил меня однажды ночью. Мы долго спорили с ним, я выступал примерно с той позиции, которую должна была занять ты. Люций Аней³ громил меня по всем швам – величественный и спокойный, он почти презрительно сокрушал мои доводы, и он, возможно, одержал бы верх, если бы не отвратительная привычка сморкаться в тогу (у старика на сморк), которая так нервировала меня, что я прогнал его.

Привет твоей сослуживице – по одному мелкому признаку мне казалось, что ее слегка коснулся поднятый мной ветер.

Кланяюсь твоей маме, к которой всегда испытывал чувство глубокой симпатии. Передай ей, что я прошу прощения за тот переполох, который внесен мной в ваш дом.

Прилагаю мое письмо к Леле (можешь его прочесть), посылаю тебе, т.к. не знаю адреса и у меня только один конверт.

Жду от тебя писем, строю всякие выкладки, когда они должны прийти, надеюсь, завтра что-нибудь будет.

Ведь твои письма – это моя единственная пища в Красноярске.

Крепко тебя обнимаю и целую, моя милая Ресничка.

До скорого свидания.

22/VIII

Какова судьба моей литературной энциклопедии?

Магазин, к которому я был прикреплен, – на Серпуховской. Сейчас пишу из читальни Л.Т.И., только что вернулся с почты, где нет на мое имя писем.

Что же это такое?

Ты все-таки поросенок, первое письмо написано тобой 8/VIII, т.е. в день моего прибытия в Красноярск, и если бы я сразу попал на свободу, то целых восемь дней до 16/VIII ходил бы на почту за письмами. Я очень доволен, что был лишен этой возможности, совершенно серьезно – эти дни были бы для меня высочайшей мукой. В поезде я надеялся, что по прибытии меня будут ждать уже 2–3 письма, т.к. свидание было 28/VII и я думал, что ты уже на следующий день писала мне. Как видишь, все к лучшему, хорошо, что я провел десять дней в заключении.

Сейчас смотрел журнал с моей статьей «Гутап»⁴ авто.-тракт. В заголовке потрясающая опечатка: вместо «термодинамической» напечатано «динамической», в тексте тоже много опечаток (это между прочим, т.к. мне

совершенно безразлично – читать все равно никто не будет).

Заниматься пока не могу – отсутствие уверенности, что я принят на работу, и главное – уже лишают меня всякой инициативы. Нет бумаги, тетрадей.

Скоро ли мы увидимся, черт возьми!

Если я даже получу комнату на этих днях, то все же нужно привести ее в человеческий вид – обзавестись мебелью и проч. А времени на это не будет, т.к. придется действительно заниматься. Если бы начало занятий не первого сентября!

Я бы им показал!

В Москве осталось много всяких моих записок, конспекты лекций, мой диплом? И проч. Что с этим всем случилось? Жду от тебя вестей. Сообщи, как идут письма воздушной почтой. Простые сюда доходят на 7ой – 8ой день. (Получила ли ты 600 р.?)

Не забывай меня! – а то я зачахну.

Состояние у меня неуравновешенное. Иногда мне кажется, что все пустяки, что я могу еще десять раз пережить все сначала (увы – ты не знаешь, как разворачивались события), а иногда мне кажется, что достаточно еще небольшого толчка, и все закончится апоколокипрозисом⁵.

¹ МАИ – Московский авиационный институт.

² Квадратные скобки принадлежат С.С.

³ Возможно, имеется в виду Люций Аней Сенека.

⁴ *Седов С.* О сравнительной динамической оценке идеальных циклов Дизеля и Отто / Автотракторное дело: Журнал Главного управления автотракторной промышленности (ГУТАП) и Научного автотракторного института (НАТИ). 1935. №4. С.125–129.

⁵ Вероятно, это изобретенная С.С. болезнь, сконструированная из «апокалипсиса», «кризиса» и «апоплексического удара».

[22/VIII 35 г.]¹

Милая моя девочка!

Твое письмо вместе с огорчением по поводу событий с О.Э. принесло мне столько счастья, столько радости, что мне даже стыдно. Но я так люблю тебя, я так волновался, так тосковал по тебе, что ты не можешь себе представить всю мою радость, все мое счастье.

Я писал тебе с дороги о том, «как я жажду узнать, чем ты дышишь, что ты думаешь».

Милая моя Ресничка!

Будем исповедовать учение доктора Панглоса².

Может быть, и правда – все к лучшему, может быть, наши невзгоды, преграды, стоящие на нашем пути, только дадут глубже почувствовать наше счастье.

Надо надеяться, что мы сумеем возвыситься над блестящим окончанием «Кандида».

Милая, дорогая Ресничка!

Я так тебя люблю, что мне хочется спеть тебе арию Мазепы.

Неужели мы скоро увидимся?! У меня хватило бы сил ползти до Москвы, чтобы увидеть тебя.

В письме, которое я не успел тебе отправить, оно в моих вещах, которые лежат в «Доме крестьянина», я писал тебе, что глупею вдаль от тебя.

Поэтому не удивляйся моим письмам.

После двух часов перерыва продолжаю прозу.

Был [у] Зав[едующего] учеб[ной] частью, взялся читать лекции по «деталям» и «узлам» в разных потоках, где с середины, где с конца. Ответ через три дня (по каким причинам – ты со свойственной тебе проницательностью догадываешься).

Обещают комнату.

На подготовку у меня будет семь дней (ну-ну!).

Чтобы преподавать детали, надо знать сопро-
тив[ление] матер[иалов].

В общем, забавно.

Пишу уже с почты, надо спешить, алкоголик си-
дит без ботинок и ждет моего прихода.

Завтра обувная проблема будет улажена, описы-
вать ее здесь очень длинно.

Крепко, крепко целую, моя милая Ресничка.

Твой водочирикающий

Сергей

В городе нет конвертов, что задерживает отправку
писем.

Посылаю образец моих шахмат.

¹ Фрагмент письма без даты. Датирован по содержанию.

² Доктору Панглосу, наставнику вольтеровского Кандида,
принадлежит сентенция: «Говорить, что все хорошо, – глупость.
Правильно говорить: все к лучшему».

22/VIII 35 г.

Милый ты мой! Рожица ты моя!! Сколько радо-
сти!!!

И я, глупец, имел возможность в поезде перерыть
весь чемодан и не догадался. Поистине я отупел.

Если б ты знала, какое счастье я нашел в одном из
конвертов. Сегодня я заходил в тюрьму, где лежат почти
все мои вещи, и выбирал самое необходимое (зашел же я
за старыми ботинками – от новых у меня на ногах всякое
безобразие), там я наткнулся на бумагу, а в ней конверты.
И только сейчас, «дома», в одном конверте я нашел твою
рожицу¹.

Твоя надпись принесла бы мне тоже много-много радостных минут. Я уже с дороги писал тебе о своих волнениях и сомнениях.

Сейчас я прописан, так что имею пристанище на ближайшее время. Вечером на улице встретил директора, и он обещал дать мне завтра окончательный ответ.

Если будет комната, то я им пропишу «Детали машин». Пусть знают московского доцента. Аудитория будет содрогаться от восторга, а в день твоего приезда будут массовые истерики и несколько смертей в зале.

Я немножко почитываю «Сопrotивление», а по деталям, как выяснилось, у меня есть даже напечатанное оригинальное исследование – «Вестник стандартизации», 1931 г., кажется, №6². Если бы оказалось возможным достать этот номер, то было бы неплохо. Я имею нелепую привычку не сохранять свои работы, у меня был один номер этого журнала, и пришлось его отдать в комиссию для получения доцентуры.

Я все время посматриваю на твою мордашку, игриво выглядывающую из конверта, и глупо улыбаюсь. На шее у тебя висит список грехов твоих, я стараюсь рассмотреть, не появилось ли там еще что-нибудь, но не вижу. Моя попытка найти какое-нибудь латинское или эллинское «мо»³ для твоего монисто из ласк и поцелуев окончилась неудачно. Ожерелье Гармонии мало подходит. Есть одна аналогия с дочерью фараона, но она слишком остра.

По всей вероятности, латинское «мо» есть – оно должно исходить от католической церкви, и смысл его должен быть таков – помни о грехах твоих, по аналогии с *memento mori*⁴!

В день окончания мной института 31 окт[ября] 1930 г. я обратился к моим собутыльникам – еще не окончившим студентам и говорил им «помню в бытность

мою еще студентом...» А теперь я буду писать тебе «Мы сибиряки...»

Слабо! Каюсь – очень слабо!

Во всяком случае, я освоил систему поедания кедровых орешков. Здесь продаются шишки, их приоткрывают, достают оттуда орешки и едят. Снобизм заключается в том, чтоб съесть все орешки, не ломая самой шишки.

Кстати, для местных ухажеров в этом продукте заложен целый клад каламбуров для заигрывания со стыдливими представительницами прекрасной половины красноярского народонаселения.

Нужно написать письмо маме, а я никак не соберусь. Свинство!

Сегодня непременно напишу.

Если от тебя завтра не будет писем, то я лягу на пол на почте и буду горько плакать.

Я очень люблю тебя. Я уже выдумал целую теорию по этому поводу сегодня ночью на своем ложе в прихожей, но мне лень излагать ее.

Под конец письма я напишу тебе о том, что мне давно хочется сказать тебе. Мне хочется иметь ребенка, но есть так много всяких «но», одно из них то, что это связало бы тебя со мной, а это в моем положении не совсем честно. С другой стороны, через несколько лет может уже быть поздно. Конечно, сейчас рано говорить об этом, но я пишу для того, чтобы ты подумала над этим.

Крепко тебя целую, моя любимая.

Твой Сергей

23/VIII утро.

Собираюсь на почту, перечитал письмо, оно какое-то нескладное, ну да бог с ним. Еще и еще крепко те-

бя целую. Ты мне снилась сегодня ночью. Милая моя (!!)
Ресничка – скоро ли увидимся?

¹ В архиве Ю.Аксельрод сохранилась фотография со следующей надписью на обороте: «Такую рожицу я положила в твои вещи. Если ты ее не нашел – на всякий случай посылаю вторично. Кроме того, в вещах есть фотография групповая: Оля, Мира и я. Мы сфотографируемся на этих днях и пришлем тебе (мы – это Оля и я).

Целую тебя, толстого и дорогого! Пожалуйста, ухитрись не похудеть – мне очень интересно – какой у тебя животик: Женя».

² *Инж. С.Седов.* О напряжениях, возникающих в гайке, в связи с зазорами по ОСТАм 95-а и 95-б // Вестник стандартизации. 1931. №7. С.48–52.

³ От фр. mot – слово.

⁴ Помни о смерти (*лат.*).

23/VIII

Напиши мне, пожалуйста, звенит ли моя серебряная ресничка, когда ты моргаешь?

Я никогда не прислушивался, но уверен – что звенит. Я даже стихи сложил по этому поводу. Стихи, конечно, ужасные, но это было необходимо, чтобы passer le temps¹.

Вчера вечером был на стадионе, немного поиграл в футбол и устроился играть в одной из местных команд.

Существуют ли в Москве мои футбольные доспехи?

Если бываешь на «Пар[ижской] Ком[муне]», отыщи там Гурия Сергеевича Сыроевского, я ему должен 8 р., возврати ему их, пожалуйста, и передай мои извинения за задержку. Кстати, я не помню, где моя теннисная ракетка. То ли она была дома, то ли хранится у него. Если ты там не бываешь, то специально ездить не надо. Можно позвонить, на стадионе есть телефон.

Кроме того, еще одна просьба телефонного характера. Я не помню адреса Саши (Циркового) – это смешно, ибо бывал я у него сотни раз. Мне жаль было бы совсем потерять его из виду. Позвони, пожалуйста, Борису Михайловичу Литвинович (коняшке), телефон есть в книжке, см. Литвинович – Тверская ул. Передай ему, что я в Красноярске – до востребования, и прошу его написать мне, где Саша, а последнему сообщите мой адрес.

Как ты смотришь на мое вчерашнее предложение?

Тебе, как я дополнительно писал, нужно немного подучиться щелкать на счетах и считать на арифмометре, остальное требует только некоторой сообразительности, у тебя ее с избытком хватит. Так что не сомневайся – больше смелости. Я уверен, что очень скоро ты здесь на этом поприще продвнешься.

Ты ведь у меня умная и образованная, и хорошая, и любимая.

Сейчас вернулся из бани – хорошо. Здесь отдельные номера с ванной. Приезжай, я тебя вымою – право вымою, приезжай!

Я смотрю на твою рожицу и впитываю теплоту и нежность твоих щек.

Не помню, писал ли я тебе о том, что прошу сохранить и привезти мне невзрачное короткое серое полотенце с голубой каймой – само оно розоватого оттенка.

Сейчас пойду на почту, отправлю это письмо и посмотрю – нет ли мне.

Хотя мне в Красмашстрое обещали ответ завтра, но я думаю, что дело затянется, т.к. директора сейчас нет в городе, а без него вряд ли решатся дать мне ответ. Так что положение мое между небом и землей продолжится еще, возможно, долго.

Сообщи, на какой день получаешь мои письма.

Разбираешь ли все, что пишу, что-то очень мутно получается.

Собираешься ли ко мне приехать? и если нет, то почему? и если да, то когда?

Приезжай, а то я совсем забыл вкус твоих ушей.

Крепко, крепко обнимаю и целую.

Сергей (пиши!) (пиши!)

Писем на почте нет.

23/VIII 3 ч дня

Красноярск, почта.

Право приезжай, – а какая у нас грязь!

Сегодня, положим, солнце, и немного подсохло. А когда у нас сухо, – какая здесь пыль! Приезжай, пожалуйста! Ну пожалуйста.

Ведь мы с тобой полтора жиды, неужели мы не устроимся.

Сейчас вернулся из Красмашвагонстроя. Я им нужен, был очень любезно принят старым инженером – профессором, заведующим техн[ической] частью, когда я с соответствующим выражением лица (вроде того, которое бывает у людей, сообщающих доктору о своей венерической болезни) оповестил его о моем положении, то он ответил мне:

– Ваш покорный слуга в таком же положении.

В общем, послезавтра ответ. Здесь надежд как будто бы больше. Но подождем.

Теперь возвращаюсь к полутора жидам.

Тебе нужно зайти в Московск[ое] представит[ельство] Красмашстроя или дирекцию Главзолота и предложить свои услуги для работы в плановом секторе.

Ты объяснишь, что ты инженер-плановик текстильного Ин[ститута], но знакома с плановой работой

вообще и согласна ехать в Красноярск на крайне мирнолюбивых условиях примерно 400 р. в месяц.

Здесь такой оклад получает, напр[имер], не окончивший студент IIIго курса.

Мой алкоголик, человек крайне малокультурный, заведует плановым сектором в каком-то учреждении и жалуется на бездарность сотрудников.

Ты, конечно, очень быстренько освоишься с работой. Авантюризма в этом нет никакого.

Ты можешь согласиться на крайне скромные подъемные или даже отказаться от них – проезд тебе, конечно, должны оплатить.

Если я устроюсь на Красмашстрое, то ты все равно будешь работать там, даже если просто приедешь ко мне (в том же секторе), так что мое предложение совершенно реально. Может быть, ты на месте создашь другой вариант, познакомившись с нуждами Московского представительства.

Но я думаю, что задумываться не над чем, тем паче, что если я не сумею устроиться, то тебе здесь должны будут дать комнату.

На этом семитская часть письма оканчивается.

Зима предстоит грозная.

Валенки (по-местному) катанки стоят здесь 120 р.

Я буду получать, если примут на работу, р. 500–600. Цены здесь мало отличаются от московских.

Как видишь, деловой тон первой половины письма не дает мне остановиться.

Крепко, крепко целую.

Приезжай, право приезжай...

Крепко обнимаю любимую Ресничку.

Сергей

¹ Провести время (фр.)

25/VIII

Положение делается все кошмарней и кошмарней.
И я должен честно сказать тебе, что виной всему ты.

И тебе не стыдно?!

Зачем ты так мучаешь меня !?

21 – ничего, 22 – ничего, 23 – ничего, 24 – ничего,
25 – ничего.

Я искренне и глубоко расстроен.

Мне очень обидно.

Я сдерживаю себя, чтобы не писать тебе каждый день по длиннющему письму, а ты не могла хотя бы через день бросать по коротенькой открытке.

Я вполне согласен с тем, что у меня больше времени и охоты писать, чем у тебя, но все-таки хоть немножко-то времени (полчаса за двое суток, и то много, – ну 15 м) ты можешь выкроить.

Ведь Ты – все, что у меня есть на белом свете. 22го вечером я нашел твою карточку – мне хватило радости на несколько дней. А сейчас мне очень грустно.

Я решил не писать тебе, пока не получу вестей от тебя, это очень глупо, потому что ты не почувствуешь и десятой доли тех огорчений, которые испытываю я.

Это, конечно, нехорошо с моей стороны обращаться к тебе с упреками, но у меня – серьезно – навертываются на глаза слезы.

Какие глупые мысли не приходят в голову [!]

Нервы у меня не в порядке, не сиди я в читальне Лесотехнического Ин-та, я бы расплакался.

Ты не сердись на меня, Ресничка, за упреки, – я пишу тебе то, что я чувствую.

Но это пустяки, моя хандра сейчас пройдет, т.к. мне надо бежать по делам в несколько мест. А дела – это лучшее лекарство от тоски.

Мое положение пока Status quo.

На днях все должно выясниться (т.е. буду ли я или нет принят на работу в Л.Т.И.).

Несмотря на неопределенность положения, я все же занимаюсь, даже не без успеха. Занятия отнимают время – а зачем оно мне без тебя?

Крепко тебя целую, мечтаю о предстоящей встрече, любящий тебя нелепо и беспредельно твой Сергей.

Просмотрел сейчас свое письмо, его очень трудно читать, т.к. плохой карандаш. Нужно заточить его, тогда легче.

Писал я из ресторана. Потом зашел в сад и сейчас вернулся на почту, откуда по автомату (его мало видеть, чтобы оценить его – нужно позвонить куда-нибудь) звоню на Красмашстрой.

Нужного мне человека нет, позвоню еще раз через 15 минут, но очевидно, придется ехать туда завтра с утра, т.к. иначе ничего не добьешься.

В ЛТИ взял книгу по пламенным печам, отрасль, которой мне придется заняться, если возьмут на работу. Читать пока не начинал – довольно с меня вступительной лекции и

$$P = \int_0^{\pi} \int_{D/2}^{d/2} \dots d\gamma dr$$

Что ты не пишешь?

На меня начинает находить хандра. Это, конечно, ненадолго. После твоего дневника мне еще острее захотелось видеть тебя.

Была ли ты в Московском представительстве СтройКрасмаша? Или в тебе не хватило еврейской крови?

Ты можешь прилететь ко мне на аэроплане. Это стоит 407 р.

Судя по письму Лели, в МАИ занялись явным бандитизмом. Я недополучил там по крайней мере 800 р. Я написал об этом Леле, и боюсь, тебе придется еще съездить в МАИ. Но это потом, когда я получу ответ от Лели.

Теперь распутать что-нибудь стало совсем трудно. Позвонил еще раз – без результата.
«Целую» тебя крепко-крепко.

Твой Сергей

26/VIII 10 ч 45 м утра

Получил сейчас сразу два твоих письма, безмерно счастлив, крепко целую милую Ресничку.

На письма отвечу сегодня вечером.

Номеруй, пожалуйста, их, я получил всего четыре от 8/8, 12/8, одно со справкой и одно от 19 и 20/8.

Тебе послал 3 с дороги, одно из тюрьмы и 2 из города, это седьмое.

Письмо, которое я тебе отправляю, очень нелепо, даже боюсь его перечитывать, пусть оно будет для тебя кусочком моего настроения (не характерного).

Ты помнишь, что ты написала на карточке, не на первой, а на этой, только что присланной. Ну так я тоже крепко тебя целую.

Пока, жду еще.

Мне стало легче – ты любишь меня. Конечно, и то я опять готов заплакать, но уже по совсем другим причинам.

26/VIII 35

г. Красноярск

Милая моя Женюша!

Очень глупое послал тебе утром письмо, раскаиваюсь, что отправил его.

Сейчас вернулся «домой» после целого дня путешествий и сплошных неудач. В Лесотехническом Ин-те мне отказали, хотя у них первого начало занятий, а лектора все нет и нет.

Был еще в трех учреждениях, в двух нужны только инженеры-строители, а в третьем не застал начальства.

Это последнее учреждение – Красмашстрой – большой завод, по ту сторону Енисея, – город с одной стороны, а завод и его жилые строения на другой. Проехали на катере по реке, она здесь не очень широка (две-три Москва-реки), но довольно живописна, как раз напротив города островок, на котором имеются кирпичные строения.

По слухам, на Красмашстрое работники нужны. И комнаты инженерам дают. Но принимая во внимание... не знаю, удастся ли там устроиться. Правда, я слышал, что там работают бывшие вредители, так что надежды есть.

Исколесил я сегодня по грязи верст десять.

А какая здесь грязь!

Помнишь, может быть, «Пышку», так это паркет по сравнению с нашей Красноярской грязью.

Несмотря на полное фиаско, которое я потерпел сегодня по всем швам, у меня так легко на душе – я так рад твоим письмам, что никакие мозоли и никакая усталость не угнетают меня.

Ты не сердись на параллелизм письма и мозоли.

Маяковский недаром писал:

А может быть, у меня гвоздь в сапоге
Кошмарней, чем фантазия у Гете¹.

Прости, что я задал тебе работу с «трусами», я в телеграмме написал так для краткости и имел в виду в основном книгу, а там что попадетсЯ.

Бедная моя Ресничка, сколько тебе приходится переносить из-за меня. Действительно несладко в Москве.

Ты узнаешь этот цветок ?! ²

Мой алкоголик очень мешает мне писать, и я никак не могу сосредоточиться. Очень жаль, что сорвалось Л.Т.И., я, признаться откровенно, был уверен, что устроюсь там. Я даже приготовил первую лекцию с двойными интегралами, чтобы запугать... студентов? Что ты? своих ассистентов.

Увы, увы.

Ты интересовалась, как я устроился. Вот, например, живописное пробуждение вчера утром.

Я слышу какой-то шум, открываю глаза и вижу над собой какую-то свиную харю. Это был герой местного двора, довольно уже крупный поросенок – «сына». Я выгнал его, но он несколько раз вламывался ко мне, открывая своим грязным пяточком дверь. Но вообще здесь совсем неплохо. Не хуже, чем у Полины Константиновны.

Что касается поручений, которые я давал, – то наплюй на них – пока мне ничего не нужно. Когда окончательно обоснуюсь, тогда и видно будет.

Ты помнишь, что ты писала о шерстке, так я отвечаю тебе тем же.

Милая моя Ресничка, как хочется скорей увидеться с тобой, какое это должно быть счастье. Неужели правда, что мы скоро увидимся? Если случится еще что-нибудь, то я боюсь, что приду в такое состояние, что сложу оружие.

Я уже почти умею готовить пельмени. Приезжай ко мне – я тебя угощу пельменями, право приезжай.

Как ты любишь упрашивать: ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну приезжай, моя лучистая, я буду ждать тебя.

Уже темно, пишу и ничего не вижу.
Крепко целую тебя, пиши мне, пожалуйста, чаще,
ну пожалуйста.
Надеюсь скоро обнять тебя.

Твой Сергей

¹ В.Маяковский. «Облако в штанах».

² Цветок до публикатора не дошел. Рисунок это или гербарий – не установлено.

30/VIII 35 г.

Красноярск, почта

От тебя опять 4ро суток нет вестей (вчерашее письмо не считаю, т.к. оно от 17/VIII).

Сегодня получил бандероль с книгой и журналом и письмо от Лели.

Письмо отправлено ею 22/VIII, а написано 20.

Письмо очень трогательное, хотя и не без уколов по твоему адресу. Последние, надо заметить, довольно метки. Она быстро схватилась за твою расчетливость – зная, что мне эта черта неприятна.

Впрочем, нельзя ее упрекнуть в желании сделать этим неприятность мне или тебе. Письмо очень искреннее и бесспорно свидетельствует о широкой душе его автора.

Я не буду перелагать его содержание, приедешь – прочтешь.

У ней удивительно все-таки тяжело сложилась жизнь.

Что она, бедная, будет делать одна в Воронеже?

Она написала одну фразу, которая особенно сильно дала почувствовать ее положение: «я буду одна и ко мне некому приехать».

Я так ясно представил себе, что было бы, если бы ты отказалась ко мне приехать и я остался бы здесь, обреченный на одиночество. Это было бы кошмаром! А она, бедная, находится в таком положении, и помочь ей совершенно невозможно.

Я буду писать ей, но не знаю, сколько в этом толку.

Крепко тебя целую
Пиши!

Сергей

31/VIII 35 г.

Милая Ресничка!

Вчера после отправления тебе письма получил от тебя бандероль с тетрадями, дневником и рассказами Олеси.

Твой дневник принес мне много-много радости, я несколько раз прочел его и прочту еще.

Каждая строчка очень дорога мне [большой кусок *нрзб.*, *клякса*]. Было бы интересно это по нему сопоставить всякие события.

Жаль, что я был лишен такой же возможности, тогда и я послал бы тебе объемистую тетрадь. В ней ты могла бы наблюдать результаты вивисекции моего мозга и моей нервной системы.

Меня радует твой оптимизм.

Первый предполагал аполокипрозис, второй апофеоз.....

..... [Так!]

В твоём дневнике есть приписка от 24 авг[уста], а писем я не имею с 20го.

То ли ты не писала, то ли еще не дошли?

Поиграл вчера в футбол под проливным дождем. Партнеры слабые и нет совсем дыхания (отсутствие тренировки), но удовольствие получил большое.

Звонил в Красмашстрой, просили позвонить в четверг.

Крепко тебя целую, очень тоскую по тебе, милая моя рожица.

Твой Сергей

[31/VIII]¹

Ах как хочется тебя видеть!

А сколько еще пройдет времени до нашей встречи?

Может быть, у тебя сошел пыл дневника?

Может быть, у тебя сейчас идет борьба интеллекта с эмоциями? и, может быть, у тебя побеждает первый?

А ведь он говорит тебе: куда ты поедешь? зачем?

О, я его хорошо знаю, ведь это он сейчас нашепнул мне это предположение.

И все оттого, что последнее твое письмо от 20го числа и уже пятые сутки ты не пишешь.

Крепко целую и обнимаю мою Женюшу, вспоминаю Пол[ину] Конст[антиновну], ночные приезды и отъезды. Радость встреч. Мне тогда мучительно долго казалось дожидаться, пока ты вернешься со смены.

А вот через три дня будет полгода как я жду тебя.

И я дождусь!!!!

Дождусь, чорт возьми!!

¹ Датируется по содержанию. Начало письма утрачено.

1/IX 35 г.

Красноярск

Любимая моя Ресничка!

Как я и ожидал, вопрос о моем приеме на Красмашстрой затягивается до прибытия директора, т.е. еще на несколько дней.

Писем от тебя все нет – целых шесть дней! От скуки начал читать «Пламенные печи» – вопрос, которым придется заняться, если возьмут на работу.

Сейчас пойду на вокзал обедать и возьму там свое грязное белье (вещи мои в камере хранения).

Завтра и послезавтра делать мне совершенно нечего, т.к. жду директора.

Грязное белье отдам стирать начальнице поросенка – местной хозяйке.

Ответ с Красмашстроя жду не раньше 7го или 8го.

Забыл старую нумерацию писем и начал сначала, по-моему, я послал 10 писем.

Жизнь моя – сера и пресна.

Все мысли устремлены к тебе.

То, что происходит кругом, воспринимается, как ненастоящее. Настоящее начнется только с твоего приезда.

Я уже 13 суток «гуляю» – и не чувствую никакой радости, только когда подумаю, что вот, может быть, скоро мы увидимся... а вопрос о твоём приезде все затягивается и затягивается.

Писем опять же ты не пишешь. Я тебе твержу давно, что глупею без них, а ты не веришь.

Смотри, пожалеешь потом!

Я сегодня уже гадал на картах – когда ты приедешь?

Стараюсь поджечь спичкой летящую муху – ничего не выходит.

Я и газеты совсем разучился читать. После игры в футбол болят ноги.

Волнуют меня странные и неразрешимые вопросы:

Были ли у цербера блохи и если да, то какие? моноцефалы? дуацефалы? или полицефалы?

Возможно, что блохи были у немейского льва, шкуру которого носил Геракл. Что это были за блохи, если они прокусывали эту шкуру?!

А как ты думаешь, у богов были блохи? Я думаю, что были.

Приезжай! у меня есть блохи, правда обыкновенные (*vulgaris*), но все же блохи.

Они, конечно, не прокусят даже простого котельного железа, но твое ватное одеяло [по которому я так скучаю! (ты не находишь, что я злоупотребляю скобками и восклицательными знаками?)]¹ они превратят в решето.

«Надо “сынку” кормить!»

«Да он уже поел».

Этот диалог я слышу из соседней комнаты.

Целый ряд показателей! Бесспорные факты! Мнения старых специалистов! Все сходится на том, что из «сынки» выйдут прекрасные пельмени.

Это пустяки, думаю я. Дай Женюша придет – вот выйдут пельмени.

Приезжай, моя девочка, – я из тебя пельмени сделаю!

Ты знаешь арабскую сказку о рыбаке, который поймал в сети кувшин за страшной печатью, когда он открыл его, там оказался джинн, который хотел убить рыбака. Он плавал в кувшине (вот это одиночка!) восемь веков. Тому, кто освободит его, он сулил всякие блага, все увеличивая и увеличивая их, а на восьмой век пожелал убить своего освободителя.

Так и я из своего «кувшина» давал всякие клятвы, и последняя такова:

Если ты придешь ко мне после 3го октября – я сделаю из тебя пельмени.

Рыбак потом перехитрил джинна, но я знаю продолжение сказки, и здесь это не удастся!

Но возвратимся к блохам.

Признаться откровенно – я их придумал, нет у меня никаких блох. Если это огорчает тебя, то вопрос легко уладить. Скажу тебе по секрету, я совершенно случайно знаю здесь в Красноярске одно место, где их очень много, ты только напиши – я приготовлю.

Ты замечаешь, что я все время запугиваю тебя: то грязью (кстати, тебе нужно купить в Москве высокие резиновые боты – которые похожи на сапоги), то пылью, то еще чем-нибудь.

Это делается для того, чтобы ты была приятно поражена, когда приедешь.

В действительности здесь: парадиз, Эдем – Вертоград – Елисейские поля – ананасово-апельсиновый Клондайк – пельменно-кедровый кринолин.

Когда Гейне писал:

«На Аахенских улицах скучно и псам

И молят они со смиреньем:

Прохожий, о дай нам пинка!

Может быть, он будет для нас развлечением!»² –

то он (Гейне) имел, по всей вероятности, в виду какой-нибудь город. Какой, я, конечно, не знаю. Но могу твердо сказать, что не Красноярск.

Пообедал – 4 р. 10 к.

Деньги тают быстро – не примите за намек.

Обратился к тебе на «Вы» и вспомнил, что ты очень не любишь, когда переходят на «Вы» во время ссо-

ры. А по ассоциации вспомнил, что ты не любишь, когда ходят в носках по камере, то бишь по комнате. Я хорошо помнил это и старался все время исполнять.

А как я мылся!

Как я мылся!

Разоблачение О.Э. по этому вопросу с формальной стороны совершенно справедливо.

Денег у меня осталось 380 р., так что пока все благополучно.

От писания этим проклятым карандашом болят пальцы, а то бы я еще страниц 10 исписал.

В твоём дневнике я встретил одно место, ты должна догадаться, какое. До сих пор я витал слишком высоко, чтобы это могло играть большую роль. Не считая небольшого отрезка времени, о котором я тебе своевременно расскажу.

А теперь, особенно последние дни, я напоминаю себе есенинского длинноволосого уroda³, который вызывал у тебя чувство брезгливости.

Так что приезжай скорей!

Кстати уж, еще четверостишие⁴ из Гейне:

Ой-ой-ой! { «О тело женское есть песня
В альбом миротворения.
Сам Зевс вписал его туда
В порыве вдохновения».

Кстати, все, что я цитирую в письмах, – это по памяти, и посему прошу простить, если имеются расхождения с подлинником.

Стихотворение это заканчивается так:

«Учу его и день и ночь
и принял много муки,
иссохли ноги у меня
в избытке сей науки»⁵.

Гейне, так всегда, шуткой скрашивает пафос.

Приезжай! у меня ноги отсохнут, ей богу, отсохнут!

Уже 9 часов вечера, по-московски – это пять часов. Что ты сейчас делаешь? Вернулась со службы? Ругаешься с братом, если он в Москве? Обедаешь? Может быть, думаешь обо мне?

Сейчас по радио передают доклад Шмидта – слушаю с интересом.

2/IX утро

Шмидта не дослушал и пошел спать. Ты снилась мне, а это бывает редко.

Я ударил тебя два раза по щеке, а потом бросился целовать.

Причины этого поступка описывать слишком долго.

Сейчас тронусь на почту – нет ли чего от моей Реснички?

С почты припишу на оставшемся клочке свои благословения или проклятия.

Крепко тебя обнимаю и целую, твой Сергей.

Трачу последний конверт, где твоей милой лапкой написан адрес. Целую лапку.

Писем на почте нет.

Целую крепко твою милую рожицу, моя единственная радость.

Целых семь суток

¹ Квадратные скобки принадлежат С.Седову.

² Последняя строфа стихотворения Гейне из цикла «Германия, Зимняя сказка», часть III (Deutschland, ein Wintermärchen, Caput III):

Zu Aachen langweilen sich auf der Straß
Die Hunde, sie flehn untertänig:
Gib uns einen Fußtritt, o Fremdling, das wird
Vielleicht uns zerstreuen ein wenig.

³ См. у С.Есенина («Черный человек»):

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

⁴ На слове «четверостишие» – пятно, обведенное в кружок, к нему сделано мелким почерком примечание: «это пятно служит доказательством того, что я ел помидор».

⁵ Первая и последняя строфы стихотворения Г.Гейне «Das Hohelied» (Эпиталама):

Des Weibes Leib ist ein Gedicht,
Das Gott der Herr geschrieben
Ins große Stammbuch der Natur,
Als ihn der Geist getrieben.

.....

Ja, Tag und Nacht studier ich dran,
Will keine Zeit verlieren;
Die Beine werden mir so dünn -
Das kommt vom vielen Studieren.

2/IX 35 г.

Милая Ресничка.

Купи две керосиновые лампы «молния» и автомобильные очки от пыли. У меня что-то глаза болят, кажется, местная пыль довольно зловредная.

Остерегайся воров в дороге.

Телеграммы от тебя нет и нет, что же это такое? – недоразумение? или издевательство?

Пора идти в баню. Или дожждаться твоего приезда?

Кажется, Панург давал обет не умываться, не сморкаться и т.д. до тех пор, пока не сбудется какое-то его желание.

Зарплату дадут, по имеющимся сведениям, не позже 8го, так что числа 10го ты должна получить 150 р.

Получил письмо от Саши, но ответить ему не могу, т.к., как я тебе писал, адрес его мне неизвестен, а он его не написал.

Вот если бы он проявил безрассудство в стиле Б.М., мне было бы обидно.

На службе пока тружусь только над составлением всяких бумаг – списков приборов, программ испытаний и проч. Скоро, вероятно, начнется проектная часть, а там пойдут и испытания. В общем, сейчас у меня еще некоторое время работы будет мало, а потом придется корпеть в поте лица.

Начинаются холода, т.е. их еще нет, но по слухам недели через две начнется шуга. Что это такое – путно не знаю сам, как будто сибирские реки замерзают долго, сперва по реке плывет, образовав куски льда, шуга, нечто вроде осеннего ледохода, а потом уже все это останавливается, и не в виде гладкой поверхности, а вроде миниатюрного арктического льда со всякими торосами.

Посмотрим.

Я подружился с Енисеем – он хороший.

Сегодня ночью мне снился неприличный сон.

Ты пишешь мне в одном письме, что воздержание вредно, как это понять?

Мне больше не о чем писать, я все уже написал тебе, даже самому почти ничего не осталось.

Писать о том, как мне хочется, чтобы ты приехала, и как я жду тебя, я не хочу, т.к. ты можешь подумать, что я тороплю тебя, а мне хочется, чтобы ты поступала так, как ты находишь нужным. Хотя в одном письме ты писала, что все равно будешь поступать по своему усмотрению, но я все же боюсь оказать воздействие, т.к. настроение у меня минорное.

Сейчас поеду на местное почтовое отделение (не поеду, а пойду), может быть, ты пишешь уже на тот адрес. Оттуда же отправлю письмо.

Все!

Крепко тебя целую и целую в кавычках, и целую без кавычек, и целую нежно, даже строго – чопорно. Цветы уже кончаются – очень жаль.

Завтра семь месяцев нашей разлуки, насчет пельменей я шутил (получила ли ты это письмо), право шутил. Ты можешь не бояться.

Скоро, после первых морозов, «сына» будет кончать свою молодую жизнь, а жаль – такой способный ребенок.

3/IX 35 г.

Вчера получил наконец твою телеграмму и тут же отправил ответ, а на местной почте получил бандероли с книгами.

Из твоей телеграммы совершенно не видно, когда, хотя бы ориентировочно, ты хочешь приехать, видно только, что проявляешь какую-то деятельность в этом направлении, но когда ты приедешь, неизвестно. Эта неопределенность очень гнетет меня. Идет ли речь о днях, неделях, месяцах – ничего неизвестно.

Может быть, ты и сама еще не знаешь, но тогда, очевидно, есть этому причины, может быть, задерживает паспортизация, которая еще точно неизвестно, когда именно начинается. Тогда надо было телеграфировать, что ты задерживаешься из-за этого.

Мне нужна какая-то почва, а то очень уж мучительно надеяться, что вдруг ты на днях можешь выехать, а может быть – это будет только через два месяца.

Ты, очевидно, не представляешь себе этого состояния. Может быть, ты еще сама не решилась, как по-

ступить, так и об этом надо было сообщить, и то как-то легче.

Я не тороплю тебя, еще раз напоминаю об этом, я просто хочу быть в курсе вещей. Если ты ждешь паспортизации, то жди, конечно, это очень существенный вопрос, всесторонне существенный, но сообщи об этом мне, чтобы я знал, что мне нужно ждать еще, предположим, три или два месяца.

Я упрекаю тебя в том, что ты держишь меня в полном неведении о своих планах, хотя я и в письмах и в телеграммах просил информировать меня.

На этом моя ламентация оканчивается.

N.B.

Среди моих бумаг была справка из МАИ, специально для ДУКа, о том, что я работаю доцентом, если она у тебя, то возьми ее с собой, когда поедешь туда, т.к. там могут заплатить по ассистентской. Дал я там, по-моему, 19 часов, что должно составить около 150 р., но точно не помню.

Я тебя очень люблю. Очень-очень.

«Целую».

Твой Водочирикающий

2/IX 35 г.

Милая Женюшь!

Прочел сейчас «Строгого юношу».

Забавно, что там затронута тема нашего спора
3/III 35 г.

Вещь для Олеси очень слаба. Людей совсем нет – одни силуэты. В особенности Маша – это галантерейно-парфюмерная фея (любовь героя) – флаконы, пудреница, складки платья – трельяж.

Ты можешь сказать, что я изрекаю трюизмы, у меня так изредка бывает.

Предположим.

Но почему?

Почему Олеша, такой натуралист в предметах и положениях, такой любитель выпукло и сочно подать ощущение, подчеркнуть мелкую деталь – он рисуется своей наблюдательностью – сейчас же прячется за силуэты или гротески, когда дело доходит до социальных вопросов?

Потому что нужных ему живых людей нет. И если он попытается их выдумать в натуралистическом аспекте, то будет противно читать. И он это понимает прекрасно.

Меньше всего сказанное распространяется на Машу.

Что касается формальной стороны вещи, то она очевидно в десятки раз слабей «Зависти», «Вишневой косточки» и пр.

Олеша, конечно, отдельно творит свои вещи: по кусочкам он собирает мелкие впечатления, своеобразные параллелизмы и ощущения и затем уснащает ими абсолютно сепаратно продуманную фабулу.

В этом же рассказе из-за формы изюминок нет совсем (впрочем, может быть, форма и продиктована тем, что в обычной его манере ничего не выходит).

Перейдем к сюжету.

Последний напоминает слегка драмы Ибсена или даже Андреева. Ученый, или художник, или скульптор, его жена, его друг и 4ое лицо. (Обрати внимание! Ученый обязательно богат!)

Все это на нашем фоне натянуто, а вообще тривиально.

Дело не в этом! Это нарочно, протестуешь ты.

Предположим?

Дело в проблемах? Не правда ли?

Но ведь в рассказе 50 стр[аниц], и из них едва ли 3 приходится на проблемы.

Теперь перейдем к проблемам.

Главная проблема, с точки зрения критики (ты пишешь, что вокруг вещи много споров), это должен быть вопрос – о третьем комплексе Г.Т.О.

В основном это только вариант, несколько расширенный, того, что написано в «Вишневой косточке», – доработка и популяризация этого прекрасного рассказа.

Но разве можно их сравнивать!

Вторая проблема может быть сведена к следующему: как быть с биологическим неравенством при равенстве социальном (вспомни наши споры!), – она как-то смазывается и сливается с первой.

В ней Олеша совершенно [беспомощен]. В чем, конечно, нельзя его обвинять.

Это единственное интересное место, но ему посвящено только несколько строк.

В остальном это ухудшенное повторение старых вещей.

Цитронов – это бледная тень Бабичева (Ивана).

Кстати – странно, как это Олеша мог воспользоваться таким убогим приемом, как придание отрицательным типам отталкивающих внешних черт (примитивный и слабый, принципиально слабый прием).

Повторяет он здесь и прием демонстрации физической мощности и молодости своих героев: стадион, физкультура – это все уже было в «Зависти» – и гораздо лучше!

Вообще Олеша пошел по пути более легкому, чем раньше. Кавалеров и Ив[ан] Бабичев были умны, обладали эрудицией – им было что противопоставить против свежести и бодрости своих врагов.

Слегка мне кажется, что у Олеши намечается такой путь создания своего нового героя – переливание крови от Кавалерова к Володе Макарову.

Может быть, поэтому Цитронов стал более противным, а Фокин более обаятельным.

Конечно, этим Олеша только затушевывает тот вопрос, который он когда-то поднял, – а не решает его.

Ну вот, кажется, все.

Если бы я перечитал сейчас и другие вещи, я бы, наверное, привел еще ряд доводов.

Если бы я сегодня получил от тебя письмо, может быть, даже наверное, я написал бы мягче.

Но самое главное, что чтение и письмо отняли у меня около трех часов. – Скоро пять, иду на вокзал обедать.

Пообедал – 4 р. 50 к.

Перечитал «рецензию» – по существу верно, по форме – плохо. Отчеркнул место, к которому, по-моему, ты должна прицепиться.

Переделать – лень.

Здесь разворачивается драма у моего «алкоголика» с его супругой – он двое суток не был дома – собрал вещи и ушел.

Сейчас опять явился.

Чем кончится, неизвестно и безразлично. Он малосимпатичный представитель Homo Sapiens.

На вокзале купил – эту изящную бумагу и конверты.

Надо бы почитать «Пламенные печи» – дело это, оказывается, непростое, но нет настроения.

Проходя через железную дорогу, смотрел с тоской на запад. Скоро ли придет день, думал я, когда приедешь отсюда.

Вдруг завтра или послезавтра меня примут на работу, дадут комнату, и через 10–15 дней ты здесь.

Все это, вообще говоря, вполне возможно, а кажется совершенно невероятным – несбыточным.

Как это ты мне подсказала на свидании.

В неглиже.

Помнишь?

Что ж ты не плакала? В дневнике ты обещала плакать.

На бедного Андрюшу ты в дневнике тоже ополчилась ужасно. И недоносок, и интеллектуальное убожество, да ведь совсем недавно ты иначе думала о нем? И надо сказать, что критика твоя очень преувеличена.

Помимо того, разрешите шпильку по вашему адресу: быть о человеке действительно такого мнения и ходить с ним по кино, ну, выражаясь мягко, – беспринципно...

3/IX 35 г.

Теперь ты видишь, как вредно подолгу не писать мне. Во-первых, я забрасываю тебя длинными письмами, во-вторых, ты, наверное, ощущаешь капельку желчи в моем послании.

Сейчас пойду в город на почту.

Как нелепо проходят сейчас дни.

Тебе обязательно надо прочесть Л.Андреева. Из драматических произведений «Дни нашей жизни», «Gaudeamus», «Екатерину Ивановну» и «Анфису» – эти вещи я недавно перечитывал – две последние очень сильны, но мне хочется, чтобы ты их прочла.

Остальное можно прочесть все, кроме «Сашки Жигулева».

Читал я Дос Пасоса «Манхеттен» – понравилось, и «Три солдата» – значительно слабей.

Пиши письма заказные или авиапочтой. А то, может быть, они пропадают.

Красноярск, почта

Писем нет!
восемь суток!!
я страшно зол
Может быть, ты действительно жалеешь 20 к., и
письма пропадают?
Я буду посылать тебе письма с оплаченным авиа-
ответом? Хорошо?
Не сердись на меня, у меня так гнусно на душе.

3/IX 35 г.

Красноярск

Милая Ресничка

Я все-таки стал каким-то неуравновешенным – на почте чуть не порвал свое письмо к тебе.

Меня охватила какая-то злость и сразу за ней физическая слабость. А пока я донес до дома тоску по тебе, то так устал, что у меня и теперь, спустя несколько часов, болит все тело.

Хочется лечь и отдохнуть, но некуда.

Скорей бы прошел день! Взять разве солнце за уши и притянуть его к горизонту.

Большей частью я чувствую себя хорошо, но сегодня мне кажется, что я болен. Это, конечно, нервное. Отсутствие от тебя писем – это только точка, на которой сегодня разрядилось аккумулярованное нервное напряжение.

Я прекрасно знаю, что ты писала мне, моя милая Женюша, и если я тебя обижаю какими-нибудь упреками – прости меня. Сегодня я чувствую себя таким усталым и разбитым. Когда 19 августа я побрился (голову я брею тоже), то в зеркало увидел слегка насмешливую, но вполне приличную физиономию лет на 25, не больше.

Я даже хотел шутя написать тебе, чтобы ты скорей приехала, т.к. я похорошел.

Сейчас я по дороге зашел в магазин и был удивлен, увидев в зеркало усталое выражение глаз, мешки под ними, резкие морщины.

У меня есть только одно средство, средство от всех болезней – это ты. Ты моя панацея. Если тебя нет, то нужны хоть вести от тебя.

Не прими все это за ламентации – я не упал духом – я просто делюсь с тобой своим состоянием.

Это второе письмо в стиле декаданс, т.к. всего я послал их, кажется, 13, то процент не так велик $\approx 15\%$.

Может быть, завтра будут какие-нибудь новости.

Темно, я пишу и почти ничего не вижу.

Холодно, сегодня ночью буду мерзнуть.

Читать трудно, но все же «Пламенные печи» привели меня в равновесие – охладили меня.

«В топках Бозциуса (фиг.6) под п. вер... Каналов проходя...»

Очень полезное чтение.

Я тоскую по ласке, по интимности, я так давно не слышал ни одного нежного слова. Я чувствую себя сейчас более одиноким, чем раньше.

Я хандрю, но это несерьезно – это в счет 15ти процентной нормы.

Можно мне немножко похандрить?

Я мечтаю о душном вечере, о еле доносящемся с моря шелесте галек, о светлячках – вообще о дешевой, верней, затасканной южной экзотике. Мне надоело одиночество, мне хочется разговаривать. Последний раз я разговаривал ровно полгода тому назад. Хочется есть, я сегодня не обедал, хочется спать – это хорошо.

4/IX 35 г. Почта

Получил сейчас твое письмо, отправленное из Москвы 24. Устроил на почте скандал – спешное письмо получено на 11ые сутки.

Директора Красмашстроя еще нет.

Ох-ох-ох!

Письмо твое принесло мне много радости.

Настроение мое все же упадническое – хотя гораздо лучше вчерашнего.

Кланяйся твоей маме и Гале.

Крепко целую. Сергей.

P.S. Письмо посылаю заказным – может быть, оно дойдет скорей, – сообщи.

Сергей

4/IX 35 г.

Красноярск

Уф-уф!

Прошел километров 16ать.

Был на Красмашстрое, решил все-таки пойти выяснить, какова ситуация? Положение сложилось как будто бы благоприятное. Работы там для меня много, с НКВД вопрос тоже уже согласован, остается только виза директора, без которого такую одиозную личность, как я, его заместитель принять не решается.

Будет директор числа 8го – подождем. Вот мой отчет и закончен.

Могу еще раз подтвердить, что со стороны Енисея Красноярск выглядит очень живописно. И сам Енисей неплох, мне импонирует изобилие островов.

Сегодня имею газеты за 30ое, а письмо от 23го. По радио передают из Новосибирска «Рамону» на отечественном диалекте.

О.Э. писала мне о случайном романе с Андреем, и вдруг даже юридическое оформление, за день до отъезда. Вообще я очень рад случившемуся, т.к. мне кажется, что ее нервное состояние на 90% было вызвано анахоретским образом жизни за последние два года.

Что касается – объекта – Андрюши, то я думаю, тут их обоих захватила больше фабула, чем серьезное чувство. Она ведь старше его лет на 6. Но во всяком случае – это очень хорошо, жаль только, что так неожиданно оборвалось. Надо полагать, что на ее отъезде этот брак и закончится.

Я чувствую, что моим конкурентом становится проект реконструкции прядильной фабрики (может быть, кто-нибудь прячется за его широкой ватманской спиной?). Не забывай о пельменях – это твое – *memento mori*.

Если я буду принят на Красмашстрой, то комнату получу тут же. И буду ждать тебя с чудовищным нетерпением.

Что касается отсутствия вестей от меня, то это вполне естественно, я вышел на свободу 19го. Впрочем, тебе это давно уже известно. Долго идут письма! Ты получила к 23му только мое 4ое письмо, а я к моменту получения ответа на это письмо пишу уже 14е.

Приезжай! – мы займемся проблемой бессмертия.

Мне лень дожидаться утра, чтобы описывать тебе сон, который приснится мне в ночь с 4-го на 5-е, поэтому я опишу его сейчас.

Мы стоим с тобой по разные стороны забора и разговариваем. Я зову тебя к себе, но ты не идешь, тогда я замечаю, что между нами не забор, а проект текстильной фабрики.

Что это за проходы? – кричу я – толстая банка-брошница¹ не пройдет здесь. Ты страшно отстал, Сережа,

– сейчас уже давно все толстые банкаброшницы занимаются физкультурой на стадионе «Парижская коммуна». Мы долго спорим. Я рисуюсь с деловым видом крошками познаний, собранных за твоим столом.

Нужны экстра-вытяжки, почему нет Ботвинника?

А где же мычка²? Ты начинаешь колебаться. Идем! Идем! Брось!

Но в это время ватман с треском лопается и показываются плечи и голова изящного брюнета. Вы танцуете с ним, и порванный ватман раскачивается в такт. Вдруг врывается директор, у него тоже ватман в руках. – Что это такое, кричит он мне. Пламенная печь. Я вас просил печь для нагрева поковок. А вы сделали печь для изготовления пельменей.

Молодой изящный брюнет стонет, обращаясь к директору. Я больше не могу, у меня отсохли ноги. Дайте мне корнеплоды, кричит директор. У нас только картофель, сообщают подчиненные. Все равно, пусть картофель! Я протестую – это против античности. Картофель клубнеплод. Это нарушение традиции.

Т.к. дальше ничего придумать не могу, то здесь я проснулся.

Белье уже выстирано и выглажено. Можно опять в баню, я уже писал о банях – даже какие-то обещания давал. Ты знаешь мой характер, если обещал – значит выполняю. Как видишь, я могу начать с любого предмета и всегда доберусь до тебя.

5 /IX Утро

Собираюсь идти в город – погода омерзительная. Началась опять бессонница – нехорошо. К утру ты мне все же приснилась – это бывает очень редко. Я серьезно прошу тебя, очень серьезно, если я скоро устроюсь, не

задерживай своего приезда. У меня очень тяжелое моральное состояние последнее время.

Вторую ночь провожу в комнате, т.к. в прихожей стало очень холодно.

Обстановка здесь неважная. Мой алкоголик, как я уже писал тебе, [устраивает] сцены своей жене – это почти каждый вечер. Довольно противное занятие – быть свидетелем этой кутерьмы. Вмешиваться глупо.

Она значительно старше его, ей около сорока лет – ему 35. Она довольно милая простая женщина и держится за него – это, очевидно, ее последний роман. Он, конечно, развитей ее (хотя болван, по-моему, изрядный) и старается ее всячески третировать. Возможно, что я обострил их взаимоотношения, т.к. он как бы стыдится ее и может быть при мне особенно груб с ней. Скорей бы выбраться отсюда.

Он обращается ко мне, когда ему нужны подтверждения ее невежества. Он спрашивает меня – Правильную аналогику я делаю как эстетик? А она говорит – Ему в мозги психоз ударяет. Вот каковы здесь дела.

Ну, иду на почту, может быть, там есть новости, оттуда припишу.

Почта

Получил сейчас письмо от 28го. Заказного, отправленного накануне, еще нет. Письму твоему крайне рад. Игривость твоего пера в нескольких местах письма мне особенно дорога, а то твои письма уж слишком дышат обстоятельностью.

Поменьше дипломов! – как там дальше, не помню.

Поменьше обстоятельности! – вот мой девиз.

А то когда я мысленно сравниваю наши письма, то думаю – Боже мой, какую-то чертовщину пишешь, дорогой Сережа.

Подробней отвечу тебе из дому.

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую.

Сергей.

P.S. Получил от Лели открытку из Москвы перед отъездом – она сообщает о своем браке. Еще крепко тебя целую и жду. Сергей.

¹ Банкаброшница (*снец.*) – работница, работающая на банкаброше. Банкаброш [*фр.* banc à broches, букв. станок со спицами] – в бумагопрядильном производстве машина, разбивающая массу хлопкового волокна на более тонкие отдельные жгуты // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935.

² Вероятно, имеется в виду перемычка (профжаргон).

5/IX

Красноярск

Милая Женюша!

Пишу на этом присланном тобой «келькшозе» (читай *Gaudeamus* Л.Андреева)¹.

Попробую написать деловое письмо.

Первое – это относительно моих записок.

Технические мои писания состоят из двух частей: первая это черновики и конспекты моих статей и книги – их можно выбросить. Отличить их легко по тому признаку, что там часто встречаются слова: газификация, «генераторный газ».

Далее там есть одна коленкоровая черная тетрадь, в которой нарисованы кривые цветными карандашами, это начатая работа, не помню, в этой ли тетради или есть еще другая, написаны некие формулы – почти без текста. Это нужно.

Затем много мелких листов – там конспекты лекций – они тоже пригодятся, как и обе записные книжки.

Что касается остального, то я путно не помню, что там имеется.

Две черные тетради, где разными карандашами вкривь и вкось написан всякий вздор, и конверт со всякими нужными бумагами – мне хотелось бы сохранить – это имеет очень большую давность и иногда очень забавляет меня.

Что касается всего остального – то это на твое усмотрение, впрочем, можешь выбросить не читая (кроме напечатанных на машинке цирковых упражнений, их можешь сначала прочесть, а потом выбросить. Или, может быть, забавно их сохранить?)

Второе – о вещах.

На эту тему сообщу следующее – если я буду работать на Красмашстрое, то там, очевидно, даже наверняка, имеется распределитель, где по вполне сносной цене можно купить зимнее обмундирование.

Поэтому мне пока ничего приобретать не надо (когда ты приедешь, то мне будет жарко в твоих объятиях).

Т.о., как я только обоснуюсь, если, конечно, удастся, на Красмашстрое, то дам более подробную информацию. Валенки себе пока тоже не покупай.

Теперь о деньгах. У Лели их, по полученным мной сведениям, очень мало, у ней оставалось всего 500 р., и она взяла их с собой.

Я думаю, что ей скоро еще понадобятся деньги, – поэтому, на мой взгляд, целесообразно начать реализацию мебели, дело это сложное, может быть, ее брат Михаил² поможет, посоветуйся на эту тему с Алей. Ей и Нине³ шлю привет. Деньги у Лели, безусловно, быстро разлетятся. Без службы и без комнаты этот процесс идет очень быстро – могу заверить.

Из вещей – которые мне дороги – могу только назвать синюю вазу [над словом нарисована маленькая ваза] для цветов, красный кувшинчик, статуэтку химеры с собора Notre Dame de Paris, кувшин – баккара и ковровую скатерть на стол.

Почти все вещи бьющиеся, так что в конце концов – чорт с ними! Все они из маминой комнаты, и мне было бы жалко совсем их потерять.

(Все встают и отдают дань его сыновьям чувствам).

Постарайся, если это возможно, их сохранить⁴.

У Б.М., как я уже говорил тебе на свидании, остался пакет с моими книгами, там, кажется, есть очень нужные. Если он будет претендовать на имеющиеся у меня его книги, – надо ему вернуть согласно его указаний.

Если ты действительно составишь список моих книг (эту угрозу я прочел в одном из твоих писем), то пришли его мне.

Если же я даю тебе много поручений, то ты можешь с совершенно спокойной совестью не выполнять их.

Теперь о чувствах.

Что касается утраченной наивности, то не ищи ее, выяснилось, что она у меня, как клешня у рака или хвост у ящерицы: оторвут – вырастает новая (регенерация).

О моем вдохновении беспокоиться тоже нечего – оно сейчас, судя по времени, сидит на службе и скоро придет ко мне.

Что касается моего терпения, то в Москве я его оставил много, но все в таких местах, где тебе не собрать его. У меня осталось очень мало – имей это в виду.

По случаю сейчас очень легко достать... впрочем, не надо.

Радости, восторги, нежности – все это у меня есть в изобилии, но это упаковано и отпирается только серебряной ресничкой.

Обязательно, ради бога, не забудь привезти взаимность. Когда я был еще на свободе, то ее было много. Если она на исходе, то ее можно собрать: в Серебряном Бору, в Глуховке, за Сокольниками (только осторожней, там крапива), в Черемушках, и в самой Москве ее было немало – она страшно легко расцветала даже на камнях, даже морозной ночью на белом снегу.

Помнишь большую ледяную сосульку, которую кто-то стащил?

...Я задумался о прошлом – неужели еще такое счастье предстоит впереди?!

Я верил и верю в него. Это был и остался мой единственный стимул. Без него я могу спокойно сказать, глядя на свое будущее: Пьеса дрянь! – и опустить занавес.

¹ Келькшоз – кое-что (*искаж. фр. quelque chose*). В пьесе Л. Андреева «*Gaudeamus*» этим словом называют необычной формы стул. Что имеет в виду С.Седов – неизвестно.

² Михаил Георгиевич Гребнер.

³ Аля и Нина – сестры О.Э.Гребнер Александра Георгиевна Гребнер и Нина Георгиевна Гребнер.

⁴ Все эти вещи Г.М.Рубинштейн сохранила. Синюю вазу Ю.Аксельрод подарила Музею Л.Д.Троцкого в Койоакане (Мексика).

6/IX 35 г.

Милая Женюша!

Вчера отправил тебе телеграмму о паспорте, в ответ на твою – сильно запоздавшую, и вчера же получил от тебя телеграмму с сообщением, что отъезд в этом месяце сопряжен для тебя с неприятностями, и просьбой

телеграфировать свое отношение. Так я и не понял, о чем должен телеграфировать.

Твое предложение решить, как тебе поступить, меня удивило по двум причинам: первая та, что ты мне писала, что будешь поступать по собственному усмотрению, т.к. мне трудно ориентироваться в московской обстановке, – это конечно, совершенно правильно.

Поэтому я был удивлен твоим телеграфным предложением. Кроме того, я в одном письме уже высказал по этому поводу все, что мог, и ты его получила. Я писал, что с точки зрения далекого будущего – паспорту грош цена, но он может очень понадобиться тебе, если ты поедешь в Москву одна совершенно.

Независимо от причины – вдруг заболею астиномикозом (от этой болезни умерла моя бабушка¹) и умру. Тут же я спрашивал, будут ли осложнения при твоём возвращении, если ты будешь иметь местный паспорт, и советовал тебе хорошенько подумать над этим вопросом.

В ответ ты сообщаем мне, что я тебе ничем не помог и написал только «подумай хорошенько».

Что же я мог еще ответить? Я совершенно не знаю, пропишут ли тебя в Москве через год, например, если ты вернешься к своим родителям с красноярским паспортом.

Этот вопрос выяснить здесь я не мог. О том же, что, может быть, твое желание получить паспорт проистекает из надежд, что через пять лет он сможет облегчить наше совместное возвращение, я думал и написал тебе, что это ерунда.

По-моему, в моем положении дать более обстоятельный ответ невозможно. Кратко ответ мой можно резюмировать так: паспорт тебе совершенно необходимо получить в том случае, если при твоём сепаратном возвращении есть угроза, что тебе не удастся прописаться в Москве.

Я уделил много места этому вопросу, который уже устарел, потому что ты поднимаешь его почти в каждом письме, и всюду сквозит некоторое недовольство мной. Я думаю, что только при одном моем ответе ты была бы довольна, и я жалею, что сразу не написал тебе, чтобы ты обязательно получила паспорт, но т.к. здравый смысл подсказывал мне, что он нужен только (смот[ри] подчеркнутое) и может оказаться, что ты напрасно прождешь его, то я и поступил известным тебе образом.

Целые три странички уделил «паспортному конфликту». Твоя телеграмма о невозможности приехать в этом месяце, конечно, очень огорчила меня, но что поделаешь, обстоятельства сильнее нас. Тебя тоже это не радует. Придется ждать. Твоя эпопея с моей болезнью, видно, не удалась.

Ждали семь месяцев – подождем еще.

Писать только буду реже, как-то не о чем стало писать.

Не подумай, моя хорошая, что я в претензии на тебя, я мрачен, зол, но ясно чувствую, что тебе также не радостно, что просто обстоятельства сложились неудачно.

У меня правда болят челюсти – я устал жить со стиснутыми зубами, но это пустяки.

Будем надеяться, что теперь осталось недолго.

До скорого свидания!

Твой Сергей

¹ Бабушка Анна Львовна Бронштейн (урожд. Животовская) умерла от болезни почек, которая была замечена в семье и могла считаться наследственной: ею же болели брат Троцкого Александр Давыдович и его внук Валерий Борисович Бронштейн. См.: *Бронштейн В.Б.* Лев Троцкий, его ближайшие и дальние родственники // *Из глубины времен.* Вып.5. 1995. С.91. Публикатор считает «астиномикоз» шуткой в стиле автора.

6 /IX 35 г.

Милая Ресничка!

У меня есть к тебе просьба, выполнение (мимо окон пронесли поросенка – он чем-то явно недоволен) которой меня волнует. Остальные просьбы, совершенно серьезно, меня крайне мало беспокоят.

Мне нужны книги по биологии, но не описательные – номенклатурные – «конструктивные», а книги, где освещаются законы развития организмов. Дарвина я достану и здесь, но он, конечно, очень устарел. Я уверен, что должны быть книжки, где все эти вопросы освещаются с той высоты, на которой находится естествознание сегодня. Только не популярщина!

Кроме того, современные книги о клетках.

Для этого, по-моему, можно зайти в МГУ к какому-нибудь профессору и с ним посоветоваться. Культурный и грамотный человек хочет заняться указанными вопросами, но не дилетантски. Я думаю, что любой профессор с удовольствием пойдет навстречу и укажет целый список книг.

Кроме того, меня интересует курс, только солидный, «Исторической геологии» (такая есть), боюсь, правда, что тебе это будет обременительно, принимая во внимание, что на службе у тебя сейчас много работы.

Всю ночь шел дождь и продолжается сейчас. Слякоть на улице изрядная.

Читал вчера «Зависть», воспринимаю иначе – замечательно, талантливо написано.

Сейчас пойду месить грязь в поисках за духовной пищей. Может быть, на почте есть твое заказное письмо от 27го, а может быть, и еще от 29го.

Ну пока, мой милый и любимый, крепко-крепко тебя целую.

Твой Сергей

Приписываю на ходу, на почте.
Письмо заказное получил.
Завтра напишу еще.
Крепко целую.
«Целую»

С

6/IX 35 г.

Милая моя Ресничка!

Правый мой карман полнеет с каждым днем. Там у меня склад писем.

Грязь здесь ужасная. Я шел и обдумывал какую-нибудь систему, строго, конечно, научную, для хождения по ней, в некоторых местах она все время старается снять с меня галоши, а в других податлива, как (не могу ничего придумать). Говорят, в Туле очень назойливая грязь и все ходят там со специфическим повертыванием ноги на пятке и галоши привязывают через подъем. Грязи бывают еще лечебные.

Совсем забыл, что хотел написать обстоятельное письмо. Ты жалуешься на сумбурность, на то, что ничего не можешь понять. Я уже писал тебе, что это получается у меня совершенно спонтанно. Что делать? Я не наделен эпистолярными талантами. Если я попробую писать как это делают все люди, то мне делается нестерпимо скучно и письма получаются, если не такие дикие, то какие-то невероятно сухие и казенные. Примером тому служит моя переписка с мамой за последние годы – она какая-то черствая и удивительно серая.

Так что лучше не ропщи и терпи, если же что-либо смущает тебя, то спокойно встряхивай ушами (я думаю, что ты уже прекрасно овладела этим искусством).

Ты жалуешься, что много не понимаешь, я тоже очень многого не понимаю.

Меня все время грызут сомнения.

Например: мне сейчас нужно в уборную, но для этого надо одеть пальто и галоши, дождь и грязь, так вот что мне делать: совместить ли эту процедуру с походом на вокзал – обедать – или осуществить ее как самостоятельное мероприятие?

Напиши, пожалуйста, как мне поступить.

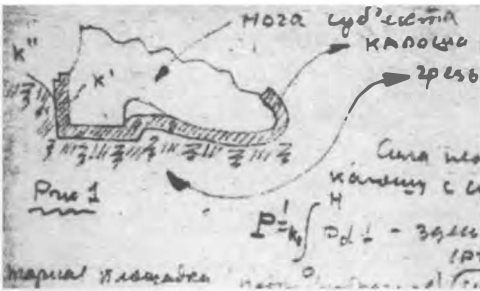
Вопрос с моей службой будет разрешен, наверное, не раньше конца наступающей шестидневки, а может быть, и на следующей. Что касается паспорта, то подумай над этим вопросом серьезно. Если его выдадут на три года, то при нынешнем твоём взгляде на жизнь он тебе, конечно, не нужен. Tempora mutantur et nos mutamur in illis (времена меняются, и мы вместе с ними), так что подумать следует, я правда не знаю, какие препятствия могут тебе встретиться при прописке в Москве в случае твоего возвращения – вне зависимости от причин.

Ну, надо идти, я что-то очень проголодался.

Сейчас вернулся (4 р. 75 к.).

В густой грязи действительно нужно вертеть ногой, но центр вращения должен быть не в пятке, а ближе к носку.

На следующей странице приводится конспект разработанной в пути теории.

обозначим:

k' – коэф[фициент]

тр[ения]

калоши

о ботинок

k'' – коэф[фициент]

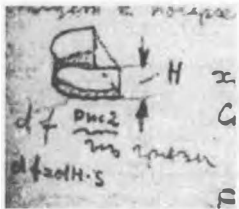
тр[ения] калоши

о грязь.

Сила, необходимая, чтобы снять калошу субъекта, будет равна

$$P' = k_1 \int_0^H P df$$

– здесь под df понимается элементарная площадка (подковообразная) (рис.2). Сила P всюду нормалью действует к поверхности каблука.

$$df = dH \cdot S$$

Очевидно, что сила P зависит от k' и характера посадки калоши на ботинок. Сила, необходимая, чтобы вытащить калошу из грязи, найдется аналогично:

$$P'' = k'' \int_0^{H'} P'' df''$$

Здесь следует иметь в виду, что коэф[фициент] k'' переменный, он зависит от вязкости грязи, за знак интеграла его вынести можно, т.к. для каждого частного случая его по всей поверхности соприкосновения можно считать постоянным.

Кроме того, при вытягивании галоши из грязи прибавляется еще сила $F \equiv P_0 f$, возникающая вследствие разряжения под каблуком. Здесь f – площадь каблука, P_0 можно принять равным 1 атм., тогда $F \equiv f$.

Если $P'' + F > P'$ – то калоша соскакивает
 – " – $P'' + F < P'$ – " – " – " не соскакивает

Что же дает повертывание каблука!? Очевидно, оно избавляет нас от силы F и уменьшает силу P'' – это очевидно из рис. 3 (дан план)

1) Воздух легко попадает под каблук, уничтожая силу F.

2) Каблук соприкасается с грязью только задником и одной стороной, что изменяет силу R''.

Ты не сердись на меня, Ресничка!

У Франса есть рассказ о том, как жонглер служил деве Марии тем, что у алтаря становился на голову и жонглировал¹.

А я поставил перед собой твою фотографию и пишу всякий вздор – это мое – Гитослужение.

Небо прояснилось, и дождь кончился!

Завтра, если будет хорошая погода, буду подвизаться опять на футбольном поле.

Уже темно – трудно писать – очень хорошо – еще день прошел.

7/IX 35 г.

Утро

Ночью опять шел дождь, небо совершенно серое, мои надежды на хороший день рухнули.

Ты чувствуешь, как моя жизнь стандартизовалась? Ты уже знаешь, что я сейчас пойду на почту.

Сегодня я мало надеюсь что-либо получить от тебя.

Пошел дождь, иду на почту.

Почта

Как я и предвидел, писем нет (не пришли за утро). Звонил на Красмашстрой – директор еще не приехал.

Тоскливо очень.

Милая моя Ресничка, крепко целую и все время думаю о тебе.

Завтра напишу еще.

Твой Водочрикающий.

Помнишь ли ты, как создалось это слово.

Целую. С.

¹ Имеется в виду рассказ А.Франса «Жонглер Богоматери» (из сб. «Перламутровый ларец»).

Открытка
[7/IX 35 г.]

Милой моей Женюше посылаю сей дорогой¹ дар для повышения интереса к моей резиденции.

Вот какие будут у нас окрестности.

Если бы на заднем плане было море! Ты получила мою гвоздику?

Как легко ассоциируется у меня море и гвоздика.

Я выдумал себе герб: на нем будет, конечно, латинская надпись «Argentea Cilia». Затем синее море, на котором будут цвести гвоздики, и пляж – пляж будет не из песка, а из серебряных ресничек, в левом верхнем углу будет бифштекс по-гамбургски, но не нарисованный, а живой шипящий, как и полагается, с яйцом.

Больше не будет ничего, ни мечей, ни сердец, ни пельменей (а зря, пожалуй, значительно стилизованней получится, если заменить бифштекс пельменями? Напиши обязательно свое мнение по этому вопросу).

¹ От слова «дорогой» стрелка проведена к штампу «цена 10 коп.». На открытке: «В.-Сибирский край. Госзаповедник “Столбы”. Лаз по карнизу на “Крепости”. Фото Дерябина». Датируется по конверту.

Открытка
[7/IX 35 г.]

Дорогой Женюше еще один дар. Ты видишь, я не щажу затрат¹.

Атака продолжается!

Если предыдущая карточка не повысила твой интерес к Красноярску, то, может быть, эта окажется более счастливой. Это знаменитые здесь «столбы», кажется, интересные в геологическом отношении.

Мне что-то захотелось мистики — Метерлинка. Придется зайти в местную библиотеку и внимательно просмотреть ее литературные богатства.

Думаю, что книг много.

Крепко Вас целую.

Сергей.

¹ На открытке штамп: «35 коп.»; «В.-Сибирский край. Госзаповедник “Столбы”. Первый и второй столбы. Фото Дерябина». Датируется по конверту.

7/IX 35 г.

Милая хорошая моя!

Наделал сегодня всякой чепухи.

Подписался на словарь Даля, объявление о котором прочел в «Правде» (16 руб.).

Снялся, чтобы послать тебе карточки (для удостоверения), готово, оказывается, будет примерно к твоему приезду (4 р.).

Побрелся, что было необходимо для снимков (4 р.), здесь эта процедура стоит вообще дорого, так что купи в Мосторге мне ножичков для бритья.

Купил себе 200 гр[аммов] масла и банку консервов (4 р.).

Съел в саду булку французскую (на местном диалекте – сайка, 1 р. 20 к.), помидоры – 3 р., черемухи стакан – 40 к. «Известия» и «Правда» (20 к.) письмо тебе (80 к.), папирос пачка (1 р.). Общая сумма почти 35 р.

Вот видишь, к чему приводит желание написать деловое письмо! Я ходил по городу и собирал материал для отчета. Хорошо, что плохая погода, а то я бы до ста рублей догнал. То-то письмо было бы сугубо деловое. Ходил в городскую библиотеку и не застал ее дома (работает с двух).

Пошел в читальню, она в саду и по случаю плохой погоды не работает, хотел посмотреть газеты с марта месяца.

Смешно получается с газетами, здесь создается такое впечатление, что Москва отстает от жизни. Из местной газеты и по радио узнал о смерти Барбюса, а в «Правде» и «Известиях» он еще болеет, жаль его. Он первый написал книгу о войне много раньше Ремарка и других.

Денег, кстати, у меня еще рублей 300, так что беспокоиться не о чем.

Пришли мне, пожалуйста, свои карточки, вложи их по одной или по две в конверт, ведь у тебя их много, и потом, они не пропадут, а мне принесут много радости.

Не находишь ли ты, что наш медовый месяц несколько затянулся?

Я нахожу, что наш медовый месяц несколько затянулся.

Может быть, это к лучшему?

У тебя сейчас без двадцати час. Может быть, на службе обеденный перерыв и вы с Галей идете в буфет.

Или твоя милая мама снабжает тебя завтраками – как в школу.

Какая ты, наверное, была симпатичная, когда бегала в школу в носочках, с голыми коленками.

Ты носила когда-нибудь ранец? Мне почему-то очень хочется, чтоб это было так.

Скажи, а ноздри у тебя все такие же страшные? Как две пещеры. А в них коротенькие черные волосики, как сталактиты и сталагмиты (?)

По-моему, там живут троглодиты.

Истратил еще 1 р. на хлеб, но ты не сердись, пожалуйста, зато я не пойду сегодня обедать.

Оказывается, мою литературную энциклопедию можно перевести сюда, Крайпериодсектор КОГИЗа: Красноярск, Советская, 84, там же я подписан на Hütte¹.

У меня сейчас вазелиновые уши. Когда ты приедешь, то будет обновленная ремарка «... ловит Гиту». Ты не возражаешь?

Посмотрел сейчас на беретик, который ты так лихо надела набекрень, и вспомнил встречу Нового года.

Я не дочитал тебе тогда «Прокуратора Иудеи» А.Франса и облил наливкой стену. Следы, наверное, не раз вызвали у тебя воспоминания.

Сегодня сорок суток с того дня, как мы мимолетно виделись с тобой. А до этого мы не виделись еще 147 суток.

Время летит.

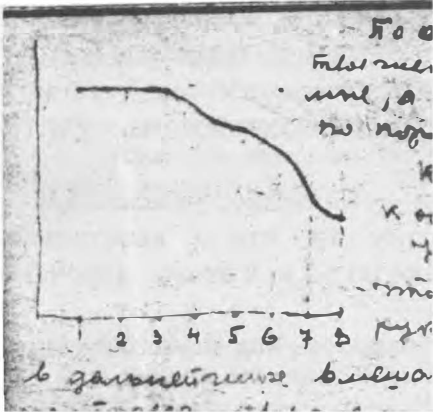
Но довольно воспоминаний, бухгалтерии и арифметики – поспел самовар, и хозяйка зовет пить чай – не смею отказаться.

Трапеза окончена, закурена традиционная и гурманская папироса. Уже шесть – так проходят дни.

Сейчас закончу письмо, оставив место для приписки завтра утром, а затем с почты.

Сейчас перечитаю все твои письма.

На основании перечитанного на следующей странице строю кривую.

По оси ординат отложи твое желание быстро приехать ко мне, а по оси абсцисс номер письма по порядку их отправления из Москвы.

Кривая постепенно близится к оси абсцисс.

Не сердись, объясняется это тем, что в первых письмах тобой руководили только чувства, а

в дальнейших вмешался и здравый смысл, так что фактически твое желание приехать, конечно, не упало. Оно прижато пятой рассудка.

Вернулись любящие супруги со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Леля в своем письме, характеризуя тебя со стороны рассудочности, пишет: «В общем, это хорошо для тебя – ты будешь за ней как за каменной стеной».

Зачем я пишу это – ведь Женюше это может быть неприятно, и мне хочется порвать письмо. Но с другой стороны, я думаю, что Ресничка поймет, какие чувства руководят мной, – мне хочется, чтобы она скорей приехала.

Уже темно писать.

8/IX

Всю ночь шел дождь – хозяйка утверждает, что сегодня особенно грязно. Здесь ботинки с калошами не выдерживают критики – нужны сапоги. Рыночная це-

на сапог здесь мало чем отличается от московской – рублей 200–250. Но все нужно дожидаться разрешения служебной проблемы.

Я, кажется, не писал тебе, как провожу вечера. Здесь одна лампочка на две комнаты, дверей нет, как у Полины Константиновны, и лампочка висит как раз на месте дверей. Поэтому читать довольно темно – устают глаза. Я вообще стараюсь раньше ложиться, часов в 10 или 11.

Часто играем в карты – умственное развлечение – преферанс. Самое неприятное то, что я выигрываю (это не к добру!), иногда даже по 35 к. в вечер. Впрочем, мы не расплачиваемся.

Я стал суеверен. Задумываюсь над значением снов и прочей чепухой.

Причины я тебе уже изъяснял – полное одиночество на протяжении более полугода. И главное – я глупею вдали от тебя.

Я живу на этой «квартире» уже 20 суток! А предполагал переночевать 2–3 ночи, не больше.

Скоро ли я уеду отсюда?

Скоро ли я увижу тебя?

Во мне иногда закипает какое-то особенное желание видеть тебя, особенно яркое чувство к тебе, но карандаш бессилен.

Я второй день мучаюсь – не могу вспомнить, как ты смеешься, – зрительно я ночью ясно восстановил твое лицо во время смеха, а как он звучит – не знаю.

Я как-то долго, несколько дней, мучился, не мог себе представить твоего лица. Твою маму, брата, Лиду – всех представлял себе совершенно ясно, а ты как бы не в фокусе. Я мысленно наряжал тебя в разные платья, ставил тебя в группу людей и т.д. И наконец вспомнил твой профиль, когда ты в своем черном платье.

Милая ты моя, крепко и нежно тебя целую.
Иду в город.
«Последние известия»
Директора еще нет.
Писем тоже.
Целую крепко-крепко.

Твой Сергей.

¹ Hütte (des Ingenieurs Taschenbuch) – «Руда», журнал для инженеров, издается в Берлине.

8/ЛХ 35 г.

Погулял немного по парку – очень там хорошо. Публики совсем нет, моросит дождик, кругом зелено, осени как-то не чувствуется – листва очень свежая. Кругом тихо-тихо. Посидел на сырой скамейке, помечтал о тебе.

Глядя на цветы, думал, как бы достать хороший букет к приезду Реснички. Вспомнил обещанные розы. Ты хотела одну преподнести профессору. Я пожалел его – он не получит розу.

Ты любишь теплую погоду, сказала ты мне. И что ты думаешь? Будь ты здесь, как радостно шагал бы я по лужам, слушая чавканье калош.

Вчера вечером передавали фельетон твоих любимых Ильфа и Петрова.

Я слушал, только отрывками, очень мне мешали всякие своеобразные восклицания: «семь пик», «вам сдавать», «без одной» и пр., всякие изречения, которые приводит Гоголь: «Когда не с чего – так с бубен», «а мы его по усам» – это говорил председатель, когда кто-нибудь ходил с короля, и т.п.

Тем не менее я, несколько раз обращаясь к репродуктору, пытался вставить свои «Zwischenrufe»¹ (за орфографию не ручаюсь), полные возмущения и протеста.

Во мне, как это ни смешно, еще до сих пор горит передовой патриотизм.

Всякого вздору в фельетоне действительно много. Особенно остался я им недоволен, т.к. «сел» без двух².

Вспомнил случай, бывший с одним моим знакомым в Москве. Его супруга разрешилась от бремени двумя детьми на седьмом месяце беременности. Он был заядлым преферансистом и радостно острил о своей жене: «на семи без двух» – не знаю, сам ли он это придумал или нет, но – это факт. Или, как говорят нынче, – хотя и факт но правда.

Устал я опять очень сильно. А отчего – неизвестно. Прошел не больше пяти километров.

Уже половина четвертого – дни проходят очень быстро. Беззаветно и быстро. Это хорошо.

Я знаю, что ты будешь настаивать и даже подговоришь свою маму, но обедать я все-таки не буду.

Я посижу пока у тебя в комнате. Хорошо? Только не сердись, пожалуйста.

Я пока начерчу еще один вариант расстановки чещальных машин.

Нет, серьезно, не сердись, я устал, и мне не хочется по грязи тащиться на вокзал.

Ты не сердишься? Ну поцелуй меня, если ты не сердишься. Нет, не так, а по-настоящему.

Что делаешь сейчас? Склонилась над чертежом или, наоборот, выпрямилась, т.к. болит спина, поставила локоть на стол и поддерживаешь рукой свою мордочку. Стол твердый, и локтю неудобно. Пишешь что-нибудь со страшно важным и сосредоточенным видом или, может быть, советуешься с начальством, причем выражение

лица у тебя кроткое и заинтересованное, или, наконец, щебечешь с Галей где-нибудь в углу?

Я морщу лоб и оттягиваю книзу нос, пытаюсь шутя делать тебя из моей памяти, вернее, я физически чувствую, что делаюсь похож на тебя. Ты понимаешь? Это ощущение своего сходства с кем-нибудь бывает, когда повторяешь чужой характерный жест.

Когда ты читала фельетон Ильфа и Петрова, если только он не слишком давнего происхождения, ты, наверное, думала: вот бы Сергей ругался.

Нумерацию писем забыл, но пишу каждый день, так что недоразумений быть не может.

ПОЧТА. 9/ЛХ.

Получил твое спешное письмо от 31го.

На Красмашстрой еще не дозвонился.

Не понимаю, почему у тебя еще нет на руках диплома, ведь ты на службе сейчас, согласно всех правил и законов? По-моему, его должны немедленно выдать.

Получил от Лели открытку, довольно мрачную, от 27-го августа.

Положение и настроение у ней тяжелое.

Письма ты посылаешь «спешные», а лучше «авиапочтой», цена одна, а результаты могут быть разные.

Крепко целую, здесь не в порядке телефон, крепко целую, побегу в справочное, крепко целую, и буду оттуда звонить.

Вечером «дома» был скандал.

Сегодня напишу еще. Целую. Сер[гей]

¹ Реплики (нем.).

² Т.е. остался без двух взяток, играя в преферанс.

10/IX 35 г.

Красноярск

Милая моя хорошая девочка!

Так мне было радостно получить твои три письма.

То-то буду их перечитывать и отвечать на них.

Вернулся «домой», провожал меня дождь с градом.

Спасибо тебе большое за курточку, мне так дорога твоя заботливость, что я, вопреки твоим справедливым ожиданиям, не высказываю никаких протестов.

Твои мысли о моем переводе, конечно, просто конгениальны, я думал над этим еще давным-давно, но мне кажется, что временно надо от этого отказаться.

Во-первых, совершенно неизвестно, будет ли получено разрешение, затем, ответ может тоже последовать далеко не так скоро, и, в-третьих, я сейчас так все-таки устал, что это было бы для меня крайне изнурительно. В случае положительного результата вся эта история заняла бы не менее, думаю, 2–3-ёх, а то и 4-ёх месяцев.

Не могу понять, почему у тебя нет диплома. Если человек окончил ин[стит]ут и работает на месте назначения – значит, ему не нужен диплом? Непонятно. Мне, кстати сказать, никогда в жизни не приходилось его предъявлять, но знаю, что ин[стит]ут сейчас же высылал дипломы на место назначения.

Получил еще два твоих «келькшоза». Я думал, что первый – это уникам, а оказывается, у тебя их целый запас. Большое спасибо.

Что касается ботинок, то они очень хороши, и я, конечно, в будущем, по праздникам, буду их носить, они оказались мне узковаты в пятке, но это очень легко устранить. Я, кажется, даже не благодарил тебя ни за ботин-

ки, ни за брюки. Последние мне не малы, даже, принимая во внимание местную грязь, слегка длинноваты.

Очень я тронут и вниманием твоей мамы (пишу после разоблачения тобой «тайн» моего чемодана). Поблаговари ее от меня и кланяйся ей.

Что касается статьи в «Вестнике инженеров», то пускай печатают под любым соусом, если Л[ев] Л[азаревич] с тобой любезен после возвращения, то я был бы ему благодарен за просмотр этой статьи.

Мне что-то кажется, что я там неудачно стилистически написал, по существу все там совершенно верно. А пожалуй, лучше этого не делать, – пускай печатают.

Футбольные доспехи у меня были в маленьком желтом чемодане дома.

Электричество в Красноярске есть – вольтаж сообщу, кажется, 210 или 220, но твердо не знаю.

У Али, как я тебе уже писал, по-моему, никаких денег нет, и обращаться за ними к ней ни в коем случае не нужно.

Лелин брат, если речь идет о старшем, высылать ей ни черта не будет, если о младшем, то ему суждено много благих порывов, но деньги он посылать Леле будет только эпизодически¹. Он очень симпатичный, но мало-обстоятельный (последнее в моих глазах не является его критикой).

Можно начать продавать мебель – об этом я тебе уже писал.

Хозяйка категорически утверждает, что напряжение здесь 220 вольт. Завтра я еще раз проверю это в городе.

Почему ты решила, что у меня ужасный характер? Раньше ты была, по-моему, другого мнения. Будьте добры дать обстоятельный отчет по этому вопросу!

Мой алкоголик как-то спросил меня, не помню, по какому поводу: «Как это хорошо с точки зрения санитарии?»

Сейчас объявляется перерыв по причинам антисанитарии – иду в баню.

Эх! Хороша же у нас в Красноярске баня!

Полотенце у меня есть, с голубой каемкой, – свое заветное. Я справлюсь о нем у Лели.

Пока я не сообщу тебе, какой ответ получил с Красмашстроя, не предпринимай, пожалуйста, ничего решительного. Я, судя по всей ситуации, очень надеюсь устроиться там. Ждать осталось не так уж долго. Думаю, что числа 16го–20го, вряд ли позже, вопрос будет окончательно решен, и в положительном направлении.

Так что жди в эти числа телеграфного сообщения.

После бани я что-то очень проголодался – аппетит у меня вообще солидный, обременительный для кармана.

Если на Красмашстрой буду принят, то денег мне хватит и беспокоиться не о чем, если же нет, то будет хуже.

В общем, сговоримся так: если ты до 22го не получаешь телеграммы о том, что я устроился, то переведи мне телеграфом рублей сто.

Я тебя знаю, ты переведешь 200 р. 19го.

Поэтому я отменяю первый вариант и создаю следующий: переведи мне 3 р. 17 к. 32го ноября.

Нет, серьезно, я прошу точно выполнять мои приказания, а то поскольку ты решила, что у меня ужасный характер, я буду поддерживать эту репутацию и...

Придется идти на вокзал, а то в животе сплошное безобразие, – а ведь подумать только, что не так давно я съел 10 помидор и сайку (2 р. 20 к.).

На вокзал я беру с собой твои письма и, пока жду обеда, перечитываю их. Мое времяпровождение сводится

в основном к следующему: первое – я думаю о тебе; второе – я читаю, жду, получаю твои письма; и третье – я пишу тебе. И ты знаешь – я целый день занят.

Вот даже не урву минутки пойти обедать.

А я сейчас очень чистенький.

Что я этим хочу сказать? – не знаю.

А стихи я тебе сообщу, когда ты приедешь.

Написать я их не могу – пробовал, не выходит.

Больше половины я, кстати, забыл – помню только два отрывка, но написать не могу – они ужасны. Кроме того, как известно, *verba volant – scripta manent* (слово улетает – написанное остается), а я хочу, чтобы все улетело.

Если тебе уж очень не терпится, то приезжай поскорей.

11/IX

Сегодня день не будет таким радостным. Не могу же я ежедневно получать по три письма. По всей вероятности, не будет ни одного.

Погода, к сожалению, серая и холодная. А то я совершил бы какую-нибудь прогулку километров на 20. И время прошло бы скорей, и спал бы крепко. Бессонницами я не страдаю, но сплю не очень хорошо, объясняется это крайне просто. Во-первых, у меня малоудобная постель, а во-вторых, я провожу в ней очень много времени. Ложусь я большей частью в начале одиннадцатого, а встаю в начале десятого. Нельзя же спать без перерыва такой колоссальный отрезок времени.

Письма твои, как видишь, доходят все. В твоих расчетах число их, как ты и предполагаешь, преувеличено на одно письмо.

Почта

Ожидания мои оправдались. Сегодня корреспонденции мне нет.

День предстоит скучный, но ничего, будем надеяться, что таких дней осталось немного.

Крепко тебя целую.

Жду вестей.

Твой Сергей

¹ Старший брат О.Э.Гребнер – Георгий Эдуардович Гребнер, младший – Михаил Георгиевич Гребнер.

11/IX

Красноярск

По радио передают Шуберта, и у меня растроганное, почти слезливое настроение. Хочется твоей утешающей ласки.

Хорошо, что перешли на Моцарта.

Прочел о том, что ОГИЗом выпущен альбом, очевидно, под заголовком «Западная живопись», в «Известиях» от бго сентября. Бор[ис] Ефимов пишет о нем.

А у меня уже смешная мысль, – ты должна смеяться. Мы разделим наши функции – я буду смеяться над запросами вольтажа, а ты над моими эстетическими запросами.

Дело в том, что меня серьезно волнует вопрос об украшении нашей несуществующей комнаты. Если альбом издан прилично, то его можно изрезать и картинки окантовать, а затем развесить. Над кроватью я повесил бы портрет [*строка нрзб.*].

Я подарил тебе «Уота Тайлера», у меня есть еще один экземпляр раскрашенный, если он жив, то он мне крайне понадобится для тех же целей¹.

Между прочим о вольтаже, может быть, за рекой на Красмашстрое другой вольтаж.

Вечер сейчас солнечный – дождя не предвидится. Пойду на стадион, может быть, там время пройдет быстрее.

Вернулся. Сейчас 9 часов, у тебя пять (бежишь, наверное, со службы домой обедать). Писать очень темно, поэтому укрупнил размер букв.

Судя по тому, что хозяйка подседа к столу и стала разбирать карты, придется с ней сразиться в бб (какая идиллия).

12/IX

Хозяйка вчера гадала мне. Оказалось, что какой-то трефовый король стоит у меня на пути, но я все-таки буду при своем интересе.

Так что можешь не беспокоиться – все к лучшему.

День сегодня очень хороший, так что после почты пойду на стадион поиграю в теннис.

Завтра должен приехать директор Красмашстроя, но я не верю этому, наверное, он приедет еще через несколько дней.

Получу ли от тебя сегодня письмо? Вот в чем вопрос!

В одном из последних писем ты интересуешься – целы ли мои вещи.

Должен покаяться, что я лишился подушки (прости, забыл ее здесь в одном месте) – остальное все в сохранности.

Здесь у меня подушка есть, и если понадобится – куплю другую. Это я сообщаю просто в качестве отчета.

Ну, мне не терпится – может быть, меня ждет письмо.

Бегу!

Почта

Письмо есть!

Стоя в очереди, крайне вспотел.

Крепко-крепко целую милую Ресничку.

Завтра, может быть, тоже будут какие-нибудь новости. Настроение сейчас прекрасное. «Целую» и «целую»!!

Твой С.

¹ Вероятно, имеется в виду средневековый рисунок неизвестного автора «Убийство Уота Тайлера», который помещался во многих изданиях, начиная от школьных учебников по истории средних веков (его можно найти и в учебнике для 6-го класса 1997 года издания) до иллюстрированных журналов. Не исключено, что речь идет о картинке, вырезанной из журнала «Огонек». Судьба Уота Тайлера в данном случае тоже наводит на размышления о том, что Седов вспомнил о нем не случайно.

13го сентября – почта, Красноярск

Написал тебе вчера вечером письмо – в полутьме. Получилось так неразборчиво, что сейчас перепишу его здесь, на почте.

Сегодня от тебя писем нет.

Директор еще не приехал.

12/IX 35 г.

Милая моя Ресничка!

Вернулся сейчас домой. Весь день провел на местном стадионе. Поиграл немного в теннис – очень плохо, но время все же провел.

Твое письмо читал уже несколько раз и сейчас буду отвечать на него.

Первое, о чем напишу, – это (ты, наверное, уже догадываешься) об инциденте с Алечкой. Она очень про-

стой, недалекий и «неудачный» человек, но безукоризненно честна и порядочна. Твои подозрения по ее адресу, ты это, наверное, уже поняла из моих предыдущих писем, совершенно ею не заслужены.

Недоразумение это возникло вследствие того, что О.Э. тебя плохо информировала, верней неправильно, о своем финансовом положении.

Она, очевидно, стеснялась сказать тебе, что истратила все деньги, и решила известить меня об этом письмом, чтобы я потом написал тебе. Так, собственно говоря, и вышло, но мое письмо получено тобой с некоторым опозданием. Вот и все.

Инцидент исчерпан.

Трудно писать, почему-то очень дрожит рука.

Дальше у меня во вчерашнем письме шли какие-то «философические» рассуждения на тему о легковерии, но я решил их не переписывать.

То, что ты не получила денег с этих старых чертей, – это, конечно, назидательно. Я бы, положим, на твоём месте получил (какое нахальство!).

Если они не отрицали самого факта получения денег, то можно было вернуть их даже по суду. Старики, конечно, сдали бы раньше.

Ну чорт с ними!

Это не так много – 300 р. за наивность. Я готов систематически платить ради сохранения этого «недостатка».

Если у тебя будут денежные затруднения, то ведь не надо забывать, что помимо мебели есть мое пальто и два костюма [искры гнева сыпятся из глаз твоих, и ресничка нагревается до золотистого каления (тебе не надоело еще, что я так эксплуатирую твою ресницу, – мне надоело)]¹. Тем не менее это вполне реальный ресурс, и ты в любую минуту можешь его использовать.

Твои рассуждения о приезде ко мне – совершенно справедливы. Я писал по этому поводу в полусутоливом тоне – вовсе не требую, чтобы ты сразу приехала.

Я писал «профилактически», боясь, что твой приезд будет задерживаться даже тогда, когда я устроюсь.

Я очень надеюсь на Красмашстрой.

Твои рассуждения о том, что мне не дадут квалифицированной работы, по-моему, совершенно нелепы. У нас всегда и всюду стремятся использовать людей по специальности и квалификации. Часто для людей, находящихся в моем положении, это бывает невозможно, но не для инженерной работы.

Учреждению может быть вообще неприятно иметь такого сотрудника, как я. Но уж если меня брать, то потому, что я обладаю квалификацией, а не в чертежники.

Какой-то старый мой пиджак переделывает родственница Тарзана (это она?). По-моему, все мои старые пиджаки давно кончились.

Несколько слов о моих товарищах Б.М. и Л.Л. Твои претензии к ним и неудовольствие их поведением вытекают из неверной оценки наших взаимоотношений.

Оба они мои знакомые по службе, с обоими я сблизился на почве взаимной научной работы, без которой наше знакомство давно бы оборвалось. Севой я был знаком еще в студенческие годы, но мы никогда не бывали друг у друга, пока судьба нас не столкнула в МАИ, и даже там мы сблизились только на почве писания задачника². С Б.М. то же самое – нас сблизил книга, и после мы встречались по инерции, т.к. работали больше года вместе. Если бы мы с ним не проектировали еще одной работы, то наше знакомство пошло бы по затухающей кривой. Так что проводить параллель между Ликой, например, и тобой и мной и Б.М. или Л.Л. совершенно неверно.

Я бы сам, если ситуация сложилась бы вдруг противоположная, никакой особой инициативы не проявил.

Вот сколько места посвящено разбору твоих заключений.

Так проблема «проект и я», пишешь ты, существовала только в моем воображении!?!?!?

А вы забыли целую серию разговоров по этому вопросу? (рычит на всю почту).

За мной стала очередь на ручку, так что приходится поторапливаться.

Твой план о приезде на работу на Красмашстрой в случае, если меня не примут, немного рискован, с другой стороны – иного выхода нет.

Если выяснится, что я на работу не принят, то продавай, что можно, из моего имущества, высылай мне немного денег и выезжай, временную комнату к твоему приезду я всегда достану.

А то если меня не возьмут и все время откладывать, то я буду сидеть здесь без денег и все равно придется распродавать имеющееся имущество. А приехать после тебе будет еще трудней, т.к. весь материальный аккумулятор будет израсходован.

Пока что нужно ждать приезда директора.

Деньги мной взяты сейчас под строгий контроль, так что хватит еще надолго. Я проживу без субсидий еще месяц.

Даже ноги разболелись от этого письма. Крепко целую тебя, моя милая.

Мы с тобой скоро увидимся, моя аф-ф-ф-риканка (недаром у тебя такой профиль).

До скорого свидания!

«Целую». Твой Сергей.

Р.С. Мебельную «выручку» нужно, конечно, в первую очередь отправлять О.Э. и вообще постараться помочь ей.

¹ Квадратные скобки принадлежат С.Седову.

² Вероятно, работа над задачником не была завершена и он не был издан.

13/IX 35 г.

Милая Ресничка!

Сейчас пришел домой. Уже три часа.

В последнем письме ты пишешь, что я не отвечаю на многие твои вопросы. Поэтому я достал все твои письма и решил исправить это упущение.

Письма все перечитал, отняло это целый час. Обнаружил, что на все вопросы я ответил, только часто отвечал я не сразу.

Спать мне не холодно, т.к. я, как тебе уже известно, переведен в комнату.

Перелистывая письма, обратил внимание на разную бумагу. Одно, написанное на тонкой бумаге, я заметил давно, а два других на отрывных больших клетчатых листах узнал только сейчас.

Несколько слов о повторениях. У тебя несколько раз в письмах встречаются повторения, и я, когда пишу, очень часто задумываюсь, писал я об этом в прошлом письме или только думал. Все, что я думаю и что является сколь-нибудь важным или интересным для тебя, я тебе сообщаю, и поэтому я иногда не могу сообразить: писал ли я об этом или только думал.

Вот сейчас о ручке, на плохое поведение которой ты жалуешься, не помню, писал ли я, что она, по всей ве-

роятности, старше тебя. Т[ак] к[ак] помню ее еще из Венны, что было году в 1912–13.

Было время, когда я играл ею в футбол, так что ты прости ее, старушку. Если тебе действительно хочется получить ее в презент, – то рад тебе доставить это маленькое удовольствие.

Ты еще беспокоишься о том, что нужно мне послать сейчас. Пока совершенно ничего не нужно.

Исправлю еще свое упущение о моих ногах, которое повергло тебя в полное недоумение.

По выходе на свободу я переделался, так как вид у меня был настолько неважный, что когда я попал в камеру политических пересыльных, то был принят за «шакала».

Почти все мои вещи остались в тюрьме, новыми полуботинками я натер волдыри на пятках, заменив их туфлями, я натер себе волдыри на пальцах, т.к. ходил почти на цыпочках.

Пойти и взять ботинки я не мог, т.к. пришлось бы забрать все вещи, а тащиться с ними на вокзал, что я сделал потом, было тяжело из-за грязи, довольно значительного расстояния и больных ног.

Вот и вся эпопея.

Мира, пишешь ты с завистью, приехала черная-черная. Я тоже завидую ей, очень завидую, она может каждый день видеть тебя. Передай ей мой привет.

Я вообще послал бы много приветов, у меня их большой запас, но боюсь. Вдруг мой привет совсем не понравится, покажется неуместным, даже бестактным. Я бы вот Лику поцеловал в носик, но т.к. она ночевала у тебя и привета я от нее не получил, то боюсь, а вдруг на носике останется несмываемое пятнышко.

А все-таки она очень славная, и я ей низко кланяюсь.

Ты просишь «бытовизма».

Пожалуйста!

Да, чтобы не забыть. Опять ты занимаешься самобичеванием: называешь Андрея щенком.

Я бы мог описать тебе оригинальную конструкцию местной уборной, но это был бы грубый бытовизм – вульгарный. К тому же я уже касался однажды этого вопроса.

У местной козы родилась дочь. Я заочно был полон к ней нежными чувствами.

Как-то верст за сто от Алма-Аты я ловил рыбу и охотился на орлов – это было на берегу реки Или. Обстановка экзотическая и по части поразительно сочных пейзажей, и по части всяких скорпионов, каракуртов, змей и проч.

Там я видел маленького дикого козленка – он был ужасно грустный с изумительными глазами, тонкими и высокими ножками, на которых он поднимался, буквально как на шарнирах.

Воспоминания о нем сохранились у меня очень ярко еще потому, что жил он в одной большой корзине с двумя исполинскими мохнатыми бухарскими котами.

Он не прожил и двух дней.

Гибель его объяснили следующими причинами. Казахи применяют варварский метод охоты: увидев козу с козлятами, они верхами гонятся за ней, пока козлята не останавливаются в изнеможении.

Очевидно, молодой организм совершенно надрыгается.

Местный козленок тоже по каким-то недоступным моему понятию сельскохозяйственным мотивам отнят от матери. Но он страшно весел.

Если б ты видела, как забавно он становится на дыбы, как нелепо и смешно он припрыгивает, высоко закидывая зад. Ему всего четыре дня, но [нрзб.]

Недавно я обнаружил, что у «сынки» свинячьи глазки. Смотрю: маленькие, неприметные, немного наклонно расположенные, словом, такие, какие на человеческом лице принято называть – свинячьими.

Иными словами, совершенно серьезно, я пришел к выводу, что у свиней – свинячьи глазки.

Это не шутка.

Дело в том, что я, городской житель, много все же видел свиней на своем веку (никак человек не может обойтись без пошлого каламбура), но никогда я внимательно не рассматривал их. Термин же «свинячьи глазки» я привык воспринимать и употреблять. Но он никогда конкретно не ассоциировался у меня со свиньей.

Что-то «бытовизма» не получилось.

Даже ничего похожего.

Постель моя устраивается следующим образом: к сундуку подставляются два стула, спинкой направлены врозь. Затем... виноват – между стульями и сундуком остается зазор, а вот затем на сундук и стулья одновременно кладется портрет жены алкоголика (лицом вниз). (Портрет рисован самим алкоголиком с фотографии). После этого кладется овчинная шуба и тулуп, все это покрывается тонким одеялом, потом уже ложусь я.

Корова здесь сама открывает калитку, подцепит одним рогом за ручку, поднимется и толкнет ее лбом. После чего войдя во двор, она мычит.

Вот такая у нас корова!

Когда у нее появилась потребность в теленке, то она открыла ворота и убежала на случной пункт, который находится очень далеко и где она была всего лишь один раз.

Вот такая у нас корова!!

Корову зовут – Мартой, а козочку – Галей.

Меня же зовут Сережей...

14/IX

Иду на почту.
Что принесет мне сегодняшний день?
Целую тебя крепко-крепко, моя родная.

Почта.

Что-то сегодня опять нет вестей от тебя.
Уже начинаю волноваться. Это, наверное, все
шутки почты.
Мое положение пока без перемен.
Пойду посмотрю, нет ли от тебя телеграммы.
Вдруг что-нибудь случилось.
Нежно целую тебя.

Твой Сергей

[15–16/IX]¹

<...>

Я удовлетворенно улыбнулся, читая ее.
Дейч много места уделяет знакомству Маркса с
Гейне, но этой фразы я у него не встречал, а она очень
показательна, т.к. написано спустя много лет после его
смерти.

Слава богу, меня отвлекли от этой темы, а то я ни-
как не знал, на чем кончить и к чему я вдруг взялся за
нее. Отвлекли меня очень прозаически. Какой-то мужик
прошел мимо меня, и я слышу, как он мочится в кустах,
поднимаемая тучи мошек и беспокоя муравьев.

После такого вмешательства можно писать только
о делах.

Положение мое пока не изменилось.

Начальство, оказывается, еще не приехало – будет
сегодня или завтра. Так что поеду на Красмаш только

17-го с утра и по всей вероятности ничего не добьюсь. Думаю, даже уверен на сей раз, что на следующей шестидневке получу окончательный ответ.

16/IX 35 г.

Вот и переписал. И сейчас обратил внимание, что пропустил одну фразу, в которой прошу прислать мне пару самых дешевых ботинок.

Вчера вечером поиграл в футбол. Хотя играл я для себя посредственно, но по местным масштабам это, оказывается, хорошо, так что возможно, что тебе придется со временем отражать лучи моей «славы». Не пугает ли тебя эта перспектива? Могу свои упражнения на этом поприще прекратить.

Сегодня зато болит все тело, особенно ноги, но это полезно, а то я очень размяк – дыхание у меня никуда не годится.

Возвращаюсь к твоему письму. Ты жалуешься на то, что я не люблю тебя и что я [упрекаю тебя, что] ты не обладаешь широкой душой.

На первое я уже ответил, что касается второго, то объясни мне, пожалуйста, где же ты уместала вышеупомянутую нежность? – ты, кажется, ни разу не жаловалась на ее отсутствие!

О расчетливости мне даже не хочется писать – это такая чепуха, что, право, не стоит о ней говорить.

Доверенность я вышлю, как только устроюсь на работу (речь идет о ДУКе), но я надеюсь, что она придет слишком поздно.

Вообще я все время надеюсь.

Сейчас иду на почту и зайду на телеграф. Получила ли ты мою телеграмму, догадалась ли ответить?

День сегодня стоит очень холодный и ветренный. Пыли, наверное, много.

Почта.

С грустью констатировал, что писем мне нет. Значит, ты не писала с 3го по 7ое, а еще пишешь в последнем (от Зего) письме счет «15: ? в мою пользу».

Директор, говорят, еще не приехал, но я подозреваю, что это «туфта» и он просто очень занят. Завтра с утра [нрзб.] поеду.

Крепко тебя целую.

Иду на телеграф.

Твой Сергей

¹ Датируется по содержанию. Начало письма утрачено.

Открытка
17/IX [35]

Милая Женюша!

Заехал на почту прямо с Красмаша. Директора видел – он только сегодня приехал, и я прождал его в коридоре около пяти часов. Болят ноги. Ответ обещал дать 19-го.

Выяснилось, что я там очень нужный человек. Они, оказывается, занимаются переводом своих катеров с бензина на генераторный газ.

У директора на столе я увидел экземпляр книги, одним из авторов коей я являюсь¹.

Тем не менее подождем. Теперь осталось пустяки – несколько дней.

Писем от тебя опять нет.

Очень-очень жаль.

Из вещей мне нужно будет купить дюжину воротничков (размер по рубашкам, кажется, №39).

Кажется, открытки у меня сегодня не примут, т.к. прием спешной почты только до пяти.

Так что придется отправить завтра, и то простым. Оно пойдет дольше.

Целую крепко. С.

¹ Вероятно: *Седов С.Л., Мезин И.С., Черномордик Б.М.* Легкие газогенераторы автотракторного типа. [Л.], 1934.

18/IX 35 г.

Красноярск, почта

Милая Женюша!

Получил сейчас два твоих письма: одно от 7го, другое от 10го. Будут ли промежуточные 8го и 9го, или ты стала писать через два дня на третий – не знаю. Я пишу ежедневно по письму, вчера, правда, отправил открытку, так что тебе легко ориентироваться без нумерации. По моим расчетам, я получаю все твои письма.

Последние твои два письма, полученные сегодня, тоже таят в себе капельку желчи.

Но это я вызвал ее и полностью признаю свою виноватость. Комментарии и оправдания будут в завтрашнем письме.

К директору на прием назначено к трем, так что с утра успею написать письмо и отправить его.

Почему-то ты не пишешь относительно телеграмм?

Я сейчас не знаю, как протянуть день, с таким нетерпением жду свидания с директором. Боюсь, что завтра, может быть, ответа еще не будет.

Радуюсь тому, что так удачно получилось с газогенераторной проблемой.

День сегодня хороший, придется пойти на стадион, может быть, там время пройдет быстрее.

Я в пальто, и мне жарко.

Умудрился надавать в долг 5,5 р. – какова-то их дальнейшая судьба?

Как видишь, моя наивность расцветает и под красноярским небом.

Были бы люди, а кому поверить я найду всегда, или лучше так: были бы люди, а как быть обманутым – найти нетрудно.

Главное, что я не обманут и не обманываюсь в тебе, а остальное чепуха.

Ты, бедная моя Ресничка, – очень устаешь.

Но я бы с радостью променял бы мое вынужденное безделие на самый тяжелый труд. Как это утомительно, Женюша, – изо дня в день ничего не делать и ждать-ждать.

Что будет завтра?

Я боюсь и хочу надеяться.

Уже шесть с половиной месяцев, как мы расстались с тобой. Впереди только огоньки, но мы знаем, как они обманчивы – «так близко и так далеко».

По почтовому пюпитру, на котором я пишу, ползает таракан.

Завтра писем от тебя не будет. Завтра ты только начнешь волноваться, что я не отвечаю на телеграммы.

Завтра вовсе не 19ое, а только 11ое, т.к. сегодня я получил письмо от 10го.

Все-таки я научился ждать. Раньше когда-то я устраивал сцены всем знакомым, которые заставляли меня прождать лишних 20 минут.

Вспомнил сейчас ссоры с Л.Л.

А теперь как спокойно, без всякого раздражения я вчера расхаживал подряд пять часов перед дверьми директора: вперед и назад, вперед и назад.

Крепко и нежно целую любую рожицу.

Пиши, надейся и терпи¹.

Твой Сергей.

¹ Ср. у Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи...»

19/IX 35 г.

Красноярск

Милая моя!

Разрешите немного оправдаться.

Ты обвиняешь меня в том, что я мало внимания уделил твоему дневнику. Это не верно. Если б ты знала, сколько раз я перечитывал его и сколько радостных минут он мне дал! По-моему, я писал тебе об этом.

Что касается всех твоих переживаний, изложенных там, бесконечно дорогих для меня, то я не писал об этом, как и не писал о собственных чувствах во время нашей разлуки.

Я очень-очень счастлив, что получил его и воспринимал его именно так, как ты характеризуюешь его в письме.

Что касается обвинения тебя в беспринципности, то со всей откровенностью признаю, что эта фраза продиктована мне уязвленным самолюбием или ревностью, как правильно назвать – не знаю.

Ревности в прямом смысле здесь не было. Я бы назвал ее ревностью положения – «Другие могут подумать, что я имею повод ревновать» – отсюда уязвленное самолюбие.

Не знаю, ясно ли я выразил свою мысль. Для пояснения своего чувства проведу аналогию. Предположим, что ситуация обратная и я сообщаю тебе, что ходил во время твоего заключения в кино с О.Э.

Ты так же, наверное, была бы уверена, что повода ревновать в прямом смысле нет, но тебе, наверное, было бы неприятно.

Моя же фраза о беспринципности есть прямой плод раздражения, получившегося вследствие сего чувства, я очень раскаиваюсь в ней и прошу меня простить. Я должен был честно высказать то, что чувствую, а не заниматься «уколами», как ты это называешь.

Ты не сердись на меня больше, моя Ресничка?

Всяким фразам о расчетливости и обстоятельности ты напрасно придаешь значение.

Все это писалось несерьезно, правда, не без задней мысли, в которой я тебе уже сознавался, что в случае, если наступит подходящая ситуация для твоего приезда, то я боялся, чтобы какие-нибудь мелочи не задержали тебя.

Я прекрасно понимаю, что это беспокойство о мелочах, наверное, нужно и руководит тобой желание нашего же блага и деятельный твой характер.

Но я так тоскую по тебе, что страх задержки твоего приезда толкнул меня и тут на «уколы» – но здесь все они были шутивы. Я все же обидел тебя, т.к. ты в письме пишешь, не без горечи, об обыденности твоей натуры, повседневности и проч. чепуху.

Я не хотел сделать тебе неприятного.

Тем более причинить тебе боль.

Мне очень обидно, что это так случилось. Ты так беспокоишься обо мне, так много делаешь для меня, ты бросаешь свои пенаты и собираешься ехать ко мне. Разве это признаки мелкой натуры? Милая моя, прости меня!

Возможно, в моих письмах случался элемент раздражения – это от окружающих условий, от неудач со службой, от тоски по тебе. Конечно, трижды нелепо и

даже просто безобразно, если где-нибудь, даже случайно, это раздражение было направлено против тебя.

Кажется, написал все. Надеюсь, ты поймешь и простишь меня.

Хотя темы для мало-мальски серьезной ссоры, конечно, нет. Но я так огорчен происшедшим и мне так не хочется, что[бы] между нами была хотя [бы тень] неудовольствия, что посвятил своему раскаянию целых четыре страницы.

Скоро нужно трогаться в путь.

У меня сегодня много дел: необходимо побриться, получить в сберкассе деньги, зайти на почту и поехать на Красмаш.

Настроение у меня спокойное, я мало надеюсь получить сегодня окончательный ответ. (Где-то в «глубоке» все же копошится надежда.)

В случае благополучного результата это письмо ты будешь читать как «исторический» документ.

Крепко тебя целую, моя любимая. Нужно идти, припишу на почте.

Почта.

Получил твое письмо от 8го и 9го. Ты что-то пригорюнилась и падаешь духом. Напрасно!

Почти на все вопросы я ответил, надеюсь, сейчас ты уже получила все мои письма, в которых я помимо чепухи пытался писать и на серьезные темы.

Кстати о твоей арифметике: ты считаешь полученные тобой письма и относишь их к написанным. Получается 17:11 в твою пользу, если я проделаю то же самое, то получится примерно 30:17 в мою пользу.

Можно сравнивать только так: что ты писала 17ое, а я бы послал по крайней мере 18ать, т.е. на одно или два больше, чем ты.

Я уже получил 30 р. на расходы и еду.

Денег у меня сейчас осталось 150 р., мне должны 59 р. и я должен хозяйке за стирку и житье около 150.

Целую и обнимаю тебя, моя девчурка, твой Сергей.

[23–24/IX]¹

<...> т.к. я ясно вижу, сколько препятствий стоит на этом пути. Пользы, конечно, тоже немало.

Во всяком случае работа для меня интересная, хотя и лишена всякого научного «шарма», который всегда придает мне некоторый огонек.

Вот я пишу о служебных делах и прочем, вожу карандашом по бумаге, а сам думаю, понравится ли Женюше комната, точней номер, не мал ли он.

Комнаты здесь стандартные, размером с мою московскую, так что тесно не будет.

Мой номер стоит 3 р. [нрзб.] коп. в сутки, так что в случае чего можно пожить здесь и месяц, что даст возможность найти подходящее помещение на постоянное жительство. Размеры номера мало чем отличаются от нашей комнаты у Полины Константиновны (помнишь, как мы взбивали с тобой матрац и ты шутила, что я щекочу его).

Свет потух, но я стал хитрый, я не гашу керосиновой лампы, а только прикрываю ее.

Тебе не мешало бы (свет загорелся) набрать с собой книг по экономическим, верней, планово-экономическим дисциплинам – мы будем вместе учить их – выяснилось, что мне очень и очень непросто разобраться во всяких калькуляциях, конъюнктурах и прочем.

Времени свободного будет только очень мало. Я привык к своей институтской работе, а здесь завод от-

нимает каждый день по 10–11 часов, а когда работа начнет кипеть, пойдут испытания, то придется еще больше трудиться.

Но все это пустяки, скорей бы приехала Ресничка.
Что-то она не едет?

А вдруг завтра будет телеграмма: «Выезжаю 26го скорым целую женя».

Нет, чепуха – это невозможно и вообще ты не приедешь, что-нибудь да случится.

Уже 9 ч. 20 мин., надо ложиться спать – оркестра пока не слышно.

Спокойной ночи, моя девчурка!

Почта. 24/IX 35 г.

Писем от тебя нет. Последнее время я получаю не чаще, чем на третий день. Не знаю, то ли ты писать стала реже, то ли ты стала реже писать. Т.к. письма все, судя по нумерации, доходят.

Телеграммы тоже пока нет.

Иду сейчас за вещами. Крепко-крепко целую, жду с нетерпением твоего приезда.

Приезжай скорей, пожалуйста!

Твой Сергей

¹ Датируется по содержанию. Начало письма утрачено.

8/X 35 г.

Получил вчера твое письмо от 26го, и на меня повеяло какой-то облегчающей теплотой. Последнее время я чувствовал себя очень плохо, морально, конечно, временами мне казалось даже, что я болен.

Твои переживания очень близки мне, я почувствовал, что ты ощущаешь такую же тоску, как я.

Вчера послал тебе письмо с доверенностями на ДУК и лабораторию – согласно твоего телеграфного приказа. Вчера же получил деньги и перевел тебе 120 р. на дессу¹ (в частности купи себе теплые штанишки, а то здесь холодно).

Дни мои проходят очень просто.

Встаю около половины седьмого, в начале восьмого выхожу из дому и сажусь на поезд, который состоит из обыкновенных товарных платформ, он доставляет меня на завод. Здесь я тружусь до часу. От часу до двух у нас обед. Стоимость его примерно 2 р. 50 к. – обед вполне приличный, правда, на мой непривередливый вкус. С двух до пяти мы опять работаем. Рабочий день восемь часов. В пять я отправляюсь на местную почту, а иногда и на городскую – последнее, если очень не спешить, связано с риском ночевать на том берегу Енисея, т.к. катера здесь циркулируют очень своевольно, особенно к вечеру.

Вечерами я изредка спускаюсь в клуб ИТР – он находится под гостиницей, в которой я живу, дважды сражался там в шахматы, а большей частью я ложусь очень рано спать – около десяти. Перед сном немного читаю, сейчас – «Бесы» Достоевского.

Сплю много, чему очень рад. Только сны часто тяжелые, особенно после твоей, как ты выражаешься, «одиографии».

Вчера по случаю полочки даже выпил бутылку пива, отвратительного на вкус. Позавчера, в выходной день, пил водку при довольно забавных условиях. Я возвращался из города, вдруг из катера, который должен бы везти меня на тот берег, меня окликнули, оказалось, моторист его – один из футболистов, он перевез меня бесплатно в машинном отделении через Енисей и угостил водкой. Возвращаясь от реки к дому, я разгова-

ривал с тобой вслух посреди поля в темноте, но ты почему-то не отвечала мне (был я, кстати сказать, совершенно трезв).

Не забудь, пожалуйста, купить теплые штанишки.

Помнишь ли ты сказки Киплинга, в частности о ките – почему у него такое узкое горло.

Так вот, не забудь про штанишки.

Получила ли ты письмо о мебели с запиской Але и Нине?

Кстати, если моя гитара (происходит не от слова Гита) жива, я хотел бы подарить ее Саше Саломатину. Если он у тебя будет или позвонит тебе – попробуй это организовать, я думаю, что писать специальную записку Але и Нине для этого не надо, ты можешь просто показать это место из моего письма. Возможно, что где-нибудь затерялась или это окажется сложно, тогда Бог с ней, она, правда, довольно дорогая, если ее слегка подремонттировать, то цена ей, по-моему, 200 р. Возможно, что Леля ее кому-нибудь подарила.

Примерно каждые полчаса я достаю из кармана конверт, в котором лежат все твои фотографии, и просматриваю их. Больше всего мне нравится карточка, которая пришла с моим бумажником, второй экземпляр той, которую ты мне когда-то подарила с надписью «Сереже-Львовичу от Женьки Серебряной Ресницы».

Ты мне нравишься там до одурения, и вообще ты мне нравишься. Очень нравишься.

Кстати о бумажнике: у меня была маленькая счетная линейка – жива ли она?

Кстати о деловых вопросах. Если есть в продаже, купи, пожалуйста, книгу Тимирязева «Кинетическая теория газов», она мне очень нужна.

Мне очень хочется видеть тебя. Очень-очень.

Когда мы только увидимся, я зацелую тебя.

С одной стороны – это кажется таким простым и доступным: купишь билет, сядешь на поезд и приедешь, а с другой это кажется чем-то невероятным, невыполнимым. Я буду до последней минуты трепетать и не верить, буду бояться всяких случайностей вплоть до крушения поезда.

Милая моя любимая Ресничка, как я мечтаю о тебе, моя хорошая славная девочка. Целую тебя много-много раз. Твой (в полном смысле этого слова)

Сергей

P.S. Сегодня вечером, по слухам, предстоит сражение в преферанс.

¹ От dessous (*фр.*) – белье.

[15/X 35 г.]¹

Красноярск

Милая моя Ресничка!

Вчера получил телеграмму, где ты сообщаем, что волнуешься и что мое молчание задерживает твой отъезд. Тут же послал тебе ответ. На всякий случай повторяю (может быть, ты не получила моего письма): паспорт необходим тебе в том случае, если при твоём возвращении в Москву, сепаратном (хотя бы по случаю моей смерти), тебе грозит отказ в прописке.

Если в Москве имеются яркие лампочки на вольтаж 220, то очень желательно их купить несколько штук.

Если ты паче чаяния все же поедешь из Москвы на протяжении ближайших 20ти дней, то возможно, что по случаю шуги поезд остановится перед Красноярском на нашем берегу, тогда я буду встречать тебя там, я этот во-

прос выясню здесь на вокзале, а ты дай спешную телеграмму с дороги, чтобы я знал, что письмо это получено и что тебе известно об этом, а то может получиться недоразумение.

Впрочем, это все маловероятно, и, кроме того, если ты сообщишь о своем выезде, то я, наверное, сам телеграфно сообщу тебе об этой возможности, если она действительно существует.

Но я вообще перестал верить в твой приезд – что-нибудь да помешает.

Посылку твою я давно получил, кажется, на 10й день после ее отправки, об этом я уже писал тебе, но возможно, что этого письма ты не получила.

Еще раз напоминаю о своей просьбе: как ты только решишь паспортную проблему, телеграфируй мне.

Жизнь моя течет все так же, я продолжаю работать, как и раньше, только теперь работа сдельная.

Перевел тебе 7го телеграфом 120 р., подтверди получение. В скором времени переведу еще столько же.

Жду вестей, крепко-крепко тебя целую.

Твой Сергей.

Я очень люблю тебя, моя милая хорошая девочка. Я очень скучаю по тебе. Мои письма зачерствели, как и я сам, но иначе невозможно. Эта корочка черствости необходима, а то очень уж болезненно я воспринимаю все.

Еще крепко тебя обнимаю и целую.

Твой «мальченка».

¹ Датировано по содержанию письма, у С.С. написано, вероятно, ошибочно: IX, но в середине сентября он был еще без работы, директор Красмашстроя должен был приехать и решить вопрос о его трудоустройстве только 20.09.

[После 21/Х]¹

Вчера письма не отправил. Был в городе на старой квартире, надеялся получить хотя бы рублей 20–30 из долга, о коем тебя информировал. Надеждам моим вообще, видно, не дано сбываться.

Здесь пока тоже еще не платят. А у меня 50 р. долгу, так что обещанную «субсидию» придется, видно, снизить до 100 р., которые на этих днях вышлю. Попробую, как только вернется начальство, мой начальник – заведующий эксплуатационным отделом – в командировке, попросить денег на твой переезд. Может быть, дорогу оплатит. Бери место в мягком скором – стоит это, кажется, 230 р. Т.к. ты приедешь, увы, еще не так скоро, то я смогу тебе перевести следующую получку 150 р., а может быть, будет и еще раз. («Эх, раз, еще раз, еще много-много раз»).

Еще о книгах.

Мне нужны все книги по термодинамике и физической химии, книга «Теплота», кажется, Шефер, по холодильным машинам Цыдзик, Быков, Термодинамика, кажется, она у Б.М., его же книгу о керосине. Мазин – по двигателю, сюда входит химическая термодинамика Партингтон, Капустинский, Гиншельвуд 2 книги². Часть книг составляет собственность различных учреждений и лиц гор[ода] Москвы, но это не должно смущать тебя.

Пришли еще твои рожицы, но только не такие, которые могут заменять «спермокрем» и другие патентованные средства (я в них еще не нуждаюсь) и кроме того вызывают во мне ревность низшего пошиба.

Сейчас мне принесли твою телеграмму, где ты пишешь «хочу выехать конце октября паспорт задержит середины декабря жду твоего решения».

Мое решение обстоятельно изложено, оказывается, не напрасно, на трех страницах. Смотреть подчеркну-

тое место. Очевидно, под моим решением и подразумевается этот вопрос.

При этом письме препровождаю две доверенности согласно твоей телеграммы, советую обе прочесть.

У меня к тебе просьба – все та же. Когда ты выяснишь положение и решишь, оставаться тебе или нет до паспорта, то будь добра, телеграфируй мне. Я надеюсь, что через день-два по получении этого письма ты меня известишь о своем решении.

Крепко тебя целую, пиши мне.

У меня идиотское настроение, на глаза все время навертываются слезы. Письмо, кажется, должно произвести на тебя неприятное впечатление. Если это так, то, пожалуйста, не сердись на меня. Я на днях постараюсь написать тебе более подъемное письмо.

Я люблю тебя, моя Ресничка.

Жду вестей.

твой Сергей.

¹ Фрагмент письма без даты. Датируется по содержанию (см. вступ. ст.: 21 сентября был подписан приказ о приеме С.Л.Седова на работу).

² *Шефер Кл.* Теория теплоты / Пер. с нем. Е.Л.Старокадомской под ред. проф. А.С.Предводителя. Ч.1. М.-Л., 1933; *Цыдзик В.Е., Иоэльсон Е.Б.* Холодильные машины и аппараты. Ч.1. М.-Л., 1932; Ч.2. М.-Л., 1934; *Быков Н.А.* Термодинамика. М.-Л., 1928; *Партингтон Джемс Риддик* [1886–1965]. Курс химической термодинамики / Пер. с англ. Я.И.Герасимова. Проработка и доп. проф. А.В.Раковского. М.-Л., 1932; *Капустинский А.Ф.* [1906–1960]. Термодинамика химических реакций и ее применение в металлургии и неорганической технологии. М.-Л., 1933; *Хиншельвуд С.Н.* [1897–1967, лауреат Нобелевской пр. 1956]. Кинетика газовых реакций / Пер. с англ. под ред. Н.Н.Семенова. М.-Л., 1933; *Хиншельвуд С.Н.* Термодинамика. / Пер. с англ. Е.П.Шубина. Под ред. и с прим. К.А.Шубина. М.-Л., 1933.

Юлия Аксельрод

ИЗ ЗАПИСОК 2002 ГОДА

Где бы я ни жила – в США двадцать пять лет (с 1979 по 2004) или в Израиле (с 2004), на стенах моих бесконечно меняемых квартир висят фотографии моих родных, которые так далеко от меня, так невероятно далеко. Фотографии, напоминающие мне о России, даже самые последние, – все черно-белые. Фотографии моего периода жизни в Америке и Израиле – цветные.

Улыбающаяся молодая женщина – моя мама. Молодая женщина с трагическим лицом держит младенца – это моя мама со мной. Рядом фотография моей матери незадолго до смерти.

А вот я с моими бабушкой и дедушкой, которые меня вырастили.

Мой бывший муж.

Наш сын в распашонке.

Он же с собакой.

Наш сын в израильском солдатском мундире.

Он же – со своей молодой женой, крошечной еврейской девушкой.

Они с ребенком, с двумя детьми, потом с тремя, с четырьмя, с пятью, с шестью.

В моем сердце две страны: страна, в которой я родилась, трагическая история которой стала частью моей

жизни, страна, из которой я уехала еще относительно молодой женщиной, и страна, которую я выбрала как свою вторую родину и которую покинула уже пожилой женщиной, так как хотела на старости лет жить рядом с сыном.

Моя мама

Она была арестована, когда мне было чуть больше года. Меня вырастили бабушка с дедушкой, я была с ними в ссылке; к маме на Колыму я приехала, когда мне было 16, и ушла от нее в неполных 18 лет, после того, как окончила среднюю школу. Между нами никогда не было близких отношений. Мы всегда жили в разных городах или странах.

Бабушка, когда мне было 5 или 6 лет, научила меня читать и писать, и все годы мы с мамой посылали друг другу письма. Может быть, это самая долгая переписка между матерью и дочерью в мире.

У мамы был диплом инженера, но после того, как ее выпустили из лагеря, она работала бухгалтером.

Согласно еврейскому своду законов и советскому паспорту, она была еврейкой, хотя жизненная тропа, которой она шла, не имела с еврейством ничего общего. Мы с матерью говорили об этом, когда она пришла проститься со мной перед моим отъездом в Америку, в 1979 году.

Она рассказывала об отце – каким он был веселым, романтичным, теперь бы сказали – прикольным парнем. Любил небезопасные шуточки, например, мог использовать для письма папочкины бумаги с официальным штампом.

Как мама сохранила письма?! Конечно, она знала, что это опасно. Был у нее друг – Лев Александрович

Охитович. Не знаю, кем он был, знаю только, что он согласился взять эти письма. И он их сохранил.

Счастье было, кажется, очень ярким, это видно из писем. И – недолгим. Когда его арестовали – в 1936 – и увезли из Красноярска, она вернулась в Москву. Боже, думаю, как ей было тяжело! Одна, беременная, мысли, наверное, металась вперед-назад – о нем и о будущем ребенке. Никто не пришел даже проводить на вокзал. Это видно из протокола ее допроса – она надеялась, что хоть кто-нибудь придет ее проводить, но нет, никто не пришел. Не знаю, может быть, это он велел ей оформить развод, когда его арестуют. Но и это было трудно, ЗАГС требовал бумажку о том, что муж арестован.

Когда она пришла в НКВД просить такую справку, ей предложили стать осведомителем. Мать ответила: «Да как я могу это делать? Ведь от меня все шарахаются, как от прокаженной. Помогите мне хотя бы развестись». Они помогли. Как успешно шла карьера моей матери как осведомительницы – я не знаю. Думаю, что никак. Она и на следствии ничего не подписала – ни на себя, ни на Сергея, ни на других.

Все это мне мать рассказала перед моим отъездом в Америку. Раньше мы об этом никогда не разговаривали.

Отец

Отдельно висит портрет молодого мужчины с грустным лицом. Портрет неясный, сделанный с маленькой фотокарточки. Это мой отец, Сергей, которого я никогда не видела. Я очень мало знаю о нем, а то немногое, что знаю, узнать было нелегко. Этот молодой человек был арестован в 1935 году, сослан в Красноярск. Несколько месяцев они с мамой переписывались.

Последнее письмо Сергея к моей маме написано примерно в середине октября 1935 года, потому что вскоре она приехала к нему в Красноярск.

Сергей был снова арестован летом 1936 года.

Я родилась 21 августа 1936 года.

Совсем отдельно висит фотография его родителей (моих бабушки и дедушки, которых я, как и отца, никогда не видела) – Льва Троцкого и Натальи Седовой.

Те, кто еще жив, забыли Сергея. Время и обстоятельства сделали свое дело. Покойные, его мама и папа, так же, как и моя мама, запомнили его как очень яркую индивидуальность.

Я не знала о нем почти ничего, пока не прочла его письма: теплые письма сына к родителям, ничего необычного, и страстные, романтические и лирические – к женщине, их получала моя мама.

Когда я читала эти письма, я чувствовала к нему какую-то материнскую любовь. Ему было примерно 29 лет, когда он написал их, а мне было почти 50 лет, когда я их читала. Я представляла себе его стертые ноги, его одиночество, его нереализованные надежды. В моей памяти он всегда будет двадцатидевятилетним.

«Кланяюсь твоей маме, к которой всегда испытывал чувство глубокой симпатии. Передай ей, что я прошу прощения за тот переполох, который внесен мной в ваш дом» – так писал отец моей маме 21 августа 1935 года¹, и когда я прочитала это, я вспомнила, как летом 1951 года мы трое, дедушка, бабушка и я, сидели на сибирской

¹ См. с. 149 наст. изд.

пыльной дороге и ждали конвоя, который должен был вести нас дальше на восток. Мама давно была в ссылке. Местная крестьянка принесла нам овощей. Бабушка заплакала. Она ругала мою маму и все повторяла: «Мы говорили ей, чтобы она не делала этого, мы говорили ей, чтобы она не делала». Это правда – они с бабушкой договаривали мою маму не выходить за отца; должно быть, предчувствовали беду.

Я хочу сохранить память о нем. Никто не знает, где его могила. Тысячи людей, таких же, как он, были казнены, брошены в общие ямы и покрыты тонким слоем земли.

Пепел Клааса стучит в мое сердце.

Москва, Маросейка, 13, кв. 12

Это адрес, на который Сергей посылал письма жене – моей матери. Это адрес, который моя мать возвратила себе после того, как Сергей был посажен в тюрьму. Я помню большую квартиру, нам принадлежала одна комната в этой квартире. Комната была поделена на 3 части: очень маленькая часть без окна называлась кабинетом, это было пространство моего дедушки. «Комната» побольше, с окном, принадлежала дяде Боре и его жене тете Ане². Там находились только софа и книжные полки с множеством книг (дядя Боря был журналистом, а тетя Аня редактором, ее все очень любили и называли Нюня). Там была картинка с кем-то, похожим на Микки Мауса, и надпись: «книги ни для кого». Помню, мне было года четыре, – перед самой войной – каждый вечер, лежа в постели, я слышала такой диалог: «Боря, пожа-

² Анна Дмитриевна Мельман.

луйста, дай мне почитать книгу». – «Нет, ты будешь читать в постели, а мои книги нельзя читать в постели». – «Боря, дай мамочке почитать книжку, Боря, ну, дай же». Я засыпала, поэтому никогда так и не узнала, давал ли дядя книжку моей бабушке.

Во время войны дядя Боря и тетя Аня были военными корреспондентами, почти все время они были вместе. Во время войны с Японией они были в Маньчжурии, и тетя Аня после рассказывала, что нос дяди Бори производил невероятное впечатление на маньчжуров. Они ходили за ним, и один из них как-то раз попробовал очень осторожно потрогать его нос. Дядя Боря был высоченный, а тетя Аня – очень маленького роста (у меня есть только одна ее плохая фотокарточка). Она терпеть не могла бюрократию и грозила бюрократам своим пистолетом.

...Ночью 10 мая 1951 года пришли за нами. Пока обыскивали квартиру, бабушка все спрашивала дедушку: «Миша, что ты сделал? Скажи мне, что ты сделал, Миша?» – «Я ничего не делал», – снова и снова повторял дедушка. Его забрали первым, потом бабушку, а меня увезли в детприемник.

Дедушке был 71 год, бабушке – 65, мне – 14.

В бдительно охраняемом детприемнике я находилась с 10 мая по 1 июля, живя с девочками всех возможных происхождений (мальчики жили отдельно). Наконец наступил день, когда меня забрали из приюта и привезли к товарному поезду, который стоял на небольшом расстоянии от вокзала, и я попала прямо в руки моим дедушке с бабушкой. Они были приговорены к пяти годам ссылки в Сибири как «социально опасные элементы», и я должна была ехать с ними. Поезд привез нас в Новоси-

бирск, здесь мы были помещены в пересыльную тюрьму в ожидании конвоя.

В 1952 году, когда мне должно было исполниться 16, я оставила моих бабушку с дедушкой и поехала к маме в поселок Ягодное, находившийся примерно в 540 километрах от Магадана, высоко в горах Колымы. Мамин десятилетний срок закончился, но она все еще находилась в Сибири – до окончания пятилетнего срока обязательного проживания там. Мы с ней не очень-то ладили. Начать с того, что я не могла заставить себя обращаться к ней «мамочка», этого в моем лексиконе не было.

Пятого марта 1953 года умер Сталин. «Наконец-то сдох!» – была реакция моей мамы на эту новость. Бабушка с дедушкой могли теперь свободно покинуть Сибирь, правда, им не разрешили жить в Москве. Я по какой-то причине была освобождена от этого запрещения.

Вскоре после нашего возвращения дедушка умер, и бабушка переехала ближе к Москве. Мы опять начали жить вместе, снимая убогие маленькие комнатки в убогих маленьких квартирках и дожидаясь получения постоянной площади. В 1958 году нам удалось ее получить – в трехкомнатной коммунальной квартире на окраине Москвы, в которой жили еще две семьи.

Вот еще фотография (она часто публиковалась, ее можно найти в любой книжке о Троцком): несколько мужчин, все в зимних шапках, один из них в военной фуражке и очках, и два мальчика – сыновья мужчины в очках. 7 ноября 1919 года. Ленину – мужчине в самом центре фотографии – осталось жить еще 4 с небольшим года. У него никогда не было детей, какая-то болезнь медленно поела его тело и мозг. Он знал, что его кончина мо-

жет быть мучительной. Легенда гласит, что в самом конце своей жизни он осознал, какое общество он создал. Исправить что-то он был не в силах. Человек в военной фуражке – Троцкий – не понял ничего. Прежде чем сам был убит, он потерял всех своих детей – двух мальчиков (один из них, на фотографии он в вязаной шапке с помпоном, – мой отец) и двух девочек.

Не так уж много он вспомнил про этого мальчика, когда писал свое жизнеописание:

Когда я телефоновал <...> жене, что в Петербурге революция, младший мальчик лежал в дифтерите. Ему было девять лет. Но он знал давно и твердо, что революция – это амнистия, возвращение в Россию и тысяча благ. Он вскочил и плясал на кровати в честь революции. Так обозначилось его выздоровление. Мы спешили выехать с первым пароходом. Я бегал по консульствам за бумагами и визами. Накануне отъезда врач разрешил выздоравливающему мальчику погулять. Отпустив сына на полчаса, жена укладывала вещи. Сколько раз уже пришлось ей проделывать эту операцию! Но мальчик не возвращался. Я был в редакции. Прошло три томительных часа. Звонок по телефону к нам на квартиру. Сперва незнакомый мужской голос, потом голос Сережи: «Я здесь». Здесь – означало в полицейском участке на другом конце Нью-Йорка. Мальчик воспользовался первой прогулкой, чтобы разрешить давно мучивший его вопрос: существует ли в действительности первая улица (мы жили, если не ошибаюсь, на 164-ой). Но он сбился с пути, стал спрашивать, и его отвели в участок. Когда же-

на со старшим мальчиком прибыла час спустя в участок, ее встретили там веселыми приветствиями, как давножданную гостью. Сережа, весь красный, играл с полицейским в шашки. Чтобы скрыть смущение, которое вызывал в нем избыток административного внимания, он усердно жевал черную американскую жвачку вместе со своими новыми друзьями. Зато он и до сего дня помнит номер телефона нашей нью-йоркской квартиры³.

Old man⁴

Я нашла моего кузена от первого брака дедушки⁵ (я – от второго брака).

Я побывала в Мексике и видела старый дом в Койоакане.

Я ходила по этому полупустому, неуютному, запущенному дому, затерявшемуся на тихой улочке мексиканской столицы, по воле случая вобравшему в себя гулкий отголосок всемирно-исторической трагедии русской революции, и размышляла. Я рассматривала висевшие в кабинете фотографии хозяина дома и силилась представить его себе не основоположником дьявольской ереси, не предметом жгучей ненависти Сталина, не знаменитым политическим деятелем первой половины XX века, а просто человеком. Темпераментным литератором, неутомным честолюбцем, вечным скитальцем. Моим де-

³ Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. [Репринтное воспроизведение издания 1930 года («Гранит», Берлин)]. М., 1990. Т.1. С.316–317.

⁴ Прозвище Троцкого в кругу единомышленников.

⁵ Всеволод (Эстебан) Волков (р. 1926) – внук Л.Д.Троцкого, сын дочери Зинаиды, хранитель музея Троцкого в Койоакане (Мехико). О нем см., напр.: Время новостей №106. 17 июня 2005 (www.vremya.ru).

душкой, наконец. Но – тщетно. Проклятие его имени со страшной силой давило на мою психику на протяжении всех лет моей сознательной жизни в Советском Союзе, и даже теперь я не могла стряхнуть с себя мистику так долго внушаемых мне предрассудков.

Заметка «Сын Троцкого – Сергей Седов пытался отравить рабочих» была опубликована в «Правде» 27 января 1937 года. В 1988 году я, читая какие-то перестроечные газеты, наткнулась на упоминание этой заметки и внезапно вспомнила, как однажды у нас на Маросейке кто-то из родных, кажется, дедушкин брат, сказал, показывая почему-то на меня: «Отравлял рабочих! В “Правде” написано». Я нашла микрофильмированную копию газеты в общественной библиотеке Нью-Йорка. Не могу описать, какое сильное впечатление произвел на меня этот микрофильм. Меня трясло, как в лихорадке.

«Old men» умер 21 августа 1940 года. Это был мой четвертый день рождения. Этому человеку было 60 лет. Мне сейчас 66. Я не старая.

Вот фото Сергея с его племянником Люликом, сыном Льва. Этот мальчик мог бы быть моим самым близким родственником. Никто не знает, как сложилась его судьба.

Три мои бабушки

Моя первая бабушка – мама моей мамы, моя самая близкая, самая любимая бабушка Роза. Я очень по ней скучаю до сих пор. Она вырастила меня. С ней я была в ссылке. В ней никогда не было ничего еврейского, что бы это ни значило; у нее было вольтеровское мышление.

Бабушка могла смеяться над чем угодно, она была моей подругой, была готова побежать в кино в любой

момент, ее все любили. Она была страстным читателем и русский язык знала в совершенстве. Родившись в 1884 году, бабушка Роза вместе со страной прошла через все испытания Первой мировой войны, гражданской войны, Второй мировой войны, эвакуации.

Много раз ей приходилось покидать место, которое было ее домом. Во время Первой мировой войны и гражданской войны у нее было двое маленьких детей (моя мама и мой дядя), во время Второй мировой войны она растила меня. Каждый раз ей приходилось все начинать с самого начала.

Все годы, пока моя мама была на Колыме, бабушка отправляла ей посылки, чтобы помочь выжить. Когда родился мой сын, она помогала мне – я ни дня не пропустила в институте.

Бабушка Роза стала вдовой в 1955 году. В 1962 она умерла. (Оба ее ребенка умерли в старости своей смертью.)

Моя вторая бабушка – мама моего папы, Наталья Ивановна Седова. Она была русская, хорошо образованная, независимая. Училась на факультете искусств в Париже в самом начале прошлого столетия, ей было тогда примерно 20 лет. Девушки такого возраста в то время обычно должны были оставаться с семьей. Бабушка встретила молодого человека, и они полюбили друг друга. У них родилось два мальчика. Обоих их сыновей убили по отдельности почти одновременно. Моему отцу было 29 лет, а моему дяде – 32 года. Своих родных внуков она никогда не видела. Внуки жили в СССР, а бабушка сначала была сослана, а потом выслана. Из писем моего отца я знаю, что он посылал родителям фотокарточки их внука Люлика. Бабушка Наталья стала вдовой в 1940 году. Из письма Бориса Николаевского (23 декабря 1950

года)⁶ я знаю, что бабушка знала обо мне. Это письмо дает очень хорошее представление о том, что происходило с Сергеем, с моей мамой, со мной, с моими бабушкой и дедушкой с 1934 по 1948 годы.

Моей третьей бабушкой я считаю Анну Элеонору Рузвельт (1884–1962), да-да, жену Франклина Делано Рузвельта, потому что она «делала меня», влияла на меня – может быть, не меньше, чем моя родная бабушка. Она вошла в историю Америки как общественный и политический деятель, автор книг, публицист и дипломат. В 1946 году ее избрали председателем комитета по защите прав человека при ООН. Гарри Трумэн назвал ее «Первой леди мира» и подчеркнул, «что она интересуется не только Соединенными Штатами, но и всем миром». В последующие тринадцать лет Элеонора Рузвельт по результатам социологического опроса была «женщиной, которой больше всего восхищались в мире». В «Нью-Йорк Таймс» известие о ее кончине появилось под заголовком: «Она была символом новой роли женщины в мире». Прожив двадцать пять лет в США, я стала смотреть на мир другими глазами.

Из письма дяди Бори⁷

Мне было 20, когда Сергей начал посещать мою сестру. Мне было приятно с ним общаться. Он был старше меня. Но наши пристрастия в литературе совпадали. Примерно полтора года я видел его очень часто. Но сейчас я не могу его точно описать. Я помню, что он был очень застенчивым. Он никогда не упоминал о своей ге-

⁶ См. Приложение 17, с.126 наст. изд.

⁷ Письмо Бориса Рунина к Юлии Аксельрод. Конец 1980-х. Из архива Ю.Аксельрод. Фрагмент.

неалогии. Он ездил к нам несколько месяцев, но я не очень многое о нем знал, только о его образовании и о том, где он работал.

Сергей был очень приятный мягкий молодой человек. Не очень разговорчивый, немного иронический. Я узнал о его происхождении, когда он был арестован. Я думаю, ему было всего 30 лет в то время. Именно тогда я выяснил, что он был сыном Троцкого.

Его арест и чудовищные обвинения против него в «Правде» заверили нас в том, что рано или поздно мы заплатим за знакомство с ним. Мы старались не привлекать к себе внимание и держали в секрете, кто был отцом моей племянницы. Потом началась В[торая] М[ировая] В[ойна], та холодная война, космополитизм, арест моих родителей <...>, и образ Сергея исчез из моей памяти.

Мои «три мушкетера»

Я считаю, что любому человеку необходимо знать как можно больше о людях, благодаря которым он появился на свет. Эта потребность – один из видовых признаков человека, отличающих его от животных. Но одна я не сумела бы собрать даже то небольшое, что рассказано о моих родителях и о родителях моих родителей на этих страницах. Собирать по крупицам воспоминания, отыскивать в архивах письма и фотографии мне помогали люди, которых, к сожалению, уже нет в живых, – Альберт Глоцер, Гарольд Робинс, Георг (Джордж) Лаван Вайсман. Я приношу этим людям запоздалую благодарность.

Расскажу о них, чтобы было понятно, кто это такие.

Гарольд Робинс (Harold Robins, 1908–1987). Он был коммунистом и участвовал в забастовках, которые троцкисты устраивали в 1930-х. Был одним из телохранителей (главным охранником) Троцкого в Койоакане (Мехико) и своими руками задержал Меркадера 20 августа 1940. Робинс написал о Троцком воспоминания, они хранятся в Гуверовском институте в коллекции Троцкого, box 31, fold.4.

Альберт Глоцер (Albert Glotzer, 1908–1999) был одним из первых членов Компартии Америки. Он приезжал к Троцкому на Принкипо (Турция) в 1931. В 1937 работал судебным репортером у Троцкого в отделе журналистских расследований, но в 1939–1940 порвал отношения с Троцким. К 1960 стал социал-демократом. Написал книгу «Троцкий: воспоминания и критика» (1990). Архив Глоцера тоже хранится в Гуверовском институте.

Джордж Лаван Вайсман (George Lavan Weissman, 1916–1985) в 1937 вышел из СП и был одним из организаторов Социалистической рабочей партии. Во время Второй мировой войны (1941–1946) Вайсман сражался на фронте в чине капитана артиллерии, а после войны возглавлял местные комитеты СРП в Бостоне и Янгстауне. С 1947 по 1981 был директором издательств «Пионер», «Следопыт» и многих других. До 1970 состоял в национальном и политическом комитетах СРП, а также во множестве различных организаций, среди которых Национальная ассоциация защиты цветных, американский студенческий союз в Гарварде, Комитет по борьбе с расовой дискриминацией, Комитет по защите гражданских прав и даже Кубинский революционный комитет. При этом он даже находил время для того, чтобы представлять и защищать идеи Троцкого.

Когда я еще жила в Бруклине, Гарольд принес мне несколько копий писем Сергея, которые он писал своей

матери и отцу и несколько копий писем к брату Льву. Позже те же самые копии мне принес Альберт. Оригиналы хранятся в Хаугтонской библиотеке в Гарвардском университете. Джордж Вайсман делал попытки издать письма отца в Англии и способствовал тому, что они были переведены на английский язык. К сожалению, это издание не состоялось.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
От редакции	6
Семья Троцкого. Краткие биографические сведения	8
<i>С.Ларьков, Е.Русакова, И.Флиге.</i> Сергей Седов – «сын врага народа Троцкого»	11
<i>Приложения</i>	44
1. Анкета арестованного С.Седова, март 1935	44
2. Протокол допроса С.Седова, май 1935.....	47
3. Анкета арестованного С.Седова, апрель 1937	49
4. Приговор	51
5. Справка.....	53
6. Протокол допроса Г.М.Рубинштейн, 1938	55
7. Жалоба	59
8. Протокол допроса Г.М.Рубинштейн, 1956	62
9. Протокол допроса Р.Е.Рубинштейн, 1951	68
10. Протокол допроса М.И.Рубинштейна, 1951	72
11. Письма С.Седова к родителям и брату	76
12. Письмо Н.И.Троцкой о сыне.....	108
13. Статья в газете «Правда», январь 1937	113
14. <i>П.Ричардс.</i> Встреча с сыном Троцкого.....	114
15. <i>И.Бергер.</i> Из воспоминаний	116
16. Второе заявление Л.Д.Троцкого судебному следователю	120
17. Письмо Б.И.Николаевского к Н.И.Седовой. 1950	126
18. <i>С.Ларин.</i> С этой тайной он прожил не год и не два, а почти пятьдесят лет	128
19. О реабилитации Л.Д.Троцкого	132
Письма из Красноярска. Сергей Седов – Генриетте Рубинштейн. 1935 год	135
<i>Юлия Аксельрод.</i> Из записок 2002 года.....	238

*Научно-информационный центр «Мемориал» (СПб.)
Hoover Institution Archives (Stanford University), Ca, USA*

«Милая моя Ресничка!..»
Сергей Седов. Письма из ссылки

Редактор Е.Русакова
Оформитель Е.Кудрявцева
Корректор А.Сахно

Подписано к печати 20.04.2006.
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16+1.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1045
Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
Тел./факс: (812) 388-16-64
e-mail: allegro-print@yandex.ru

